

КРАТИЛЪ.

КРАТИЛЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

О Платоновомъ Кратилѣ можно было бы судить, конечно, тверже и надежнѣе, если бы мы отчетливо знали, какъ софисты и грамматикн того времени думали о происхожденіи словъ, и до какой степени разнообразились ихъ мнѣнія объ этомъ въ области философіи. При недостаткѣ такихъ свѣдѣній мы должны, по крайней мѣрѣ, внимательно при-смотреться къ характеру указаній на этотъ предметъ, изложенныхъ въ самой книгѣ Платона, чтобы составить себѣ о томъ по возможности ясное понятіе. Вѣдь Платонъ тѣмъ и занятъ здѣсь, что исправляетъ превратныя положенія людей о происхожденіи словъ и изгоняетъ злоупотребленіе ими въ философіи: онъ показываетъ, что самое занятіе этимологіею у тогдашнихъ грамматистовъ выходило изъ худыхъ началъ,—что какъ слова и не произошли отъ одного человѣческаго произвола, и не навязаны одною необходимостію природы, такъ и познаніе истины должно быть почерпаемо не изъ именъ, прилагаемыхъ къ вещамъ, а изъ существа вещей; и такимъ образомъ превратной этимологіи софистовъ и философовъ противопоставляетъ собственный спо-

собъ философствованія и собственное ученіе истины. Въ тѣ времена ходили особенно два мнѣнія о природѣ вещей: одно элейское, по которому все дѣйствительно существующее почиталось постояннымъ и неизмѣннымъ; другое Гераклитово, которымъ дѣйствительно сущее отрицалось, и все мыслимо было въ непрестанномъ движеніи. Защитники того и другаго изъ этихъ мнѣній, когда возникалъ вопросъ объ этимологіи словъ, старались рѣшать его примѣнительно къ общему философскому взгляду своей школы. Особенною же хвастливостію выдавались на этомъ поприщѣ гераклитяне, какъ это видно изъ самаго содержанія Кратила; ибо во всемъ почти разговорѣ дѣло идетъ больше о превратности ихъ понятія, ставшаго любимымъ убѣжденіемъ тогдашнихъ софистовъ. Посему Платонъ въ Кратилѣ сильно настаиваетъ на той мысли, что, для опредѣленія истины относительно происхожденія словъ, надобно вступить на иной путь и что гораздо благоразумнѣе будетъ изслѣдовать природу и силу самыхъ вещей, чѣмъ терять время въ пустой игрѣ словопроизведенія.

Но чѣмъ болѣе тѣ филологи, отвергая надежныя начала, вдавались въ производство словъ и оттуда выводили значеніе ихъ, тѣмъ болѣе имѣлъ Платонъ побужденій припоминать странныя ихъ усилія и собирать смѣшныя примѣры ихъ этимологіи. И въ этомъ отношеніи Кратиль имѣетъ не малое сходство съ Эвтидемомъ: ибо какъ въ Эвтидемѣ съ колкою насмѣшливостію подбираются примѣры пустой протагоровской діалектики, такъ въ Кратилѣ съ обиліемъ представляются образцы нелѣпаго словопроизводства; и мы почти не можемъ сомнѣваться, что все это—только забавная поддѣлка подъ мысли софистовъ, а особенно протагорейцевъ. Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ конечно не мало-важное затрудненіе, какъ различить мѣста, продиктованныя Платону одною шуткою, отъ серьезныхъ его положеній. И не удивительно, что нѣкоторые критики, не замѣтивъ этого различія, держались той мысли, будто Платонъ въ Кратилѣ

хотѣлъ изложить свое мнѣніе о началѣ словъ и языка, и, не видя здѣсь никакой насмѣшки, выдавали все за собственные его опредѣленія, такъ что навязали ему множество нелѣпостей. Такъ, *Менавій* у Діогена Лаэртія (р. 149) говоритъ: «Platonis in Cratylo sunt fere omnia pseudetyma, rase tanti viri liceat dixisse». Не правильнѣе судить объ этомъ и *Тидеманъ* (*Argument. Dialogg. Platon.* р. 84 sqq.). Насмѣшку въ разсматриваемомъ діалогѣ стали чувствовать первые—*Garnier* (*Memoires de Littérature* t. XXXII, р. 190—217) и *Tennemann* (*Histor. Philosoph.* t. II, р. 340 sqq.); но они перешли въ другую крайность и не оставили Платону ничего серьезнаго. Напротивъ, мы думаемъ, что разсужденія философа, коими опровергаются взгляды Ермогена и Кратила, и мысли его въ послѣдней части діалога, что познаніе о вещахъ надобно почерпать не изъ именъ, а изъ самой силы и природы вещей, имѣютъ характеръ ученія, принадлежащаго ему самому; а чтò привнесено для объясненія этимологическихъ диковинокъ, которыми любили хвастаться софисты, то надобно понимать какъ шутку и насмѣшку. Чтобы яснѣе усмотрѣть, какое было намѣреніе у Платона при изложеніи этой книги, сдѣлаемъ, по нашему обыкновенію, обзоръ ея содержанія.

Разговаривающими лицами вводятся здѣсь Ермогенъ и Кратиль, которые, когда пришелъ къ нимъ Сократъ, тотчасъ приглашаютъ его принять участіе въ ихъ бесѣдѣ. Бесѣда ихъ была о происхожденіи словъ и языка. Кратиль настаивалъ, что происхожденіе всѣхъ именъ есть естественное, и трактовалъ объ этомъ предметѣ нѣсколько темно. Посему Ермогенъ проситъ Сократа открыть и объяснить имъ свои относительно этого мысли. Сократъ съ обыкновенною любезностію и остроуміемъ отвѣчаетъ ему, что нельзя удивляться, если такой прекрасный предметъ окруженъ мракомъ, и что онъ не знаетъ, чтò думать о немъ,—тѣмъ болѣе, что не слушалъ дорогихъ уроковъ Продика, за которые платится по пятидесяти драхмъ, а пользовался преподаваемыми

только за одну драхму. Впрочемъ онъ готовъ изслѣдовать это дѣло, но не иначе, какъ общими силами съ Ермогеномъ и Кратиломъ. Выслушавъ Сократа, Ермогенъ объявляетъ, что ему нравится исключительно мнѣніе тѣхъ, которые почитаютъ имена условными знаками вещей; а кому кажутся они естественными, съ тѣми онъ не согласенъ (Init.—384 E).

Эти самыя стороны вопроса Сократъ и поставляетъ во взаимное противорѣчіе. Во первыхъ, говоритъ онъ, можетъ случиться такъ, что той же самой вещи иное имя прилагается публично и иное частно. Потомъ замѣчаетъ, что сужденія истинныя обыкновенно отличаются отъ ложныхъ, поколику мы судимъ о всѣхъ вещахъ или соотвѣтственно ихъ природѣ, или не совсѣмъ приспособляемся къ ней. Отсюда сужденія наши, полагаетъ онъ, или соотвѣтствуютъ самымъ вещамъ, или не соотвѣтствуютъ. А какъ имена и слова суть части нашихъ сужденій и выраженій, то и они также могутъ быть истинны и ложны. Притомъ Сократъ думаетъ, что если сила именъ заключается въ употребленіи ихъ и привычкѣ къ нимъ, то одинъ и тотъ же человѣкъ одной и той же вещи можетъ придавать имена различныя, и всѣ ихъ надобно будетъ признавать правильными. Но Ермогена эти доказательства нисколько не отвлекаютъ отъ его положенія: онъ все-таки упорно настаиваетъ, что начало и употребленіе именъ надобно производить изъ привычки и произвола людей (p. 384 E—385 E).

Но такъ какъ это мнѣніе принимаетъ происхожденіе именъ произвольное, или, по нынѣшнему, субъективное, то Сократъ прежде всего считаетъ нужнымъ разсмотрѣть, правильно ли судить Протагоръ, что всѣ вещи таковы, какими кому кажутся, и что, слѣдовательно, человѣкъ есть какъ бы нѣкоторая мѣра ихъ, или же онѣ имѣютъ свою силу и значеніе сами по себѣ. Вѣдь то-то несомнѣнно, говоритъ онъ, что, какъ скоро одобрено будетъ мнѣніе Протагора, должно уничтожиться всякое различіе между благоразуміемъ и неблагоразуміемъ, мудростію и глупостію; ибо чтò кому ка-

жется, то и надобно почитать истиннымъ. По той же самой причинѣ, думаетъ Сократъ, слѣдуетъ отвергнуть и мнѣніе Эвтидема, который полагаетъ, что все вмѣстѣ для всѣхъ оказывается равно. Этимъ опредѣленіемъ въ корнѣ уничтожается также всякое различіе между добромъ и зломъ. Если же все вмѣстѣ не для всѣхъ одинаково и равно, и частные предметы для отдѣльныхъ лицъ не таковы, какими являются: то слѣдуетъ, что вещи имѣютъ собственную свою природу сами по себѣ, и что эта природа не зависитъ отъ чувства и произвола людей (р. 385 E—386 E).

Когда это было такимъ образомъ изложено и Ермогеномъ одобрено, Сократъ начинаетъ слѣдующее разсужденіе. Если вещи имѣютъ собственную свою силу и отъ человѣческихъ чувствъ не зависятъ, то необходимо таковы же должны быть и относящіяся къ нимъ дѣйствія, то есть и они не зависятъ отъ нашей воли и блюдутъ въ себѣ собственную свою природу. Но къ дѣйствіямъ относится и рѣчь. Поэтому, кто намѣренъ говорить правильно, тотъ долженъ дѣлать это соотвѣтственно природѣ рѣчи. Рѣчи же подчинено наименованіе, которое также считается дѣйствіемъ. Стало быть, и именовать вещи мы должны соотвѣтственно природѣ наименованія, такъ, чтобы и въ этомъ отношеніи исключалось всякое безразсудство произвола (р. 386 E—387 D).—Кромѣ того, имена суть какъ бы нѣкоторыя орудія, которыми мы пользуемся, чтобы научить другъ друга относительно вещей и чтобы отчетливо разбирать, которыя изъ нихъ различны между собою. Слѣдовательно, тотъ будетъ правильно пользоваться ими, кто умѣетъ учить. А пользуясь именами, онъ видитъ ихъ готовыми; ибо они установлены употребленіемъ и обычаемъ, такъ что представляются дѣломъ какого-то законодателя. Изъ этого видно, что слова не слѣдуетъ вымышлять и выковывать всякому: это можетъ дѣлать только тотъ, кто хорошо знаетъ вещь, и кого называемъ мы законодателемъ (р. 387 D—388 E).—Да сообрази и то, чему слѣдуетъ законодатель въ измышленіи именъ.

Вѣдь какъ всякое орудіе должно быть примѣнено къ той вещи, въ отношеніи къ которой служить орудіемъ; такъ и имена своими звуками и слогами соотвѣтствуютъ у него природѣ тѣхъ вещей, которыя означаются ими. Поэтому-то слова самыхъ вещей суть какъ бы нѣкоторые образы, о значеніи которыхъ будетъ весьма хорошо судить тотъ, кто соблюдаетъ правильное употребленіе именъ, то есть, діалектикъ. Изъ этого ясно, что не всякому можно позволить вымышлять слова и давать имена вещамъ, но надобно принять мнѣніе Кратила, который почитаетъ имена естественными и, слѣдовательно, способнымъ налагателемъ ихъ готовъ признать того, который, слѣдуя указанію природы, искусно и благоразумно умѣетъ буквами и слогами выражать отличительныя свойства вещей (р. 388 E—390 E).

Выслушавъ это, Ермогенъ сознается, что не находитъ ничего, чѣмъ можно было бы опровергнуть разсужденія Сократа, хотя дѣло кажется ему все еще не опредѣленнымъ и не изслѣдованнымъ, и потому обращается къ Сократу съ новою просьбою, чтобы онъ показалъ точнѣе, въ чемъ состоитъ та естественная правильность именъ. Но Сократъ говоритъ, что для этого надобно посѣщать софистовъ, людей, въ такомъ дѣлѣ весьма свѣдущихъ. А такъ какъ Ермогенъ, по своей бѣдности, не можетъ платить имъ той высокой цѣны за уроки, то ему не остается ничего болѣе, какъ просить брата своего Калліаса, чтобы онъ по выслушаннымъ имъ наставленіямъ Протагора самъ обсудилъ, что въ этомъ отношеніи говорятъ правильно, что ложно. Ермогенъ однакожь отвѣчаетъ, что ему вообще не нравится взглядъ Протагора, слѣдовательно не понравится и то, что изъ него будетъ выведено.

Послѣ сего Сократъ начинаетъ шутить: у Омира, говорить, надобно учиться правильному понятію объ именахъ; потому что Омиръ различаетъ языкъ боговъ и людей, а боги, извѣстно, наилучшимъ образомъ видятъ естественное свойство именъ. Онъ рассказываетъ, что троянскую рѣку

боги назвали Ксанѳомъ, а люди—Скамандромъ; также упоминаетъ объ одной птицѣ, которая въ сонмѣ боговъ слыветъ халкидой. Но это и подобное этому можетъ быть настолько сокрыто отъ насъ, что намъ тутъ не легко будетъ понять что нибудь. Имена же Скамандрія и Астіанакса, данныя, какъ говорятъ, сыну Гектора, кажется, могутъ быть нами изслѣдованы. Омиръ рассказываетъ, что сына Гекторова трояне назвали Астіанаксомъ, женщины же—Скамандріемъ. Но мужчины умнѣе женщинъ; слѣдовательно, имя сына Гекторова—Астіанаксъ правильнѣе. Да и значеніе его очевидно: такъ какъ Гекторъ, по свидѣтельству Омира, защищалъ городъ и стѣны, то сына его назвали царемъ города. А имя самого Гектора означаетъ такого человѣка, который держитъ городъ, слѣдовательно есть господинъ его. Отсюда сынъ его могъ назваться подобно тому, какъ мы приплодь льва и лошади обыкновенно называемъ львенкомъ и жеребенкомъ, если только они родились не уродами. Въ этомъ случаѣ все равно, какими буквами и слогами ни будешь пользоваться: прибавишь ли какую нибудь букву, или отнимешь, лишь бы формою имени означалась природа самой вещи. Въдѣ здѣсь господствуютъ великая свобода и разнообразіе употребленія; такъ на примѣръ, царь называется также *ἀγίς*, вождемъ, *πολέμαρχος*, военачальникомъ, *εὐπόλεμος*, воителемъ, *ἀγασίμβροτος*, врачомъ. Всѣ эти имена хотя и различны, однакожь имѣютъ почти ту же силу и значеніе. И такъ, чтò произошло и родилось по природѣ, тому необходимо получить одинакое имя съ тѣмъ, отъ чего оно произошло. А чтò рождается вопреки природѣ, то должно быть наименовываемо по роду, къ которому присуждается. На примѣръ, кто имѣетъ отца благочестиваго, а самъ нечестивъ, тотъ долженъ называться не Тимоеемъ, а Мисоеемъ, потому что онъ выродокъ отца. Поэтому Орестъ названъ отъ *ὄρεϊνός*, то есть дикимъ, по жестокости его души; также Агамемнонь—отъ *ἀγαστος ἐν τῷ μένειν*, потому что въ принятомъ однажды намѣреніи онъ стоялъ твердо.

Таково же свойство именъ Атрея, Пелопса, Тантала и другихъ. Съ этой точки зрѣнія могутъ быть объясняемы даже и имена боговъ. Высочайшій изъ нихъ, напимѣръ, называется то *Zeús*, то *Δις*; но оба эти названія, соединенныя въ одно, хорошо выражаютъ божество его и силу: ибо явно, что онъ названъ *διὰ τὸ ζῆν*, такъ что *Δις* произведено отъ *διὰ*, а *Zeús* отъ *ζῆν*. Далѣе, и *Κρόνος*, отецъ Зевса, получилъ имя отъ *κóρος*, *κορεῖν*, что значитъ вычищать, потому что это божество выметеннаго и очищеннаго ума. Не противъ этого и имя *Οὐράνου*, происходящее *ἐκ τοῦ ὀρεῖν τὰ αἶμα* (р. 390 E—396 A).

Ермогенъ удивляется Сократу, что онъ, какъ бы въ какомъ-то священномъ изступленіи, провѣщааетъ такіе оракулы. А Сократъ въ отвѣтъ: причина заключается въ томъ, другъ мой, что поутру разсуждалъ я съ Эвтифрономъ проспатійскимъ, который исполнилъ меня тѣмъ духомъ, будто божественнымъ вдохновеніемъ. Если же случится мнѣ, при изслѣдованіи происхожденія именъ, погрѣшить въ чемъ нибудь, то я легко упрошу, чтобы какой нибудь жрецъ или софистъ завтра вознесъ за меня умилоствительную молитву. А теперь мнѣ представляется благоразумнымъ продолжать изслѣдованіе вопроса объ именахъ (р. 396 D).

Оставимъ же, говорить, собственные имена людей и героевъ, которыхъ причины могли быть различны. Разсмотримъ лучше названія вещей постоянныя и неизмѣняемыя; ибо этимъ-то родомъ ихъ, по всей вѣроятности, особенно занимались изобрѣтатели именъ. Начнемъ съ боговъ. Боги названы «θεοί» отъ бѣжанія, то есть отъ *θεῖεν*; потому что древніе люди признавали богами однѣ бѣгущія по небу звѣзды, а потомъ это имя перенесено уже на всѣхъ боговъ. За ними слѣдуютъ геніи, *δαίμονες*, получившіе названіе отъ *δαῖναι*, быть мудрымъ; ибо, когда другіе оставили добродѣтель и мудрость, эти одни пребыли добродѣтельными и мудрыми. Но герои названы такъ отъ *εἶρεν*, говорить, чтобы показать въ нихъ совершенныхъ ораторовъ и діалектиковъ

(398 E). Въ томъ же шуточномъ родѣ производятся имена людей (р. 399 A—D), тѣла и души (р. 399 E—400 D), Весты (р. 401 A—D), Кроноса и Реи (р. 402 A), Тетіоса, Нептуна (р. 402 D—E), Плутона (403 A), Орка, Цереры, Юноны, Персефоны (р. 404 D), Аполлона (р. 404 E—406 A), Музъ (р. 406 A), Латоны (р. 406 A, B), Діаны (406 B), Діониса и Венеры (406 C, D), Минервы (407 B), Вулкана (407 C), Марса (407 D), Меркурія (407 E—408 A), Пана (408 B—D), и все это дѣлается съ насильственнымъ измѣненіемъ буквъ, по способу элейцевъ, гераклитянъ и орфистовъ. Отъ именъ божескихъ Сократъ переходитъ къ именамъ солнца, луны, огня, воды, воздуха и земли, года и годовыхъ временъ, изслѣдованіе которыхъ сопровождаетъ такую же шуточную (р. 409 A—410 E). Потомъ приступаетъ къ именамъ добродѣтелей и пороковъ, удобствъ и неудобствъ, удовольствій и скорбей, причемъ весьма тонко смѣется надъ гераклитянами, поддѣлываясь подъ ихъ способъ умствованій. Встарину люди, говоритъ онъ, въ изслѣдованіи природы вещей страдали какъ бы головокруженіемъ, а потому пришли къ мысли, что и самыя вещи находятся въ непрестанномъ движеніи, и вслѣдствіе этого называли ихъ означающими также движеніе именами (р. 411 B, C). Отсюда *φρόνησις* есть *φορᾶς νόησις*; *γνώμη*—*γωνῆς νόμησις*; *νόησις* значить то же, что *νεόεσις*; *σοφία* же произведено отъ *σοός*, *σοῦσθαι*, *σοός* и *ἐπαφή*; *διχαίου* означаетъ τὸ διαίον, то, что проникаетъ, слѣдовательно есть то же, что *αἴτιον δι' ὃ γίγνεται τι*; въ народѣ хотя и принято это словопроизводство справедливости, но не уяснено значеніе его, а потому случается, что справедливость тотъ называетъ солнцемъ, видя въ немъ источникъ жизни и движенія, другой—все проникающимъ огнемъ, иной—Анаксагоровымъ умомъ, разлитымъ по всей вселенной (р. 413 D). Но *ἀνδρεία* есть какъ бы *ἀνρειά*, то есть *ἐναντία ῥοῇ*; *τέχνη* же—*ἐχονότης*, если допустить вообще, что первоначальныя формы именъ отъ прибавки или убавки буквъ терпятъ измѣненіе; *ἀρετή* есть сокращенное изъ *ἀειρεϊτή*, отъ *ἀεὶ ῥεῖν*; *αἰσχρόν* значить

то же, что *ἀεισχόρροον*; *ἡδονή* есть *ἡ πρὸς τὴν ὄνησιν τείνουσα πρᾶξις*, какъ *ἡ ὄνη*; *λύπη* есть *διάλυσις ἐν πάθει*; *ἀνία* значить *τὸ ἐμποδίζον τοῦ ἰέναι*; *ὀδύνη*—*τὴν ἐνδυσιν τῆς λύπης*. Но долго было бы перечислять все, что, въ осмѣяніе гераклитянъ, объясняется здѣсь до стр. 421 А. Прибавимъ только одно: *ἀλήθεια* производится отъ *θείας ἄλης*, какъ бы отъ божественнаго скачка, а *ψεῦδος*—отъ *εὔδειν*; наконецъ, *ὄν* и *οὐσία*, по способу гераклитянъ, объясняются чрезъ *ἰόν* и *ἰούσαν* (р. 421 В, С).

Смѣлость и необычайность производства какъ этихъ словъ, такъ и другихъ, на которыя будетъ указано, Сократъ извиняетъ тѣмъ, что многія слова—или варварскія, заимствованныя у другихъ народовъ, или отъ древности потеряли свое значеніе и потерпѣли сильную порчу. Теперь думаетъ онъ изслѣдывать вопросъ такъ, чтобы доходить до первыхъ стихій словъ; посему приступаетъ сперва къ разсмотрѣнію тѣхъ первоначальныхъ именъ, которыя не сложны или отъ другихъ не произведены, съ тѣмъ, чтобы потомъ коснуться также и отдѣльныхъ буквъ. Объ этомъ разсуждаетъ онъ слѣдующимъ образомъ.

Первоначальнымъ словамъ необходимо быть такими же, какими и производнымъ; ибо и они, если только призваны быть именами, должны выражать силу и природу вещей. Впрочемъ тѣ и другія различаются тѣмъ, что произведенныя слова показываютъ вещи посредствомъ первоначальныхъ, а простыя и коренныя дѣлаютъ это инымъ способомъ. Каковъ этотъ способъ означенія,—можно понять изъ слѣдующаго. Если бы, не имѣя ни языка ни слова, хотѣли мы обозначить окружающіе насъ предметы, то, безъ сомнѣнія, указывали бы ихъ руками, головою и другими членами тѣла, какъ дѣлаютъ это глухонѣмые. И такъ, намѣреваясь означить легкое и поднимающееся вверхъ, мы поднимали бы руки къ небу, а для означенія нижняго и тяжелаго, опускали бы ихъ книзу. Такимъ же образомъ и касательно всего прочаго. Но когда мы означаемъ вещи язы-

комъ и устами, что иное дѣлаемъ тогда, какъ не выражаемъ ихъ нѣкоторымъ подражаніемъ? Стало быть, имя есть выраженное словомъ подражаніе вещамъ, которымъ обь- является ихъ сила и природа (р. 421 С—424 А).

Но сила и природа вещей выражается слогами и буквами. Посему о нихъ прежде и надобно говорить. Изъ буквъ, одни—гласныя, другія—безгласно-согласныя, третьи—полугласныя. Эти роды буквъ надобно сравнивать съ самыми вещами и смотрѣть, въ чемъ онѣ согласны между собою. Черезъ такое благоразумное соразмѣреніе различныхъ буквъ, слова оказываются соотвѣтствующими и принаровленными къ самымъ вещамъ. А изъ словъ потомъ слагается рѣчь, представляющаяся какъ бы живописною картиною вещей, разрисованною разными красками, соотвѣтствующими природѣ ихъ. О самыхъ словахъ и образованіи ихъ судить трудно: но такъ какъ объясненіе ихъ съ этой точки зрѣнія необходимо, то надобно испытать, сколько можемъ мы здѣсь имѣть успѣха. Вѣдь кто говорить, что имена объяснять неудобно,—или потому, что они даны вещамъ отъ боговъ, или потому, что они перешли къ намъ отъ варваровъ, или потому, что они по давности устарѣли,—тотъ не думаетъ, что, пренебрегши истолкованіе первоначальныхъ словъ, нельзя правильно объяснить и производныхъ. Поэтому кто желаетъ быть въ этомъ дѣлѣ свѣдущимъ, тотъ долженъ обращать особенное вниманіе на слова первоначальныя, если не хочетъ въ своемъ истолкованіи быть просто болтуномъ.—Этимъ замѣчаніемъ, безъ сомнѣнія, затрогиваются софисты, которые, оставляя безъ вниманія стихіи языка, безразсудно занимались, примѣнительно къ цѣли какого нибудь частнаго предмета, изъясненіемъ словъ производныхъ и сложныхъ.—И такъ, прежде всего надобно показать силу отдѣльныхъ буквъ, и, если въ моемъ разсужденіи обь этомъ выпадетъ что смѣшное, прошу извинить меня, ради трудности предмета (р. 424 А—426 В).

Буква ρ способна выражать движеніе, что видно изъ со-

трясенія произносящаго ее языка; поэтому-то она и вошла въ слова: ῥεῖν (течь), τρόμος (дрожаніе), κρούειν (ударять), и въ другія подобныя. Потомъ, ι показываетъ тонкость—и, по тонкости, способность проникать, подвигаться, какъ въ глаголахъ: ἵεσθαι (идти) и ἵεσθαι (тоже). Буквы же: σ, φ, ψ, ζ выражаютъ шипѣніе, или свистъ, какъ въ словахъ: ψυχρόν (холодное), ζέον (кипящее), σειεσθαι (трястись), и въ другихъ. Для означенія покоя и стоянія пригодны буквы δ и τ, при произношеніи которыхъ языкъ какъ бы опирается на зубахъ. Тихое, жидкое, клейкое хорошо обозначаются чрезъ λ, произнося которую, языкъ падаетъ какъ-то мягко. Такимъ образомъ, всякая буква имѣетъ свойственную себѣ силу и выраженіе, и это, при употребленіи ея, надобно наблюдать внимательно (р. 426 В—427 D).

Кратиль признается, что все это объяснено совершенно согласно съ его воззрѣніемъ,—потому ли, что Сократъ исполнился какого-то священнаго восторга отъ Эвтифрона, или потому, что присуща была ему своею божественностію другая какая муза. Это мѣсто весьма ясно показываетъ, что все здѣсь изложено Сократомъ не какъ собственное его убѣжденіе, а какъ шуточное приспособленіе къ мнѣніямъ другихъ; такъ что даже и правильныя его замѣчанія направлены, безъ сомнѣнія, къ насмѣшкѣ. Выслушавъ отвѣтъ Кратила, Сократъ приступаетъ къ тонкому опроверженію его мнѣнія.

Имена приданы вещамъ, говоритъ, чтобы мы знали ихъ природу: стало быть, есть нѣкоторое искусство правильнаго нахожденія именъ. Кратиль хотя и допускаетъ это, однакожь не соглашается, что одни изъ нихъ болѣе приспособлены къ вещамъ, чѣмъ другія; потому что если которыя нибудь надобно называть дѣйствительно именами, то они дѣйствительно также принадлежатъ вещамъ: прочія же, говоритъ, уже и не имена, а просто пустыя слова и звуки. Въдь слова, такъ какъ они подражаютъ природѣ вещей и служатъ какъ бы образомъ ихъ, не могутъ быть придаваемы

ко всякой вещи, въ значеніи именъ, превратно, если въ этомъ приложеніи не допускать обмана и ошибки.—Сократъ отвѣчаетъ ему: а развѣ и ты думаешь, что никто не можетъ лгать и ошибаться?—Кратилъ, слѣдуя, безъ сомнѣнія, началамъ Протагора, подтверждаетъ это безъ запинки,—и Сократъ находитъ нужнымъ обличить неправильность этого мнѣнія. Слова, говорить, суть нѣкоторые рисунки вещей. Но можетъ случиться, что кто нибудь, образъ мужчины признавъ за образъ женщины, ошибочно приложить ему и имя, выражающее силу его; а это явно показываетъ, что въ употребленіи именъ есть мѣсто обману. Изъ этого слѣдуетъ, что одни имена, надобно думать, прилагаются къ вещамъ правильно, а другія—превратно, и потому одни бываютъ лучше другихъ (р. 427 E—431 E). Остроумно, конечно, отвѣчаетъ на это Кратилъ, полагая, что имя, написанное иначе, чѣмъ какъ слѣдовало, выходитъ совсѣмъ другое, и потому не есть имя той вещи, которую должно оно означать. Но не менѣе остроумно говорить и Сократъ, сравнивая его съ числами: тогда какъ числа, съ прибавкою или убавкою единицы, тотчасъ теряютъ свою силу, свойство образовъ не таково: они хотя бы и не во всемъ были подобны одинъ другому, все таки оставались бы образами и были бы двумя; такъ что, если бы имя Кратила и совершенно представляло природу его,—былъ бы уже не одинъ Кратилъ, а два. Но если имя подобно означаемой имъ вещи, то и стихіи, изъ которыхъ сложены слова первоначальныя, необходимо должны уподобляться вещамъ. Повѣримъ съ этою нормою употребленіе словъ. Мы иногда предъ буквою ρ, которая есть жесткая, полагаемъ λ, выражающую легкость и мягкость. Въ слово, напримѣръ, σκληρότης вошла у насъ буква λ, противная природѣ жесткости; тотъ же диссонансъ имѣетъ въ концѣ этого слова и буква σ, которая не заключаетъ въ себѣ ничего для показанія его жесткости, и потому на нарѣчій эретрійскомъ приличнѣе говорится σκληρότηρ. И такъ, совершенно ясно, что

силу и природу вещи это слово не совсѣмъ выражаетъ, хотя значеніе сего имени извѣстно всякому, такъ какъ привычка съ извѣстнымъ словомъ соединять извѣстный смыслъ не подлежитъ сомнѣнію. Такимъ образомъ мнѣніе Кратила переводится теперь на сторону мнѣнія Ермогенова, какъ прежде Ермогенъ приведенъ былъ къ принятію мнѣнія Кратилова. Этимъ самымъ Платонъ довольно ясно уже обозначилъ собственную свою мысль: онъ положилъ, что оба эти мнѣнія заключаютъ въ себѣ нѣчто справедливое, а потому должно не раздѣлять ихъ, а скорѣе соединить въ одно (р. 427 D—435 C).

Ислѣдовавъ это, Сократъ переходитъ къ исправленію другой ошибки Кратила. Кратиль думалъ, что имена не только показываютъ, что представлялось изобрѣтателямъ ихъ относительно природы вещей, но и открываютъ самую силу и природу ихъ; такъ что уразумѣвшій первое уразумѣетъ и послѣднее. Посему онъ предполагалъ, что ими означаются также текучесть и движеніе. Противъ этого положенія Сократъ рассуждаетъ такъ. Кто прилагалъ имена къ вещамъ, говоритъ, тотъ, дѣлая единственно это, не тщательно наблюдалъ силу и природу ихъ. Не важно въ самомъ дѣлѣ, что все множество различныхъ именъ, по видимому, направляется къ одному и тому же, то есть, къ показанію смѣны и движенія вещей; ибо такъ могло случиться и по ошибкѣ. Кромѣ того, есть много словъ, означающихъ не движеніе, а покой вещей. Напримѣръ, имя знанія, ἐπιστήμη, очевидно, образовалось изъ глагола стоять, ἵστημι. А отсюда можно заключить, что составитель именъ не держался того положенія, что все течетъ. Гораздо важнѣе то, что съ этимъ мнѣніемъ сопряжено значительное затрудненіе. Вѣдь если мы полагаемъ, что отъ именъ есть переходъ къ познанію самыхъ вещей, то само собою слѣдуетъ, что первый составитель словъ, такъ какъ онъ не имѣлъ еще именъ и знать вещи безъ нихъ не могъ, придавалъ имена вещамъ не съ знаніемъ, а съ незнаніемъ (р. 435 C—438 B).

Поставленный въ затрудненіе, Кратиль прибѣгаетъ теперь подъ защиту той мысли, что имена приданы вещамъ, говорить, существомъ, человѣка превосходнѣйшимъ, — богомъ или какимъ геніемъ. Это можно заключить изъ той соотвѣтственности словъ вещамъ, которая превышаетъ человѣческое разумѣніе. — Но такой соотвѣтственности Сократъ не допускаетъ. Многія имена, говоритъ, получили свое начало отъ движенія, многія также и отъ покоя. Изъ этого слѣдуетъ, — хотя эта мысль и нечестива, — что тотъ богъ или геній постановили взаимно противорѣчащее, какъ скоро показали въ словахъ, что все течетъ и не течетъ (р. 438 В—D).

Если же неизвѣстно, говоритъ Сократъ, котораго рода имена правильны, то они никакъ не могутъ способствовать къ правильному познанію вещей, и познаніе это можетъ быть почерпаемо единственно изъ взаимнаго соотношенія и самой природы ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, это познаніе гораздо превосходнѣе того, какое почерпается изъ тѣней словъ и образовъ. Къ тому же эти слова, означающія движеніе вещей, по видимому, обнаруживаютъ погрѣшности, если только вещи находятся не въ непрестанномъ волненіи, но суть нѣчто доброе, прекрасное, честное, самостоятельное и не подлежащее никакой смѣнѣ перемѣнъ. Вѣдь прекрасное само въ себѣ если бы всегда текло, то не могло бы быть и названо; потому что, пока мы наименовали бы его, тотчасъ вышло бы иное. Точно такимъ же образомъ, при этомъ движеніи вещей, не могло бы имѣть мѣста и познаніе; потому что всякому знанію было бы необходимо измѣняться и переходить въ противное ему. Но этотъ важный и трудный вопросъ, постоянны ли вещи и неизмѣняемы, или, по Гераклиту, текутъ какъ рѣка, мы въ настоящемъ случаѣ оставимъ. То только намъ совершенно извѣстно, что лишь человѣку мало разсудительному свойственно образовать свою душу тѣнями и образами словъ и твердо настаивать на томъ, что въ вещахъ нѣтъ ничего извѣстнаго и опредѣленнаго, но что все въ нихъ течетъ и смѣняется (р. 438 E—440 C).

Высказавъ это, Сократъ уговариваетъ Крати́ла, чтобы онъ оставилъ предразсудочную довѣрчивость и самъ все тщательно изслѣдовалъ, а изслѣдовавши, сообщилъ и ему. Кратиль хотя и обѣщаетъ сдѣлать это, однакожъ въ подобныхъ предметахъ не считаетъ себя такимъ новичкомъ, чтобы не чувствовать превосходства мнѣнія Гераклитова. И такъ, Сократъ проситъ его, чтобы, возвратившись въ деревню, онъ это мнѣніе уяснилъ и доказалъ. Этими словами оканчивается разговоръ (р. 440 D, E).

Черезъ изложеніе содержанія діалога, кажется, достаточно подтвердилось высказанное нами вначалѣ замѣчаніе относительно намѣренія, какое имѣлъ писатель при обработкѣ его. Философъ училъ, что имена вещей и не произвольны только, и не естественны только, и что тѣ удивительно какъ пустословятъ, которые, слѣдуя особенно послѣднему мнѣнію, полагаютъ, что познаніе о вещахъ надобно почерпать изъ производства именъ,—тогда какъ оно зависитъ единственно отъ неизмѣняемой и постоянной природы ихъ.

Но кто были философы и этимологи, осмѣиваемые въ Кратилѣ, мало изслѣдовано. Хотя Сократъ въ началѣ разговора и упоминаетъ о Продикѣ, но его занятія относились не столько къ этимологіи, сколько къ синонимикѣ словъ (см. *Spengel*, *Artium scriptorr.* р. 46—59. Сн. *Protagor.* р. 207 sqq). Поэтому невѣроятно, чтобы Платонъ противъ него направлялъ свой діалогъ. Сократъ объ этомъ софистѣ упоминаетъ, конечно, потому, что онъ былъ учителемъ Ермогена въ предметахъ грамматическихъ. Искусный прикрыватель своей мудрости, представляя себя въ этомъ дѣлѣ ничего не понимающимъ, говоритъ, что онъ не слушалъ дорогихъ уроковъ Продика, а пользовался только наставленіями дешевыми. Не затрогивается въ этой книгѣ и Ипіасъ элейскій,—во первыхъ, потому, что объ немъ не сказано ни полслова; во вторыхъ, хотя онъ и разсуждалъ объ отдѣльныхъ словахъ, однакожъ, сколько можно заключать

изъ словъ Платона (Hipp. mai. p. 265 B), изслѣдывалъ больше законы чиселъ, чѣмъ происхожденіе словъ. По мнѣнію *Шлейермахера*, Платонъ разумѣлъ здѣсь будто бы Антисѣена. Но если бы это было справедливо, то надлежало бы удивляться, что въ *Кратилѣ* упоминается весьма многое, что нисколько не относится къ этому Сократову ученику. Впрочемъ и грамматическія занятія Антисѣена были такого рода, что Сократу не было повода смѣяться надъ нимъ. *Классенъ* (De primordiis grammaticae graecae p. 29 sq.) весьма справедливо замѣчаетъ, что онъ изслѣдывалъ только діалектическое и риторическое употребленіе языка. Кажется, гораздо ближе видѣлъ правду *Астъ* (De vita et scriptis Platon. p. 267 sq.), полагая, что въ этой книгѣ переоцѣниваются софисты Гераклитовой школы, разсуждавшіе о непрестанной текучести вещей. А такіе софисты были не кто другіе, какъ друзья и ученики Протагора. Этому не противорѣчатъ слова *Классена* (p. 29 sqq.), который говоритъ, что абдеритянинъ въ своей 'Ορδοεστία не разсматривалъ отдѣльныхъ именъ, но разсуждалъ только о правильномъ образѣ рѣчи, поколику онъ зависитъ отъ грамматики: ибо свое мнѣніе о естественномъ происхожденіи и силѣ словъ софистъ раскрылъ не въ этомъ сочиненіи, а больше въ книгѣ περὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ὀρθότητος, составлявшей часть книги, надписанной именемъ 'Αληθεΐα. Но какъ думалъ самъ Протагоръ о происхожденіи именъ? Къ сожалѣнію, рѣшеніе сего вопроса можетъ основываться только на догадкахъ. Впрочемъ дѣло это не такое трудное, чтобы приходилось оставить его въ совершенномъ мракѣ. Во первыхъ, изъ всей науки Протагора можно съ правдоподобіемъ вывести, что думалъ онъ объ этимологіи. Во вторыхъ, предметъ можетъ быть объясненъ и изъ самаго *Кратила*. Абдеритянинъ, какъ извѣстно, держался мнѣнія Гераклита, что все течетъ, какъ рѣка, и съ нимъ соединялъ другое, по которому человекъ есть мѣра всѣхъ вещей. Если же онъ полагалъ, что все течетъ, и чувства наши при-

знавалъ такъ приспособленными къ этой смѣняемости вещей, что они всегда и вездѣ бываютъ согласны съ нею,—доказательства чего см. Theaet. p. 151 E—160 E,—то не могло же быть, чтобъ и именъ вещей не признавалъ онъ такими, какими постигаются они каждымъ чувствомъ и разумніемъ, то есть естественными. Справедливость нашей догадки довольно ясно подтверждаютъ многія мѣста Кратила. Предположивъ это, становится понятнымъ, почему Ермогенъ, полагавшій, что всѣ имена произошли отъ употребленія и условія, говоритъ съ такимъ презрѣніемъ о Протагоровой *Истинѣ*. Если бы софистъ въ этой книгѣ защищалъ происхожденіе словъ отъ произвола, то собесѣдникъ, безъ сомнѣнія, иначе судилъ бы о его сочиненіи. Этимъ предположеніемъ объясняется и то, почему (p. 391 A) Сократъ велитъ Ермогену идти къ брату Калліасу, чтобы научиться отъ него естественному произведенію словъ по протагоровскому способу; ибо Калліасъ, какъ извѣстно, былъ преданъ и всѣмъ прочимъ софистамъ, но особенно Протагору (чит. Protag. p. 311 A). Что же касается до диалектики абдеритянина, то мы знаемъ, что ученики его слишкомъ злоупотребляли ею и прилагали ее ко всякимъ хитросплетеніямъ и мелочнымъ софизмамъ. То же выходитъ и изъ положенныхъ имъ началъ этимологіи; ибо изъ самаго Кратила можно понять, что между друзьями его явились люди, пользовавшіеся ими нелѣпо: не изъ словъ и именъ, созданныхъ умомъ, старались они выводить и объяснять человѣческія понятія, а сами въ слова и имена вносили свои помыслы и этимъ способомъ доказывали и утверждали ихъ. Эти люди преслѣдуются здѣсь тонкою насмѣшкою, и въ то же время многими примѣрами нелѣпой этимологіи показывается, какъ превратно примѣняютъ они свое искусство. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что производства словъ въ большомъ обиліи заимствуются у Омира и осмѣиваются подъ его авторитетомъ. Это служитъ замѣчательнымъ доказательствомъ,

что Платонъ передразниваетъ именно протагорейцевъ. Вѣдь и изъ Теэтета извѣстно (р. 179 E и р. 152 E), что ученики Протагора, дабы снискать себѣ больше довѣрія и доставить больше значенія своему воззрѣнiю, ссылались на Омира, будто и онъ держался того же мнѣнiя, что все непрестанно течетъ и смѣняется. Поэтому Платонъ называетъ ихъ также омиристами. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что мыслившіе такимъ образомъ, въ видахъ поддержки своего мнѣнiя, злоупотребляли толкованiемъ словъ Омировыхъ? Это до того вѣроятно, что выходитъ даже за предѣлы вѣроятности и можетъ быть признано дѣломъ рѣшеннымъ.

И такъ, мы, по возможности, изслѣдовали, кто были тѣ люди, которыхъ Платонъ въ этомъ діалогѣ преслѣдуетъ аттической своею шуткою. Теперь слѣдуетъ сказать о лицахъ, ведущихъ бесѣду съ Сократомъ о происхожденiи словъ и о приложенiи, какое можетъ имѣть оно въ философи. Это тѣмъ важнѣе, что есть старинное, дошедшее до насъ преданiе, будто оба собесѣдника, и Ермогенъ и Кратиль, были нѣкогда учителями Платона въ философи. *Аристотель* (*Metaphys.* I, 6), *Апулей* (*De dogm. Plat.* р. 2, ed. Elm.), *Диогенъ Лаэртій* (III, 6) и другіе говорятъ, что Кратиль первый познакомилъ его съ мудростію Гераклита; только не всѣ согласны въ томъ, было ли это прежде, чѣмъ началъ онъ слушать Сократа, или послѣ; Ермогену же, котораго *Прокль* (р. 5, ed. Voisson) называетъ *σωκρατικός*, Платонъ обязанъ былъ знанiемъ ученiя элейскаго (*Diog. Laërt.* III, 6). И такъ, надобно внимательно разсмотрѣть, что есть справедливаго въ этомъ разсказѣ и каковы были отношенiя Платона къ этимъ людямъ. Вѣдь удивительно въ самомъ дѣлѣ, что изъ тѣхъ, которыхъ имѣлъ онъ своими учителями, одного въ настоящемъ діалогѣ остроумно опровергаетъ, а другаго искуснымъ, шутливымъ подражанiемъ осмѣиваетъ.

Что касается до Ермогена, то о немъ одинъ только

Диогенъ свидѣтельствуеть, какъ объ учителѣ Платона, другіе же всѣ молчатъ объ этомъ, такъ что свидѣтельство это сомнительно. Какъ допустить, чтобы Аристотель и Апулей, упоминая съ этой стороны о Кратилѣ, не сказали ни слова о Ермогенѣ? Но подозрѣніе въ ошибку или обманѣ еще болѣе увеличится, когда тщательно взвѣсимъ, какимъ, по внутреннимъ своимъ силамъ, представленъ онъ въ діалогѣ; вѣдь не только не видно, чтобы онъ особенно зналъ ученіе элейское и старательно занимался имъ, но еще оказывается, что когда-то интересовалъ его больше взгляды Протагора, который теперь ему уже не нравится (р. 386 А). Притомъ это былъ человѣкъ, вовсе не выдающійся ни по уму, ни по учености, чтобы можно было приписать ему глубокое знаніе философіи. Да и родъ его былъ такъ высокъ, что совсѣмъ невѣроятно, будто когда-то приходилось ему быть учителемъ философіи. Онъ происходилъ отъ благороднаго дома Иппониковъ и Калліасовъ, и если стѣснялся скудостью матеріальныхъ средствъ жизни, потому что братомъ Калліасомъ, какъ видно, лишень былъ отеческаго наслѣдства (р. 391 С), все же однакожь не терпѣлъ бѣдности въ такой степени, чтобы прибѣгать къ должности наставника. Я скорѣе прихожу къ тому мнѣнію, что онъ, по обычаю своего вѣка, дабы получить хорошее и разностороннее образованіе, предался софистамъ. И такъ какъ ученіе Протагора ему не нравилось, то онъ не соглашался и съ мнѣніемъ тѣхъ, которые всѣ имена признавали естественными, но, слѣдуя авторитету какого-то софиста, защищалъ положеніе противное. Можетъ быть, касательно этого предмета, какъ и прежде замѣчено, держался онъ сужденій Продика. Такую догадку можно выводить изъ того, что Сократъ на просьбу Ермогена—помочь ему своимъ совѣтомъ отвѣчаетъ отказомъ, на томъ основаніи, что онъ не слушалъ дорогихъ Продиковыхъ уроковъ, а слушалъ дешевые; ибо такимъ образомъ искусно прикрываетъ онъ и собственную мудрость, и вмѣстѣ своимъ замѣчаніемъ ко-

леть Ермогена, который изъ наставленій софиста могъ узнать, какъ надобно судить объ этомъ спорномъ предметѣ. Какъ бы то ни было, но Ермогенъ, безъ всякаго сомнѣнія, введенъ здѣсь Платономъ въ бесѣду съ Кратиломъ именно потому, что защищалъ мнѣніе, относительно происхожденія словъ, противное мнѣнію послѣдняго, и притомъ жилъ съ нимъ въ дружбѣ (*Cratyl. extr.*). А что, по словамъ Діогена, былъ онъ когда-то учителемъ Платона, это—чистая выдумка, какъ полагаютъ и *Штальбомъ*, и *Астъ* (*De vit. et scriptis Plat. p. 20*), и *Фанъ-Принстеръ* (*Prosopogr. Plat. p. 225*). Это о Ермогенѣ; теперь переходимъ къ Кратилу, котораго именемъ надписанъ весь діалогъ.

Астъ (р. 19) и *Зохеръ* (*De scriptis Plat. p. 162*) не соглашались признавать этого Кратила за одно лицо съ тѣмъ Кратиломъ, который сообщилъ Платону первыя понятія о Гераклитовой мудрости; потому что Платонъ едва ли бы позволилъ себѣ такъ шутить надъ человѣкомъ, съ которымъ прежде находился въ такихъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Но Штальбомъ думаетъ иначе. Во первыхъ, никто и нигдѣ не упоминаетъ о двухъ Кратилахъ: ни Аристотель, ни Апулей не прибавляютъ ничего, чѣмъ учитель философа отличался бы отъ другаго. А между тѣмъ на какое нибудь отличіе, конечно, указали бы они, если ужъ самая книга, которая не могла быть имъ неизвѣстною, надписана именемъ Кратила. Во вторыхъ, такъ какъ этотъ самый Кратиль, съ указанными здѣсь оттѣнками его нравовъ и его ума, преданъ былъ наукѣ Гераклитовой или лучше—Протагоровой, то весьма вѣроятно, что онъ-то и былъ наставникомъ, познакомившимъ юношу Платона съ Гераклитовыми положеніями; развѣ допустимъ, что въ тѣ поры жилъ другой философъ того же имени, гораздо болѣе знаменитый, чѣмъ этотъ, и что въ рассматриваемый діалогъ введенъ онъ безъ точнаго означенія его рода. Къ тому же надобно обратить вниманіе и на то, что у Аристотеля нѣтъ ни слова о дружескихъ отношеніяхъ между

Кратиломъ и Платономъ. Философъ этотъ говоритъ просто, что Платонъ «съ дѣтства обращался сперва съ Кратиломъ, отъ котораго впоследствии принялъ мнѣнія гераклитянъ, что все чувствовостигаемое непрестанно течетъ, и что о вещахъ чувственныхъ никакое познаніе невозможно». Стало быть, онъ передаетъ одно—что Платонъ учился у Кратила, то есть слушалъ его наставленія и ученіе. Но отсюда еще нельзя заключать о близкой, дружеской связи ихъ между собою. Чтò же, если Платонъ впоследствии не высоко цѣнилъ наставленія Кратила и даже презиралъ его за упорство въ ложныхъ мнѣніяхъ?—не могло ли быть, что онъ рѣшился преслѣдовать его насмѣшками и шутками, какъ приверженца уродливой доктрины? И что это было дѣйствительно такъ, мы не будемъ сомнѣваться, если всмотримся въ образъ Кратила, какъ онъ начертанъ въ соименномъ разговорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Кратиль здѣсь такъ преданъ началамъ гераклитянъ, что, сколь ни нелѣпы указываемыя Сократомъ словопроизводства, онъ тотчасъ подтверждаетъ ихъ своимъ согласіемъ, лишь бы только этимъ доказывались теучестъ и смѣняемость вещей. Притомъ онъ до того твердо держится своихъ понятій, что никогда не отступаетъ отъ своего мнѣнія, и это замѣтитъ всякій, кто внимательно прочитаетъ діалогъ отъ р. 427 Е. Потомъ, когда въ концѣ книги Сократъ Гераклитовой наукѣ о подвижности вещей противоположилъ свое, или, лучше, Платоново ученіе объ идеяхъ, онъ и тутъ прибавилъ, что Гераклитовъ взглядъ все таки столько нравится ему, что въ его преимуществѣ онъ и теперь не сомнѣвается и никогда не будетъ сомнѣваться. Человѣкъ съ такимъ упорнымъ и слѣпымъ убѣжденіемъ и не сознаетъ, что приводимыя Сократомъ словопроизводства имѣютъ характеръ насмѣшки и шутки, и безъ малѣйшаго колебанія вѣрить даже тому, что ими Сократъ обязанъ Эвтифрону, либо какому иному гераклитянину. Судя по такому описанію его, кажется, не трудно допустить, что Платону, не смотря на знакомство его съ

Кратиломъ, можно было позволить себѣ шутки на счетъ этого прежняго своего учителя. Но, можетъ быть, спросять: почему Платонъ нашелъ нужнымъ ввести его въ діалогъ, какъ лицо разговаривающее, когда всѣ знали, что онъ нѣкогда ему самому преподавалъ ученіе Гераклита? Отвѣтъ на это не труденъ. Книга, озаглавленная именемъ Кратила, была, если не ошибаюсь, первымъ сочиненіемъ, въ которомъ философъ явно обозначилъ, какъ далеко отступилъ онъ отъ ученія гераклитянъ и протагорейцевъ.

Перейдемъ теперь къ Эвтифрону, отъ котораго Сократъ не въ одномъ мѣстѣ производитъ свою мудрость (р. 391 С). Кажется, нѣтъ основаній сомнѣваться, что этотъ Эвтифронъ тотъ самый, котораго мы знаемъ изъ соименнаго разговора. Тамъ выставляется онъ, какъ человѣкъ, несущій должность прорицателя и приписывающій себѣ точнѣйшее знаніе вещей божественныхъ (р. 4). И оракулы свои провѣщавалъ онъ въ такомъ восторженномъ настроеніи, что слушателямъ казался иногда сумасшедшимъ и часто заставлялъ ихъ смѣяться (р. 3 В, С). Поэтому нельзя удивляться, что онъ много занимался истолкованіемъ божескихъ именъ, и тѣмъ, сколько можно было, распространялъ свою науку о вещахъ божественныхъ. Произнося свои оракулы въ настроеніи крайней восторженности, онъ приходилъ въ такое же состояніе и при изъясненіи именъ. Это ясно видно изъ мѣстъ Кратила: р. 396 С, D, 399 А—Е, 408 А, 409 D. Близость его съ Кратиломъ была, кажется, тѣмъ короче, что онъ тоже принадлежалъ къ школѣ гераклитянъ. Отсюда легко понять, почему Сократъ, чтобы осмѣять Кратила, прикидывается, будто всѣми своими истолкованіями именъ онъ обязанъ Эвтифрону, и Кратиль одобряетъ это. Такимъ образомъ явно, что веселымъ и шутливымъ подражаніемъ Сократа провѣщателю осмѣиваются какъ Кратиль, такъ и прочіе гераклитяне, съ особенною ревностью занимавшіеся изъясненіемъ словъ.

Все это—о лицахъ діалога и о насмѣшкахъ надъ геракли-

тянами, оцѣнка превратныхъ понятій которыхъ составляетъ бѣольшую половину книги. Но не должно думать, что Платонъ посвящаетъ весь свой діалогъ только осмѣянію тѣхъ людей. Нѣтъ, обличая свою шуткою софистовъ, онъ весьма благоразумно соединяетъ съ этимъ разсужденіе и о нѣкоторыхъ иныхъ вещахъ, либо служившихъ въ тѣ времена предметомъ общихъ толковъ, либо относившихся къ собственнымъ его философскимъ воззрѣніямъ. Тогда, по видимому, былъ въ ходу вопросъ: имена вещей произошли ли отъ природы, φύσει, или отъ произвола и употребленія, νόμῳ? Этого вопроса философъ въ разсматриваемомъ діалогѣ хотя спеціально и не рѣшилъ, и только нашелъ въ немъ поводъ къ осмѣянію софистовъ, однакожъ сдѣлалъ довольно ясныя указанія, какъ самъ онъ думаетъ объ этомъ; ибо (до р. 390 E), опровергнувъ положеніе Ермогена тѣмъ, что переводитъ его на Кратилово, онъ потомъ (отъ р. 427 E) уничтожаетъ начало Кратила, возвращая его къ Ермогенову, и этимъ довольно ясно обозначаетъ и собственное свое убѣжденіе, что въ томъ и другомъ мнѣніи есть нѣчто справедливое. И такое сужденіе, безъ сомнѣнія, далеко лучше мнѣнія *Аристотеля*, а послѣ—*Секста Эмпирика* (Нуротур. II, 18, Adv. mathem. p. 247), который (De interpret. c. 2) вмѣстѣ съ Ермогеномъ полагаетъ οὐ φύσει εἶναι τὰ ὀνόματα, ἀλλὰ κατὰ συνθήκην. Не больше успѣли и стоики, защищавшіе противное мнѣніе (см. *Cicero*, De finib. II, 14, *Potter*. ad Clem. Alexandr. p. 405; *Michaeler*, De origine linguae p. 21, 36; *Dorsch*, Philosophische Geschichte der Sprache und Schrift. 1791). Новѣйшіе ученые понимаютъ дѣло такъ, что первыя начала языковъ суть подражаніе природѣ, а предметы болѣе сложные именовуются произвольно, потому что съ природою внѣшнихъ вещей могутъ они сравниваться различнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ Платонъ весьма справедливо судилъ, что употребленіе языка, какъ и развитіе искусства, находитъ свое условіе частію въ необходимости, частію въ свободѣ. И эти условія опредѣлили

онъ такъ ясно, что вѣкамъ послѣдующимъ не оставилъ досказать въ семь отношеніи ничего замѣчательнаго.

Но и этимъ не исчерпывается еще все содержаніе Кратила. Мнѣ представляется, что философъ здѣсь имѣлъ въ виду особенно показать, что познаніе надобно почерпать не изъ тѣней словъ, а изъ самой силы и природы вещей. И въ этомъ состоитъ какъ бы результатъ всего сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ гераклитяне и, можетъ быть, другіе философы того времени злоупотребляли этимологіею, чтобы началами ея подтвердить нелѣпые свои вымыслы,—то Платонъ находилъ нужнымъ не только подвергнуть мнѣнія ихъ колкой сократической ироніи, но и противопоставить опредѣленіямъ ихъ собственное свое ученіе объ идеяхъ, и такимъ образомъ доказать, что одна лишь діалектика, и то хорошо установленная, можетъ вести къ познанію истины. Поэтому въ концѣ діалога онъ начала своей идеологіи поставляетъ какъ бы объ руку съ мнѣніями гераклитянъ, хотя отнюдь не выдаетъ ее за дѣло извѣстное и изслѣдованное, а сравниваетъ съ нѣкоторымъ сновидѣніемъ. По крайней мѣрѣ твердо стоитъ на томъ, что безразсудно придавать больше значенія словамъ, чѣмъ самой истинѣ вещей.

Теперь остается еще изслѣдовать вопросъ о времени, когда этотъ діалогъ написанъ и изданъ въ свѣтъ. Указаній для рѣшенія его весьма немного, да и тѣ, къ сожалѣнію, не отличаются достаточною для сего опредѣленностью. Изъ р. 385 Е мы, конечно, понимаемъ, что Кратиль написанъ послѣ смерти Протагора; но годъ, не позже котораго могъ быть онъ написанъ, опредѣлить трудно. Протагоръ умеръ, кажется, за 410 лѣтъ до христіанской эры и почти за шесть лѣтъ до конца пелопонезской войны, если только вѣрно счисленіе *Фререта* (въ книгѣ: *Memoires de l'Academ. des Inscript. t. 47, p. 277 sqq.*) и *Геелія* (*Histor. Sophistar. p. 70*), которое мы далеко предпочитаемъ другимъ хронологическимъ показаніямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Кратиль, какъ и Эвтидемъ, долженствовалъ быть написанъ послѣ 3 г. 92

олимп. Но на р. 420 В и 426 С есть и другое указаніе времени: тамъ упоминается о долгихъ гласныхъ η и ω, которыя, какъ извѣстно, приняты были официально во время магистратуры Эвклида, во 2 г. 94 олимп. Впрочемъ я не много придаю значенія этому указанію; ибо вѣроятно само собою, что частное употребленіе тѣхъ буквъ могло быть допущено въ Афинахъ задолго прежде, чѣмъ приведено было это въ официальную форму и получило силу закона. Объ этомъ см. дѣльныя замѣчанія А. *Matthiae*, Gr. Ampl. Т. 1, р. 22. Но, можетъ быть, самое-то принятіе этихъ буквъ и подало поводъ къ болѣе ревностнымъ, чѣмъ прежде, разсужденіямъ о происхожденіи буквъ и словъ. Если это было дѣйствительно такъ, то Платонъ, пользуясь такимъ случаемъ, можетъ быть, въ то же время написалъ и эту книгу. Это мнѣніе не лишено и нѣкоторыхъ другихъ, довольно правдоподобныхъ основаній; да не мало подтверждается и самымъ содержаніемъ книги. Вѣдь если Кратиль, преподававшій Платону въ молодости его Гераклитовы начала, вводится въ эту книгу такъ, что его мнѣнію постоянно противопоставляется Платоновое ученіе объ идеяхъ, или о силѣ и природѣ вещей самихъ въ себѣ, то можно думать, что философъ нашъ въ то время въ первый разъ ясно опредѣлилъ, какъ далеко, подъ вліяніемъ Сократовыхъ наставленій, отступилъ онъ отъ мнѣнія гераклитянъ, которые полагали, что ничто не пребываетъ въ одномъ состояніи, но все непрестанно течетъ какъ рѣка, и въ этой мысли прежняго своего учителя заставилъ разговаривать съ преемникомъ его. Такъ какъ Сократъ особенно трудился надъ изысканіемъ и толкованіемъ найденныхъ понятій, чрезъ выясненіе отдѣльныхъ формъ ихъ и частей; то Платонъ, узнавъ ученіе элейцевъ о сущемъ, постепенно и мало по малу приведенъ былъ къ убѣжденію, что въ основаніи тѣхъ умственныхъ понятій лежитъ нѣкоторая сила и самостоятельная οὐσία. Но такое философское воззрѣніе едва ли могло быть у Платона прежде смерти Сократа. Посему этотъ діалогъ, какъ и Эвтидемъ, пред-

ставляетъ, можетъ быть, первые замѣтные слѣды ученія объ идеяхъ, въ послѣдствіи раскрытыя философомъ полнѣе и обстоятельнѣе. Сюда же, думаю, надобно отнести и то, что Сократъ въ концѣ діалога говоритъ объ идеяхъ, представляющихся ему въ сновидѣніи: то есть, идей касается онъ только гаданіемъ,— чѣмъ весьма хорошо указывается на философа-юношу, который еще не положилъ твердыхъ, хорошо обдуманыхъ началъ своей наукѣ. Можетъ быть, по этой причинѣ Сократъ теперь не беретъ изслѣдовать, что превосходнѣе,— мнѣніе ли Гераклита о непрестанной текучести вещей, или ученіе объ идеяхъ, но утверждаетъ и стоитъ только на томъ, что безразсудны тѣ, которые питаютъ надежду изъ происхожденія и силы словъ узнать самую природу вещей. Есть и еще одно обстоятельство, особенно подтверждающее нашу догадку. Вѣдь нельзя сомнѣваться, что діалоги, написанные именами Эвтидема, Кратила и Протагора, направлены къ обличенію Протагора и учениковъ его: такъ, въ Эвтидемѣ опровергнута діалектика протагорейцевъ, которою злоупотребляли они для составленія своихъ хитросплетеній и ловушекъ; въ Кратилѣ искусно осмѣивается тотъ нелѣпый способъ, которымъ тѣ же умствователи старались придти къ познанію истины, производствомъ словъ подтверждая собственные свои помыслы; въ Протагорѣ, наконецъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы обширнымъ и изящнымъ развитіемъ рѣчи доказать, что у нихъ нѣтъ никакой науки добродѣтели. Можно ли допустить, чтобъ эти, столь близкія по содержанію, столь сродныя между собою и находящіяся въ такой тѣсной связи, сочиненія вышли одно послѣ другаго чрезъ большіе промежутки времени? Мнѣ, признаюсь, всегда казались они такъ тѣсно соединенными, что и самаго изложенія ихъ какъ будто нельзя относить ко временамъ различнымъ. Но мы, по видимому, справедливо заключили, что Эвтидемъ написанъ въ началѣ 94 олимп.; а для Протагора указали третій или четвертый годъ той же олимпіады. Если эти хронологическія

наши указанія вѣрны, то можно полагать, что Кратиль вышелъ въ свѣтъ въ срединѣ 94 олимп., немного прежде Протагора. Впрочемъ, если бы кто нашель основанія болѣе твердыя, и написаніе упомянутыхъ діалоговъ хронологически распредѣлилъ иначе, мы уступили бы доказательствамъ. Но то кажется намъ неправдоподобнымъ, что высказали объ этомъ *Шлейермахеръ* и *Астъ*. Первый думаетъ, что Кратиль написанъ вскорѣ послѣ Эвтидема и Теэтета, чего никому не придетъ въ голову, кто внимательно разсмотритъ, о чемъ идетъ дѣло въ Теэтетѣ. Вѣдь то, о чемъ разсуждаетъ Теэтеть, содержаніемъ Кратила и не дополняется и не распространяется, а скорѣе наоборотъ—что только намѣчено въ послѣдней части этого діалога, то въ Теэтетѣ является главнымъ предметомъ, излагается и объясняется обширно. Изъ этого, думаемъ, слѣдуетъ, что написаніе Теэтета надобно полагать послѣ Кратила. Не болѣе правдоподобно мнѣніе и втораго, который, опредѣляя хронологическій порядокъ Платоновыхъ сочиненій, назначаетъ Кратилу мѣсто послѣ Теэтета, Софиста, Политика и Парменида, и подозрѣваетъ, что Кратиль находится въ связи съ какими-то неизвѣстными намъ и потерянными для насъ діалогами, въ которыхъ философъ продолжалъ развивать начатое здѣсь разсужденіе о происхожденіи и природѣ языка. Но ни откуда не извѣстно, разсматривалъ ли Платонъ этотъ вопросъ въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи, и не видно никакого сродства въ содержаніи, предметѣ и намѣреніи Кратила съ содержаніемъ, предметомъ и намѣреніемъ Софиста, Политика и Парменида; да нѣтъ и другихъ признаковъ, по которымъ можно было бы подозрѣвать, что Кратиль написанъ послѣ упомянутыхъ выше діалоговъ. Напротивъ, все удостовѣряетъ въ томъ, что эта книга написана Платономъ въ то время, когда, положивъ первыя основанія ученію объ идеяхъ, онъ вознамѣрился обличить и опровергнуть гераклитянъ и протагорейцевъ. Потому-то здѣсь, какъ и въ Эвтидемѣ и въ

Иппіасъ Большемъ, господствуетъ почти юношеская порывчивость и несдержанность; такъ что сочиненіе это больше походить на комедію, чѣмъ на діалогъ, занимающійся изъясненіемъ философскихъ положеній. И опять, здѣсь ученіе объ идеяхъ хотя и противопоставлено мнѣніямъ гераклитянъ, но о немъ упоминается такъ, что философъ позволяетъ намъ замѣтить его намѣреніе—изложить впослѣдствіи этотъ предметъ обстоятельнѣе. Притомъ здѣсь не видно еще и слѣдовъ подробнаго изученія пифагорейской доктрины, тогда какъ въ Парменидѣ и другихъ упомянутыхъ діалогахъ оно весьма замѣтно и бросается въ глаза само собою. Сюда можно бы отнести одно только мѣсто, р. 405 С: но оно ни на что не наводитъ, кромѣ какъ на гармонію небесныхъ тѣлъ, что было извѣстно и въ Афинахъ. Наконецъ, здѣсь не сдѣлано ни однимъ словомъ намека на мегарцевъ, которые между тѣмъ, сколько можно догадываться, не обходили тоже вопроса о происхожденіи словъ и языка. Это и многое другое служить намъ достаточнымъ доказательствомъ, что созданіе Кратила относилось именно къ тому времени, которое мы выше обозначили. Замѣтимъ однакожь, что эти доказательства рѣшаютъ вопросъ только въ смыслѣ вѣроятія, и только тогда сохраняютъ силу и твердость, когда разсматриваются всѣ вмѣстѣ, а не порознь ¹.

¹ Stallbaum, Platonis opera omnia, v. V, sect. 1 (Goth. 1834), de Cratylo Platonis.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЕРМОГЕНЪ, КРАТИЛЪ и СОКРАТЬ.

383. *Ерм.* Хочешь ли ¹, сообщимъ свое разсужденіе и Сократу?

Крат. Если тебѣ угодно.

Ерм. Кратилъ этотъ говоритъ, Сократъ, что правильное названіе каждой вещи прирождено ей природою, и что не то ея имя, которымъ называютъ ее нѣкоторые, условившись называть такъ и издавая часть своего голоса, но и у грековъ и у варваровъ есть прирожденная всѣмъ имъ прав. вильность наименованій. Такъ вотъ я и спрашиваю его:— имя ему «Кратилъ»—истинно или нѣтъ?—Онъ соглашается, что это дѣйствительное его имя. Ну, а Сократу? спросилъ я.—«Сократъ», отвѣчаетъ онъ.—Не такъ же ли и всѣмъ другимъ людямъ,—какимъ именемъ cadaго называемъ, то и

---

¹ Хочешь ли, сообщимъ свое разсужденіе и Сократу? Асть (De vita et scriptis Platonis p. 274) полагаетъ, что этотъ діалогъ потерялъ свое начало: но мы никакъ не думаемъ, чтобы кто нибудь согласился съ его мнѣніемъ, кому извѣстно, что Платону иногда нравилось вводить вниманіе читателя вдругъ въ самую средину предмета. Весьма подобно этому и начало Филеба: «Смотри-ка, Протархъ, что намъhrenъ ты теперь говорить за Филеба, и противъ какого нашего положенія хочешь спорить, если оно высказано не по твоимъ мыслямъ». Можно сравнить также начала Пира, Менона и нѣкоторыхъ другихъ діалоговъ.

есть его имя?—Однакожь тебѣ-то имя не «Ермогенъ» ¹, говорить онъ, хотя бы и всѣ такъ называли тебя.—Когда же сталъ я спрашивать и усиливался узнать, что тутъ разумѣется, онъ не объяснилъ мнѣ ничего, а только смѣется 384. надо мною, показывая видъ, что предоставляетъ собственно моему уму знать объ этомъ. Между тѣмъ если бы онъ захотѣлъ высказать ясно, то привелъ бы къ убѣжденію и меня, и я говорилъ бы то же, что говоритъ онъ. И такъ, если ты можешь какъ нибудь разгадать ² оракулъ Кратила, то я съ удовольствіемъ послушалъ бы. Или еще пріятнѣе было бы удостовѣриться, что кажется самому тебѣ въ разсужденіи правильности именъ, если бы ты захотѣлъ сказать это.

Сокр. Ермогенъ, сынъ Иппоника! есть старинная пословица, что прекрасное трудно ³, когда приступаешь къ его изученію. Такъ-то и объ именахъ—ученіе не маловажное. Если бы я слышалъ пятидесятидрахмовый урокъ Продика ⁴,

¹ Кратиль шуточно отказывалъ Ермогену въ его имени, говоря, что оно никакъ къ нему не идетъ, и имѣлъ въ мысли, вѣроятно, то, что Ермогенъ и не краснорѣчивъ, въ чемъ самъ онъ сознается, р. 408 В, и не богатъ, что показываетъ р. 384 С. Сравн. р. 407 Е sqq.

² Кратиль высказалъ свое мнѣніе не открыто и ясно, а прикровенно и темно, какъ обыкновенно высказывались провѣщатели. Поэтому провѣщаніе, *ματεια*, есть положеніе, выраженное темно и прикровенно. Оттого хорошо идетъ сюда и глаголъ *συμφαλεῖν*, гадать. Можетъ быть, здѣсь имѣлось въ виду и то, что Кратиль въ этихъ вещахъ слишкомъ много приписывалъ провѣщателю Эвтифрону.

³ О пословицѣ: *χαλεπὰ τὰ καλὰ*, прекрасное трудно, см., кромѣ Схолиаста къ этому мѣсту, De Republ. IV, р. 435 С. VI, р. 497 С. Hipp. Mai. р. 304. 3.

⁴ Сократъ искусно подшучиваетъ и надъ хвастовствомъ софиста, требовавшимъ за свои уроки по пятидесяти драхмъ, и надъ своею бѣдностію, которая не позволяла ему принадлежать къ служителямъ дорогой его мудрости. О дружескихъ отношеніяхъ Сократа къ Продику см. прекрасныя мѣста Protagor. р. 341 А, Charmid. р. 163 D. Софистъ училъ такъ, что, смотря по содержанію урока, или даже по различію слушателей, требовалъ и различнаго вознагражденія. Да и авторъ Аксіоха (с. 6) говоритъ, что Продикъ преподавалъ иное за полдрахмы съ каждаго слушателя, иное за двѣ драхмы, иное за четыре. Изъ настоящаго мѣста мы узнаемъ, что онъ разсуждалъ также περί ὀνομάτων ὀρθότητος,—и это были уроки дорогие, пятидесятидрахмовые, стоившіе около десяти рублей (Aristot. Rhetor. III, 14).

по выслушаніи котораго, говоритъ онъ, становишься знающимъ это; то ничто не помѣшало бы тебѣ сейчасъ узнать истину о правильности именъ: но я не слышалъ его, а слышалъ С. драмовый; такъ не знаю, сколько тутъ истиннаго. Я готовъ изслѣдовать это сообща съ тобою и Кратиломъ. А что имя тебѣ, говоритъ онъ, по истинѣ не «Ермогенъ», то я подозрѣваю здѣсь его шутку. Можетъ быть, онъ думаетъ, что ты, стараясь собирать деньги, всякій разъ встрѣчаешь неудачи. Но я уже сказалъ, что знать такія вещи трудно; надобно это дѣло разсмотрѣть сообща,—какъ ты будешь говорить о немъ, и какъ Кратиль.

- Ерм.* Что касается до меня, Сократъ, то, часто-таки разговаривая объ этомъ со многими другими, я не могъ D. убѣдиться, будто есть какая-то иная правильность именъ, кромѣ утвержденной условіемъ и согласіемъ; ибо мнѣ кажется, что какое кто чему далъ имя, такое и правильно. И если бы опять одно названіе замѣнено было другимъ, то первое было бы уже нехорошо, хотя и послѣднее тоже не болѣе правильно. Когда, напримѣръ, мы даемъ другія имена своимъ слугамъ ¹, тогда имя новое не болѣе бываетъ правильно, какъ и прежнее; ибо ничему никакое имя не прирождается отъ природы, но всѣ имена зависятъ отъ закона и обычая лицъ, которыя пріурочиваютъ и называютъ E. вещи. Если же это не такъ, я готовъ поучиться и слушать не только Кратила, но и всякаго другаго.
385. *Сокр.* Можетъ быть, и есть что-то въ словахъ твоихъ,

---

¹ Слугамъ—собственно домашнимъ или домочадцамъ, οἰήταις. Греки, по естественной мягкости своего характера, этимъ же именемъ называли и рабовъ, подобно римлянамъ, которые давали имъ имена familiae и familiarium. См. Athenaeus VI, 19. Pollux III, 82. Senec. Epist. 47. Macrobian. Saturn. I, 9. Но такъ какъ имена рабовъ были различны и происходили отъ различныхъ причинъ и случаевъ, то очень могло быть, что они называемы были то тѣми, то другими именами, по произволу господъ. Забавенъ на этотъ счетъ рассказъ Аммонія Герміаса у Аристотеля (De interpret. p. 31 sq.). Діодоръ Кроносъ, чтобы доказать произвольность именъ, называлъ своихъ рабовъ частицами языка, и одного именно заключительною частицею ἀλλὰ μήν.

Ермогенъ; но рассмотримъ положеніе: какъ кто называетъ каждую вещь, такъ ей и имя.

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Хотя бы частный человѣкъ называлъ, хотя бы городъ?

Ерм. Полагаю.

Сокр. Но что, если я назову какую нибудь вещь, на-примѣръ то, что теперь мы называемъ человѣкомъ,—если это самое я назову лошадью, а теперешнюю лошадь чело-вѣкомъ: вѣдь общественное имя одному и тому же пред-мету будетъ тогда «человѣкъ», а частное «лошадь»; и опять—частное имя «человѣкъ», а общественное «лошадь»? Согласенъ?

Ерм. Мнѣ кажется.

В.

Сокр. Хорошо; скажи мнѣ вотъ что: называешь ли ты что нибудь—говорить истинно и ложно?

Ерм. Называю.

Сокр. Не возможна ли одна рѣчь истинная ¹, а другая ложная?

Ерм. Конечно.

Сокр. Не правда ли, что кто о сущемъ говорить, что оно есть, тотъ говорить истину, а кто утверждаетъ, что его нѣтъ, тотъ лгунъ?

Ерм. Да.

Сокр. Стало быть, возможно словомъ выражать то, что есть, и то, чего нѣтъ?

---

¹ Общій очеркъ того, о чемъ разсуждаютъ здѣсь Сократъ и Ермогенъ, можно сдѣлать такъ: Сократъ учитъ, что кто хочетъ давать имена вещамъ, тотъ не долженъ слѣдовать слѣпому произволу, не подчиняясь никакому закону, но обя-занъ имѣть въ виду нѣкоторую норму, чтобы при чтеніи буквъ взимаема была въ разсмотрѣніе самая природа всякой вещи: ибо, какъ вѣрною рѣчью почитается та, которая во всемъ своемъ составѣ согласна съ природою вещей, къ которымъ относится; такъ и имена, поколику части рѣчи, должны представлять природу указываемыхъ ими вещей. А отсюда Сократъ заключаетъ, что правильное зна-ченіе именъ не должно быть почитаемо въ исключительной зависимости ни отъ природы самыхъ вещей, ни отъ человѣческаго произвола. Однакожъ это не за-ставляетъ Ермогена отступиться отъ своего мнѣнія; онъ никакъ не допуска-етъ, чтобы приложеніе именъ могло быть даже правильно, если оно не произ-вольно.

Ерм. Конечно.

С. *Сокр.* Слово истинное въ цѣломъ ли только бываетъ истиннымъ, а части его не истинны?

Ерм. Нѣтъ, и части.

Сокр. Бѣдшїя ли только части истинны, а меньшїя нѣтъ, или всѣ?

Ерм. Я думаю, всѣ.

Сокр. Въ томъ, что ты говоришь, есть ли часть меньше имени?

Ерм. Нѣтъ, это самая малая.

Сокр. Слѣдовательно, имя, заключающееся въ рѣчи истинной, произносится?

Ерм. Да.

Сокр. И само оно истинно, говоришь ты?

Ерм. Да.

Сокр. А рѣчи лживой часть не лжива ли?

Ерм. Полагаю.

Сокр. Стало быть, можно произнести имя и ложное и истинное, если можно произнести рѣчь?

Д. *Ерм.* Какъ не можно!

Сокр. Но какъ кто назоветъ вещь, такъ ей и имя?

Ерм. Да.

Сокр. И сколькими бы кто ни назвалъ вещь именами, столько ихъ и будетъ? И тогда будетъ, когда назоветъ?

Ерм. У меня, Сократъ, нѣтъ иной правильности имени, кромѣ той, что каждую вещь я могу назвать другимъ именемъ, какое ни придамъ ей, а ты—другимъ, какое ни придашь. Вижу, что такъ и въ городахъ,—каждый къ однимъ Е. и тѣмъ же предметамъ иногда прилагаетъ имена собственно для себя,—и эллины особо отъ иныхъ эллиновъ, и эллины особо отъ варваровъ.

Сокр. Хорошо, увидимъ, Ермогенъ, таковыми ли представляются тебѣ вещи, что сущность ихъ есть особая для каждаго,—какъ говорилъ Протагоръ, полагая, что мѣра всѣхъ

вещей есть челоѡвѣкъ ¹, то есть какими представляются пред- 386.
меты мнѣ, таковы они для меня, а какими тебѣ, таковы
для тебя; или вещи, по твоему мнѣнію, въ самихъ себѣ
имѣють нѣкоторую основу сущности.

Ерм. Нѣкогда, Сократъ, и я, колеблясь сомнѣніемъ, при-
ходилъ къ тому, что говорить Протагоръ; однакожь это,
мнѣ кажется, не совсѣмъ такъ.

Сокр. Что? Ты уже приходилъ къ тому, что тебѣ не ка-
залось, чтобы былъ кто нибудь челоѡвѣкомъ злымъ?

Ерм. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; напротивъ, часто-таки я и В.
самъ терпѣлъ, такъ что нѣкоторые люди мнѣ кажутся очень
злыми, даже весьма многіе.

Сокр. Что жъ? а людей очень добрыхъ тебѣ еще не пред-
ставлялось?

Ерм. Весьма немного.

Сокр. Такъ представлялись?

Ерм. Представлялись.

Сокр. Какъ же ты полагаешь это? Не такъ ли, что люди
очень добрые—очень умны, а очень злые—очень безумны?

Ерм. Мнѣ кажется, такъ. С.

Сокр. Но возможно ли, если Протагоръ говорилъ истину,—
если, то есть, истина ² въ томъ, что что каждому изъ насъ
кажется, то и есть,—возможно ли, чтобы одни изъ насъ
были разумны, а другіе безумны?

Ерм. Конечно нѣтъ.

Сокр. И это-то, я думаю, тебѣ очень кажется, что если

¹ Это ученіе Протагора раскрыто Платономъ во многихъ діалогахъ, и мы
много разъ объясняли его во вступительныхъ своихъ разсужденіяхъ и примѣчані-
яхъ. См. Protagor.; Theaet. p. 152 A, 177 C. Apolog. 28 E. Gorg. p. 512
A et al.

² Если, то есть, истина—въ томъ. Сократъ и здѣсь и въ слѣдующихъ
дальше словахъ, по видимому, указываетъ на сочиненіе Протагора, озаглавленное
словомъ Ἀλήθεια. Подобное косвенное указаніе мы видимъ и въ Тевтетѣ p. 171 C:
οὐδέτις ἄν εἶη ἡ Πρωταγόρου Ἀλήθεια ἀληθής. Ib. p. 162 A: εἰ. ἀληθής ἡ Ἀλήθεια Πρ.
Ибо въ этомъ сочиненіи объяснялось знаменитое его мнѣніе о челоѡвѣкѣ, какъ
мѣрѣ всѣхъ вещей.

есть разумность и неразумность, то рѣшительно невозможно, чтобы Протагоръ говорилъ истину, потому что одинъ, по правдѣ, ничѣмъ не былъ бы умнѣе другаго, если бы что каждому представляется, то для каждаго было бы и истинно.

Д. *Ерм.* Такъ.

Сокр. Равнымъ образомъ не кажется тебѣ, думаю, и ученіе Эвтидема, что для всѣхъ вмѣстѣ и всегда все равно; ибо тогда не было бы ни добрыхъ, ни злыхъ, если бы добродѣтель и порокъ были равны для всѣхъ.

Ерм. Справедливо говоришь.

Сокр. А когда и не для всѣхъ все вмѣстѣ и всегда равно ¹, и не для каждаго въ каждой вещи свое, такъ уже явно, что есть предметы, имѣющіе какую-то непреложную сущность сами ² въ себѣ, не для насъ и не отъ насъ,—влекомые нашимъ представленіемъ туда и сюда,—но существующіе по себѣ, для своей сущности, съ которою срослись.

Ерм. Это, Сократъ, мнѣ кажется, такъ.

Сокр. Неужели же сами они таковы, а дѣйствія ихъ не такого свойства? Или и это самое—дѣйствія—не есть ли одинъ какой-то видъ вещей?

¹ Опровергнувъ умствованіе Протагора, Сократъ видитъ, что Ермогенъ, если только не хочетъ онъ противорѣчить самому себѣ, не можетъ одобрить и положеніе Эвтидема, который природу вещей почиталъ всездъ тою же, и по этому случаю изъ вышеприведенныхъ посылокъ выводилъ заключеніе о ничтожествѣ Эвтидемова мнѣнія. Эвтидемъ держался воззрѣнія Протагорова, которое однако, чтобы привнести къ нему что либо новое, нѣсколько измѣнилъ. По его понятію, вещи таковы, какими кому кажутся, слѣдовательно для всѣхъ вообще людей всездъ и непрестанно онъ тѣ же. Онъ разумѣлъ здѣсь, безъ сомнѣнія, всегдашнее тожество производимыхъ вещами впечатлѣній, поколику они берутся отвлеченно. Вотъ какъ мнѣнія Протагора и Эвтидема различаетъ Прокль, р. 15: «Иное, говорить онъ, ученіе Протагорова, иное Эвтидемово; по смыслу перваго, не представляется ничего подлежащаго, что было бы таково или таково, кромѣ чувствуемаго чрезъ смѣшеніе вещей дѣятельныхъ и страдательныхъ, а по взгляду Эвтидемову, каждое недѣлимое производитъ все вмѣстѣ и всегда, и производитъ все справедливое. И такъ, эти софисты, вышедши изъ различныхъ началъ, сошлись въ одномъ заключеніи».

² Силу и природу вещей почитаетъ Сократъ не субъективною, о которой надобно судить въ зависимости отъ чувственныхъ нашихъ ощущеній, а скорѣе объективною, которая существуетъ сама по себѣ и отъъизвнѣ не зависитъ.

Ерм. Конечно, и это.

Сокр. Стало быть, и дѣйствія совершаются по ихъ при- 387.
родѣ, а не по нашему мнѣнію. Если, на примѣръ, мы возь-
мемся что нибудь существующее разсѣчь, то надобно ли
намъ отдѣльную вещь разсѣкать, какъ бы мы ни захотѣли
и чѣмъ бы ни захотѣли, или, желая извѣстный предметъ раз-
сѣчь, мы будемъ это дѣлать согласно съ природою, чтобы, то
есть, и разсѣкать его, и онъ разсѣкался естественно? Вѣдь
тогда только, разсѣкая его, мы успѣемъ въ этомъ и посту-
пимъ правильно: напротивъ, разсѣкая вопреки природѣ,
погрѣшимъ и ничего не сдѣлаемъ?

Ерм. Мнѣ кажется, такъ.

В.

Сокр. Равнымъ образомъ, если мы возьмемся жечь, слѣ-
дуя ли всякому мнѣнію будемъ жечь, или только правиль-
ному? А это мнѣніе,—то, по которому каждый предметъ
жгутъ, и онъ жжется,—естественно и согласно съ природою.

Ерм. Такъ.

Сокр. Не такъ ли и прочее?

Ерм. Конечно.

Сокр. Но и говорить не есть ли одно изъ дѣйствій?

Ерм. Да.

Сокр. Такъ ли говоря, какъ кому покажется говорить,
будетъ онъ говорить правильно, или больше успѣть и
скажетъ, если начнетъ говорить о вещахъ естественно и
какъ позволяютъ онѣ говорить о себѣ, а когда не такъ,—по- С.
грѣшить и ничего не сдѣлаетъ?

Ерм. Мнѣ кажется, такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Но наименованіе не есть ли часть говора? ибо вы-
ражаютъ рѣчи, вѣроятно, именами.

Ерм. Конечно.

Сокр. Не есть ли и наименованіе нѣкоторое дѣйствіе, если
и говоръ о вещахъ былъ нѣкоторымъ дѣйствіемъ?

Ерм. Да.

Сокр. Дѣйствія же представлялись намъ дѣйствіями не для D.
насъ, но чѣмъ-то имѣющимъ собственную свою природу.

Ерм. Такъ.

Сокр. Поѣтому не слѣдуетъ ли и именовать вещи такъ, какъ и чѣмъ естественно именоваться имъ, а не такъ, какъ мы захотѣли бы, если думаемъ устоять въ прежнихъ своихъ соглашеніяхъ? И такимъ образомъ мы успѣшнѣе были бы въ наименованіи, а иначе нѣтъ.

Ерм. Видимо.

Сокр. Хорошо же; что надлежало разсѣчь, то надлежало, говорили мы, разсѣчь чѣмъ нибудь?

Ерм. Да.

Е. *Сокр.* Также, что надлежало ткать, надлежало ткать чѣмъ нибудь, и что надлежало просверлить, надлежало просверлить чѣмъ нибудь?

Ерм. Конечно.

Сокр. А что надлежало назвать, надлежало назвать чѣмъ нибудь?

388. *Ерм.* Такъ.

Сокр. Чтò же будетъ то, чѣмъ надлежало просверлить?

Ерм. Буравъ.

Сокр. А то, чѣмъ ткать?

Ерм. Челнокъ.

Сокр. А то, чѣмъ назвать?

Ерм. Имя.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Стало быть, и имя есть нѣкоторое орудіе.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но если бы я спросилъ: что за орудіе челнокъ? Не то ли это, чѣмъ ткуть?

Ерм. Да.

В. *Сокр.* А что дѣлаемъ мы, когда ткемъ? Не утокъ ли, и не раздѣляемъ ли сплошную основу?

Ерм. Да.

Сокр. Не то же ли скажешь ты и о буравѣ, и о прочемъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ не сказать ли того же и объ имени? Назвавъ имя орудіемъ, что дѣлаемъ мы имъ?

Ерм. Не могу сказать.

Сокр. Не учимъ ли чему другъ друга, и не различаемъ ли вещей, каковы онѣ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, имя есть орудіе какое-то учительное с. и назначенное для раздѣленія сущности, какъ челнокъ для раздѣленія основы.

Ерм. Да.

Сокр. А челнокъ есть орудіе ткацкое?

Ерм. Какъ же не ткацкое!

Сокр. Стало быть, ткачъ будетъ дѣйствовать челнокомъ хорошо; хорошо же,—значить, по-ткацки. А учитель будетъ пользоваться именемъ хорошо; хорошо же,—значить, по-учительски.

Ерм. Да.

Сокр. Но чѣмъ дѣломъ ткачъ дѣйствуетъ хорошо, когда дѣйствуетъ челнокомъ?

Ерм. Дѣломъ плотника.

Сокр. Всякій ли—плотникъ, или только тотъ, кто знаетъ искусство?

Ерм. Кто знаетъ искусство.

Сокр. Чѣмъ дѣломъ хорошо дѣйствуетъ сверлильщикъ, D. когда дѣйствуетъ буравомъ?

Ерм. Дѣломъ кузнеца.

Сокр. А всякій ли кузнецъ, или только тотъ, кто знаетъ искусство?

Ерм. Кто знаетъ искусство.

Сокр. Пускай. Но чѣмъ дѣломъ пользуется учитель, когда пользуется именемъ?

Ерм. И этого не могу сказать.

Сокр. И того-то не можешь ты сказать, кто передалъ намъ имена, которыми мы пользуемся?

Ерм. Въ самомъ дѣлѣ не могу.

Сокр. Не кажется ли тебѣ, что передалъ намъ ихъ законъ?

Ерм. Походить.

Е. *Сокр.* Стало быть, учитель пользуется дѣломъ законодателя ¹, когда пользуется именемъ?

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. А законодателемъ кажется тебѣ всякій человѣкъ, или только тотъ, кто знаетъ искусство?

Ерм. Кто знаетъ искусство.

Сокр. И такъ, давать имена, Ермогенъ, есть дѣло не всякаго 389. челоуѣка, а только художника именъ. А художникъ ихъ, какъ видно, есть законодатель, который изъ художниковъ между людьми весьма рѣдкій.

Ерм. Походить.

Сокр. Размотри же теперь, на что смотря, законодатель даетъ имена? Изслѣдуй это изъ прежняго. На что смотря, плотникъ дѣлаетъ челнокъ? Не на то ли, что способствуетъ тканію?

Ерм. Конечно.

Сокр. Что же? если челнокъ, когда онъ дѣлаетъ его, *В.* раскалывается, то, смотря ли на расколовшійся, будетъ онъ дѣлать другой, или на тотъ видъ, по которому дѣлалъ и расколовшійся?

Ерм. Мнѣ кажется, на тотъ видъ.

Сокр. Такъ не совершенно ли справедливо тотъ видъ назовемъ мы челнокомъ самимъ въ себѣ?

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Если же челнокъ дѣлается, для тонкой ли то или

¹ 'Ο νόμος, законъ, имѣеть также значеніе обычая, или навыка; поэтому Ермогенъ еще выше призналъ, что имена, по его мнѣнію, прилагаются къ вещамъ νόμος καὶ εἶναι τῶν ἐπισημάτων. Имѣя это въ виду, Сократъ теперь спрашиваетъ: Ἄρ' οὐχὶ ὁ νόμος δοκεῖ σοὶ εἶναι ὁ παραδοὺς ταῦτα; и чрезъ это самое приходитъ къ тому слѣдствію, что νομοθέτου ἄρα ἔργον χρῆσται κ. т. л. Такимъ образомъ, чтобы собесѣднику легче было отвѣчать, Сократъ спрашиваетъ теперь не о самомъ налагателѣ именъ, а скорѣе о томъ, кто передалъ ихъ. Изъ этого ясно, почему здѣсь употребляется слово νομοθέτης.

толстой, для льняной или шерстяной ткани,—вообще для какой бы ни было; то не надобно ли смотрѣть на видъ челнока, и для какой именно ткани былъ бы онъ наилучшимъ, не такимъ ли по природѣ слѣдуетъ и готовить С. его для каждой работы?

Ерм. Да.

Сокр. И въ отношеніи къ прочимъ-го орудіямъ тотъ же способъ. Изобрѣтши для недѣлимаго орудіе, свойственное ему по природѣ, надобно полагать его въ той матеріи, изъ которой оно сдѣлано, и полагать не какъ самъ хочешь, а какъ свойственно; потому что буравъ, напимѣръ, по природѣ надобно къ недѣлимому умѣть полагать въ желѣзѣ.

Ерм. Конечно.

Сокр. А челнокъ, по природѣ свойственный недѣлимому, —въ деревѣ.

Ерм. Такъ.

Сокр. Ибо особый челнокъ у насъ по природѣ былъ, какъ D. видно, для каждаго рода ткани; то же и о прочемъ.

Ерм. Да.

Сокр. Такъ и имя, свойственное по природѣ недѣлимому, почтеннѣйшій ¹, не должно ли тому законодателю умѣть полагать въ звукахъ и слогахъ и, смотря на это самое, что такое имя, составлять и придавать всѣ имена, если онъ хочетъ быть вѣрнымъ ихъ придавателемъ?—А что каждый законодатель полагаетъ названіе не въ тѣхъ же самыхъ слогахъ, то относительно этого не должно оставаться въ незна-Е. нии. Вѣдь и всякій кузнецъ, дѣлая то же самое орудіе для той же самой вещи, полагаетъ его не въ то же самое желѣзо, хотя, изъ другаго ли желѣза сдѣлано оно, здѣсь ли 390.

¹ Отъ изобрѣтателя именъ Сократъ требуетъ двухъ дѣлъ: во первыхъ, онъ долженъ изобрѣтать имена примѣнительно къ звукамъ и слогамъ, чтобы чрезъ то самая природа вещей выражалась вѣрнѣйшимъ образомъ; во вторыхъ, онъ долженъ имѣть идею имени, подобно тому, какъ дѣлатель челнока, при постройкѣ этого орудія, держитъ въ умѣ самый видъ его. Отсюда р. 390 А: ἕως ἄν τὸ τοῦ ἰνόματος εἶδος ἀποδιδῶ τὸ προσήκον ἐκάστῳ ἐν ὁποιαιστοῦν συλλαβαῖς.

сдѣлано, или у варваровъ, пока имѣется въ виду одна и та же идея,—оно правильно. Не такъ ли?

Ерм. Конечно.

Сокр. Такимъ образомъ не допустишь ли ты, что законодатель и здѣсь и у варваровъ, пока онъ держится вида имени, приличнаго недѣлимому въ какихъ бы то ни было слогахъ, ничѣмъ не хуже законодатель здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ?

Ерм. Конечно.

В. *Сокр.* Кто же будетъ знать, приличный ли челноку видъ положенъ въ какомъ нибудь деревѣ? Сдѣлавшій ли его плотникъ, или пользующійся имъ ткачъ?

Ерм. Больше правдоподобно, Сократъ, что пользующійся.

Сокр. А кто будетъ пользоваться дѣломъ лирщика? не тотъ ли, кто умѣетъ наилучшимъ образомъ наблюдать надъ работающимъ и судить о его работѣ, хорошо ли она произведена, или нѣтъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Кто, то есть?

Ерм. Цитристъ.

Сокр. А судить о работѣ кораблестроителя?

С. *Ерм.* Кормчій.

Сокр. Но кто въ состояніи наилучшимъ образомъ наблюдать надъ дѣломъ законодателя и судить о его работѣ, какъ здѣсь, такъ и у варваровъ? Не тотъ ли, кто будетъ ею пользоваться?

Ерм. Да.

Сокр. А это не тотъ ли, кто умѣетъ спрашивать?

Ерм. Конечно.

Сокр. Равно какъ и самъ отвѣчать?

Ерм. Да.

Сокр. Умѣющаго же спрашивать и отвѣчать иначе ли назовешь ты, чѣмъ діалектикомъ?

Ерм. Не иначе, а такъ.

Д. *Сокр.* Стало быть, строить руль есть дѣло плотника, подѣ

надзоромъ кормчаго, если руль долженъ быть построенъ хорошо.

Ерм. Явно.

Сокр. А давать имя-то есть, какъ видно, дѣло законодателя, состоящаго подъ надзоромъ діалектика, если имена должны быть даваемы хорошо.

Ерм. Такъ.

Сокр. Поэтому не худо должно быть и то, какъ ты думаешь ¹, Ермогенъ,—что, то есть, прикладываніе именъ есть дѣло не плохихъ и не случайныхъ людей; да справедливо говорить и Кратиль, утверждая, что вещи получаютъ свои имена отъ природы и что не всякій есть составитель именъ, Е. а только тотъ, кто смотритъ на имя каждаго предмета въ отношеніи къ природѣ и можетъ видъ сего полагать въ буквахъ и слогахъ.

Ерм. Я не нахожу, Сократъ, чтò надлежало бы противопоставить твоимъ словамъ. Впрочемъ не легко такъ вдругъ согласиться съ тобою; мнѣ кажется, скорѣе можно повѣрить 391. тебѣ, если ты покажешь, чтò, по твоему мнѣнію, составляетъ правильность имени по природѣ.

Сокр. Я, почтеннѣйшій Ермогенъ, не говорю ни о какой правильности; ты забылъ сказанное мною немного прежде, что я не знаю этого и что могу разсматривать это только вмѣстѣ съ тобою. И вотъ теперь, когда мы, я и ты, разсматриваемъ это, намъ, противъ прежняго, представляется уже такъ много, что имя имѣетъ у насъ какую-то правильность по природѣ, и что не всякому человѣку подручно умѣть хорошо прилагать его къ чему бы то ни было. Не такъ ли? В.

Ерм. Конечно.

Сокр. И такъ, послѣ сего мы должны изслѣдовать, если желаешь знать, что такое его правильность.

Ерм. Да, я конечно желаю знать.

¹ Какъ ты думаешь. Относящіяся сюда мысли Ермогена чит. р. 384 D.

Сокр. Разсматривай же.

Ерм. Но какимъ образомъ разсматривать?

Сокр. Самое правильное дѣло, другъ мой, разсматривать съ знающими, платя имъ деньги и воздавая благодарность. Такіе люди—софисты, переплативъ которымъ много денегъ, С. и братъ твой Калліасъ ¹ кажется мудрецомъ. А такъ какъ ты не распоряжаешься отцовскимъ наслѣдствомъ, то долженъ догучать брату и просить его, чтобы онъ научилъ тебя правильности касательно этого, какъ узналъ о ней отъ Протагора ².

Ерм. Вотъ ужъ странною была бы моя просьба, Сократъ, если бы тогда, какъ истины Протагоровой я вовсе не принимаю, то, что говорится въ такой истинѣ, принималъ, какъ нѣчто стоящее вниманія.

Сокр. Когда же не нравится тебѣ это, такъ надобно D. учиться у Омира ³ и у другихъ поэтовъ.

¹ О щедрости Калліаса относительно софистовъ см. Apolog. Socr. p. 20 A. О дружескихъ же его связяхъ съ софистами, а особенно съ Протагоромъ, см. Protagor. p. 314 C sqq. Theaet. p. 165 A. Xenoph. Symp. 1, 5.

² По видимому, здѣсь имѣется въ виду такъ называемая *ῥητορικὴ* Протагора, которая занималась, безъ сомнѣнія, изъясненіемъ свойственныхъ словамъ грамматическихкихъ формъ и показаніемъ правильнаго ихъ употребленія. См. Aristot. Rhetor. III, 5. De sophistar. elenchis—p. 574, ed. Buhl. et Sprengel. Artium ascriptor. p. 472 sqq. Совсѣмъ иное было у Протагора *ἡ τῶν ὀνομάτων ῥητορικὴ*, разсуждавшая о происхожденіи и природѣ словъ и бывшая частію книги, подъ заглавіемъ *Ἀλήθεια*, о чемъ ясно свидѣтельствуеетъ и настоящее мѣсто. (Снес. p. 386 C). Абдеритянинъ, кажется, вышелъ изъ того положенія, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, и отсюда приходилъ къ заключенію, что и самое начало словъ должно быть производимо отъ чувствъ, чтобы имена вещей были естественны. Слѣдъ этого ученія замѣтенъ въ Протагорѣ (p. 332 A): *Ἐπειδὴ δὲ ὁ ἀνθρώπος θείας μετέσχε μοίρας, πρῶτον μὲν θεοῦ ἐνόμιζε.—ἐπέτα φωνῆν καὶ ὀνόματα ταυτὸ διηρθρώσατο τῇ τέλει, καὶ οἰκόνους καὶ ἐσθλῆτας—εὔρετο.* И такъ, Протагоръ, кажется, полагалъ, что и имена вещей для каждаго таковы, какими они постигаются и понимаются въ зависимости отъ чувствъ, и потому они естественны. А отсюда явно, почему Ермогенъ, утверждавшій противное, говорить съ такимъ презрѣніемъ о Протагоровой *Ἀλήθεια*.

³ Показавши на взглядъ справедливость Кратилова мнѣнія, Сократъ съ этого мѣста начинаетъ въ духѣ Кратила разсуждать такъ, что поставляетъ предъ очами самый вѣрный образъ того способа, которымъ люди подобнаго рода пользовались при изслѣдованіи и обсужденіи происхожденія словъ. Поэтому слѣду-

Ерм. А что же говоритъ Омиръ объ именахъ, Сократъ? и гдѣ?

Сокр. Во многихъ мѣстахъ, особенно же важно и прекрасно тамъ, гдѣ онъ различаетъ, какими именами одни и тѣ же предметы называютъ люди, и какими боги. Развѣ ты не думаешь, что въ этихъ случаяхъ слова его важны и удивительны относительно правильности именъ? Вѣдь ужъ явно, что боги-то употребляютъ имена точно тѣ, какія свойственны природѣ. Или не думаешь? Е.

Ерм. Да, я, конечно, хорошо знаю, что если они называютъ, то называютъ правильно: но на что именно указываешь ты?

Сокр. Развѣ тебѣ не извѣстно, что троянскую рѣку, которая единоборствовала съ Идестомъ, боги, по словамъ Омира, называютъ Ксанеомъ ¹, а люди Скамандромъ?

Ерм. Извѣстно.

Сокр. Такъ что же? Не думаешь ли, что важное дѣло знать, ^{392.} почему больше правильно называть ту рѣку Ксанеомъ, чѣмъ Скамандромъ? Теперь, если хочешь, и касательно птицы, по его же словамъ,

Въ сомнѣ безсмертныхъ слывущей Халкидой, у
смертныхъ Киминдой,—

щихъ за симъ разсужденій, явно усвояемыхъ тогдашнимъ грамматикамъ, никакъ не должно вводить въ кругъ убѣжденій Платоновыхъ. Напротивъ, у Платона здѣсь все направлено къ тонкому и ловкому осмѣянію софистической этимологіи. Этимъ только можно объяснить, почему и самыя недѣльныя производства словъ съ такою отчаянною смѣлостію выставляются здѣсь какъ бы совершенно справедливыя. Съ этою же цѣлію, безъ сомнѣнія, упоминаетъ теперь Платонъ и о словахъ омирическихъ; ибо софисты, чтобы придать болѣе важности своимъ словотолкованіямъ, обыкновенно ссылались на авторитетъ Омира и Исіода. (Сравн. р. 392 А, В; 397 С; 407 А; 408 А; 410 В. С а). Подъ Эвтифрономъ, учение котораго Сократъ, для изложенія Кратилова мнѣнія, притворяется слушавшимъ, разумѣется, конечно, тотъ самый провѣщатель Эвтифронъ, именемъ котораго озаглавленъ одинъ изъ разговоровъ Платона. Онъ былъ убѣжденъ въ себя такъ, что будто бы не говорилъ ничего маловажнаго, ничего низкаго, ничего смертнаго. Поэтому и о производствѣ словъ толковалъ не иначе, какъ подъ наитіемъ какого-то божественнаго вдохновенія и изступленія. На такое его состояніе указываютъ между прочимъ *Εὐθύφρωνος ἔπος*, р. 409 D.

¹ См. Πιαδ. XX, 74.

худое ли дѣло знать, насколько правильнѣе той же самой птицѣ придавать названіе Халкиды, чѣмъ Киминды ¹? Встрѣчаемъ мы также Ватіею ² и Мирину, и многія другія на-
В. званія, какъ у этого поэта, такъ и у иныхъ. Но изслѣдованія прочихъ названій можетъ быть выше насъ,—меня и тебя: разсмотрѣніе же Скамандрія и Астіанакса соразмѣрнѣе, какъ мнѣ кажется, съ силами человѣческими и легче; а эти имена, говоритъ Омиръ, принадлежали сыну Гектора, и показываетъ, какова ихъ правильность. Вѣроятно, ты знаешь стихи, въ которыхъ заключается то, о чемъ я говорю.

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ думаешь ли, что Омиръ изъ этихъ именъ почиталъ болѣе правильнымъ прилагать къ сыну имя Астіанакса, чѣмъ Скамандрія?

С. *Ерм.* Не могу сказать.

Сокр. Но разсматривай вотъ какъ. Если бы кто спросилъ тебя: умные ли люди правильнѣе даютъ имена, или неразумные?

Ерм. Очевидно, я сказалъ бы, что умные.

Сокр. Но женщины ли въ городахъ, если говорить о цѣломъ родѣ, кажутся тебѣ умнѣе, или мужчины?

Ерм. Мужчины.

Сокр. Не знаешь ли ты, что, по словамъ Омира, ребенокъ Гекторовъ названъ Астіанаксомъ отъ троянцевъ, Скамандріемъ же, явно, что отъ ³ женщинъ, такъ какъ у мужчинъ-то онъ былъ Астіанаксъ?

Ерм. Походитъ.

Сокр. А троянцевъ не почиталъ ли и Омиръ болѣе мудрыми, чѣмъ женщинъ ихъ?

¹ См. *Iliad.* XIV, 291.

² См. *Iliad.* II, 813.

³ Между тѣмъ Омиръ (*Iliad.* VI, 402) ясно говоритъ, что Скамандріемъ назвалъ его самъ Гекторъ: τὸν ῥ' Ἔκτωρ καλέεσκε Σκαμάνδριον, αὐτὰρ οἱ ἄλλοι Ἀστυάνακτ', οἷος γὰρ ἔρετο Πίον Ἔκτωρ. Поэтому Платонъ, кажется, съ намѣреніемъ опустилъ это мѣсто, и поставилъ на видъ только *Iliad.* XXII, 506: Ἀστυάναξ, ὃν Τρῶες ἐπίκλησιν καλέουσιν· οἷος γὰρ σὺν ἔρετο πύλας καὶ τεῖχεα μακρὰ.

Ерм. Я думаю.

Сокр. Стало быть, онъ полагалъ, что къ сыну его правильнѣе прилагать имя Астіанакса, чѣмъ Скамандрія?

Ерм. Видимо.

Сокр. Разсмотримъ же, почему это? Или самъ онъ не открываетъ ли намъ прекрасно причину этого, когда говоритъ: «могъ онъ одинъ защищать ихъ городъ и длинныя стѣны». Е. Значить, потому, какъ видно, правильно было сыну этого защитника дать имя Астіанакса, что оно выдержано отцомъ его, какъ говоритъ Омиръ.

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Что же это будетъ? Я и самъ тутъ ничего не понимаю, Ермогенъ; а ты понимаешь?

Ерм. Клянусь Зевсомъ,—и я.

Сокр. И Гектору-то, добрякъ, приложилъ имя не самъ ли 393. Омиръ?

Ерм. Почему такъ?

Сокр. Потому, мнѣ кажется, что и оно близко къ Астіанаксу, и оба эти имени походятъ на эллинскія,—такъ какъ *ἀναξ* и *ἔκτωρ* означаютъ почти одно и то же,—оба эти имени царскія; ибо чей кто былъ бы *ἀναξ* (царь), въ отношеніи къ тому онъ былъ бы, вѣроятно, и *ἔκτωρ* (обладатель), такъ какъ, очевидно, господствуетъ надъ нимъ, обладаетъ имъ и имѣетъ его. Или тебѣ кажется, что я ничего не говорю, что я недоразумѣваю и думаю, какъ бы В. лишь напасть на какой-то слѣдъ Омировой мысли о правильности именъ?

Ерм. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не то, какъ мнѣ кажется; ты, можетъ быть, попалъ на что-то.

Сокр. Вѣдь правильно-таки, какъ мнѣ представляется, порожденіе льва называть львомъ, а порожденіе коня—конемъ. Не говорю о томъ, что рождается какъ бы уродомъ,—отъ коня чѣмъ-то не такимъ, что конь; говорю о родовомъ порожденіи, согласномъ съ природою. Если конь, вопреки природѣ, производитъ порожденіе быка по природѣ, то уже С.

не жеребенкомъ надобно назвать его, а теленкомъ. Равнымъ образомъ, если бы и отъ человѣка, думаю, произошло порожденіе не человѣка, этого порожденія не слѣдуетъ называть человѣкомъ. И дерева, и все такимъ же образомъ. Или тебѣ не кажется?

Ерм. Кажется.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Наблюдай же за мною, чтобы я какъ нибудь не обманулъ тебя. Вѣдь на этомъ же основаніи, если порожденіе происходитъ отъ царя,—оно **Д.** должно быть называемо царемъ: тѣми ли слогами означается оно, или другими,—это все равно; прибавляется какая буква, или отбрасывается,—и это ничего не значить, пока имѣетъ силу проявляющаяся въ имени сущность дѣла.

Ерм. Какъ это говоришь ты?

Сокр. Не хитро. Ты знаешь, что мы произносимъ имена стихій (слова), а не самыя стихіи,—за исключеніемъ четырехъ: **Е.** ϵ , υ , $\omicron$, ω ,—и что, обстанавливая ихъ другими гласными и согласными, означаемъ такимъ образомъ прочія буквы и составляемъ ихъ имена. И пока въ имени полагается проявляющаяся сила стихіи, правильно будетъ называть именемъ то, что она открываетъ намъ. Напримѣръ, витѣ присоединеніе η , τ и α , видишь, нисколько не повредило, чтобы цѣлымъ именемъ этой стихіи, котораго хотѣлъ законодатель, нельзя было выразить ея природы. Такъ умѣлъ онъ хорошо давать имена буквамъ.

Ерм. Мнѣ кажется, ты говоришь правду.

Сокр. Не то же ли самое и о царѣ? Вѣдь отъ царя, вѣро-
394. ятно, будетъ царь, отъ добраго добрый, отъ прекраснаго прекрасный, и все такимъ же образомъ,—изъ cadaго рода другое такое же порожденіе, если не произойдетъ уродъ. Поэтому надобно прилагать къ нимъ тѣ же имена. Можно оразнообразивать ихъ слогами, чтобы показать неразумному, что, при существенномъ своемъ тожествѣ, они отличны другъ отъ друга. Какъ лѣкарства врачей, различающіяся цвѣтомъ и запахомъ, намъ, при ихъ тожественности,

кажутся иными, а врачу, рассматривающему силу лѣкарствъ, представляются тѣми же и не изумляютъ его примѣсью: такъ, можетъ быть, и знатокъ въ именахъ смотритъ на силу ихъ и не изумляется, если прибавляется къ нимъ буква, или переставляется, или отбрасывается, или сила имени заключается и въ совершенно иныхъ буквахъ. Вотъ и въ сказанномъ сейчасъ примѣрѣ, Астіанаксъ и Гекторъ состоятъ вовсе не изъ тѣхъ же буквъ, кромѣ буквы τ, одна-С. кожь означаютъ одно и то же. Такъ-то и Археполисъ что общаго имѣетъ въ буквахъ? а выражаетъ то же самое. Много и другихъ именъ, которыя не означаютъ ничего, кромѣ царя; а инья-то опять означаютъ военачальника, каковы: Агисъ, Полемархъ, Эвполемъ. Бываютъ также и врачевныя, напримѣръ: Ятроклъ, Акесимвротъ. Можетъ быть, нашли бы мы множество и другихъ, по слогамъ и буквамъ различныхъ, а по силѣ выражающихъ одно и то же. Кажется такъ, или нѣтъ?

Ерм. Ужъ конечно кажется.

D.

Сокр. Такъ рождающимся по природѣ надобно давать тѣ же названія.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но что, если противъ природы,—если рождаются въ видѣ уродовъ? Напримѣръ, когда отъ человѣка добраго и благочестиваго рождается нечестивый: не такъ же ли надобно поступить, какъ мы сказали прежде, если бы конь произвелъ порожденіе быка,—надлежало бы, то есть, порожденію дать имя не родившаго, а рода, къ которому оно относится?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, и нечестивому, родившемуся отъ благочестиваго, надобно дать имя его рода.

Ерм. Такъ.

Сокр. То есть, имя, какъ видно, не Θεοφιλα, не Μνισι-εοεσα и никакое подобное, а такое, которое имѣетъ про-

тивное этимъ значеніе, если только названія должны быть правильны.

Ерм. По крайней мѣрѣ всего болѣе, Сократъ.

Сокр. Такъ-то и Орестъ, должно быть, правильно названъ, Ермогенъ, искусство ли какое приложило къ нему это имя, или какой поэтъ, указывая именемъ на звѣрство его природы, на его дикость и горную (*ὄρεινόν*) натуру.

395. *Ерм.* Видимо, такъ, Сократъ.

Сокр. Пристало вѣдь это имя и отцу его по природѣ.

Ерм. Видимо.

Сокр. Должно быть такой какой-то и Агамемнонъ, когда надъ тѣмъ, что показалось ему, работаетъ и упорствуетъ, положивъ конецъ мнѣніямъ для добродѣтели. Доказательствомъ его упорства служить неотступное стояніе греческой толпы подъ Троею. Такъ что этотъ человѣкъ былъ по своей стоянкѣ (*ἐπιμονή*) удивителенъ (*ἀγαστός*): это самое выражается именемъ Агамемнонъ. Можетъ быть, правильно приложено къ нему и имя Атрей¹: ибо убіеніе Хризиппа и то, что жестокаго сдѣлалъ онъ по отношенію къ *Θіεστῷ*,—все это вредоносно и губельно (*ἀτηρά*) для добродѣтели (*ἀρετήν*). Такъ названіе его этимъ именемъ мало отступаетъ отъ дѣла и прячется подъ покрываломъ, чтобы не всѣмъ была известна природа этого человѣка: говорящимъ объ именахъ довольно видно, что значить Атрей. Возьмешь ли *τὸ ἀτειρές* С. (несокрушимый), или *τὸ ἀτρεστον* (безтрепетный), или *τὸ ἀτηρόν* (губельный),—во всякомъ случаѣ имя къ нему приложено правильно. Мнѣ кажется, что прилично дано имя и Пелопсу; потому что Пелопсъ означаетъ человѣка близорукаго, и такого названія онъ заслуживаетъ.

Ерм. Какъ же это?

---

¹ Хризиппъ былъ сынъ Пелопса и Астіопы. Такъ какъ отецъ любилъ его почти исключительно, то мачиха его Ипподамія, негодуя на это, расположила двухъ своихъ сыновей, Атрея и *Θіεста*, убить его (см. *Hug. in. f. 85. Pausan. VI, 20*). О жестокомъ поступкѣ Атрея съ *Θіεстомъ* см. *Hug. in. f. 88. Pausan. II, 18*.

Сокр. Объ этомъ человѣкѣ говорятъ, на примѣръ, что въ убійствѣ Миртила ¹ онъ не предугадывалъ и не предвидѣлъ ничего, что въ будущемъ произойдетъ для всего рода, какому отъ того подвергнется онъ бѣдствію,—когда, смотря только на близкое и настоящее,—что и значить πέλας,— D. старался всѣми силами взять сторону жены своей Ипподаміи. А что касается до Тантала, то всякій согласится, что къ нему имя приложено правильно и по природѣ, если только справедливо все, о немъ рассказываемое.

Ерм. Что же это такое?

Сокр. Онъ еще при жизни испыталъ много ужасныхъ несчастій, въ заключеніе которыхъ и отечество его было всецѣло разрушено, а послѣ смерти, въ преисподней, надъ его головою, въ соотвѣтствіе его имени, удивительно E. повѣшенъ камень. И просто выходило, будто бы кто, желая назвать висящее (τάλαντον), назвалъ прикровенно, и, вмѣсто τάλαντον, сказалъ Τάνταλον. Такое-то, какъ видно, жребій молвы произвелъ имя и для него. Явно, что и къ отцу его, такъ называемому Зевсу, прекрасно приложено было имя; только не легко понять его. Вѣдь имя Зевса есть просто какъ бы слово: раздѣливъ же его на двое, 396. одни изъ насъ пользуются одною его частію, другіе—другою,—одни, то есть, называютъ его Зиномъ (Ζῆνα), другіе Діемъ (Δία). Сложенныя же въ одно, эти части выражаютъ природу Бога,—что и свойственно, говоримъ, дѣлать имени; ибо ни въ насъ ни во всѣхъ другихъ нѣтъ ничего, почему бы кто больше былъ причиною жизни (τοῦ ζῆν), чѣмъ правитель и царь всѣхъ. И такъ, слѣдуетъ, что онъ правильно

¹ Нѣкогда Пелопсъ, путешествуя съ Ипподаміею, сошелъ съ колесницы, чтобы поискать ключевой воды, и ушелъ далеко. Ипподамія, оставшись одна съ кучеромъ Миртиломъ, вздумала располагать его къ преступной любви. Но Миртиль не послушался ея. Тогда она стала обвинять Миртила предъ Пелопсомъ, будто бы онъ посягалъ на ея цѣломудріе. Выслушавъ эту клевету, Пелопсъ бросилъ своего кучера въ ближнее море, которое отъ имени брошеннаго получило свое названіе. См. Th z e t z e s ad Lycorhon. v. 156. Съ того времени домъ Пелоса сталъ подвергаться страшнымъ бѣдствіямъ. Sophocl. Electr. 508.

- В. называется богомъ, чрезъ котораго всегда получаютъ жизнь ($\delta\iota\delta\upsilon\nu\ \zeta\eta\nu$) всѣ существа живущія. Но это выраженіе распалось, какъ говорю, на двое, на имена Дія и Зина. Служащему же сразу можетъ показаться, что этотъ сынъ Кроноса своеволенъ; да такъ и слѣдуетъ, чтобы Зевсъ былъ порожденіемъ нѣкоего великаго разума: потому что Кроносъ означаетъ не мальчика ($\chi\acute{o}\rho\omicron\nu$), а чистоту и незапятнанность его ума ($\nu\omicron\upsilon\delta\epsilon$). Этотъ же, какъ говоритъ преданіе, есть С. сынъ Урана,—и такимъ именемъ хорошо выражается смотрѣніе вверхъ. Уранія значитъ: смотрящая на высшее ($\acute{o}\rho\acute{\omega}\sigma\alpha\ \tau\acute{\alpha}\ \acute{\alpha}\nu\omega$). Оттого-то и говорятъ, Ермогенъ, что верхоглядья являются чистыми умами, и что небу ($\omicron\upsilon\acute{\rho}\alpha\nu\phi$) правильно дано имя. И если бы я помнилъ генеалогію Исіода, о какихъ еще отдаленнѣйшихъ предкахъ ихъ говоритъ онъ, то не пересталъ бы доказывать, какъ правильно приложены къ нимъ имена, пока не испыталъ бы, что можетъ сдѣлать такая мудрость, замолчить ли она, или нѣтъ,—та D. мудрость, которую теперь вдругъ навѣяло на меня, не знаю откуда-то.

Ерм. Ты и въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, представляешься мнѣ просто-таки какъ тѣ восторженники, произносящіе сразу свои провѣщанія.

- Сокр.* И причина-то восторженности, Ермогенъ, перешла въ меня, думаю, особенно отъ Эвтифрона проспалтійскаго; потому что я поутру долго бесѣдовалъ съ нимъ и слушалъ его. Такъ вотъ, въ своемъ восторгѣ, онъ геніальною мудростію, должно быть, не только наполнилъ мои уши, но и E. занялъ мою душу. Поэтому, мнѣ кажется, надобно намъ поступить такъ: сегодня воспользоваться ею и разсмотрѣть прочее относительно именъ; а завтра, если вамъ будетъ угодно, отвратить ее жертвенно и очиститься, нашедши, кто 397 въ силахъ очищать это,—изъ жрецовъ ли когонибудь, или изъ софистовъ.

Ерм. Я-то согласенъ; потому что съ большимъ удовольствіемъ слушалъ бы, что еще остается сказать объ именахъ.

Сокр. Сдѣлаемъ же такъ. Откуда, хочешь, начнемъ мы свое изслѣдованіе, теперь, какъ уже вошли въ предѣлы какого-то типа ¹,—чтобы видѣть, будутъ ли намъ свидѣтелями самыя имена, что каждое изъ нихъ полагается не вовсе такъ, случайно, но имѣеть нѣкоторую правильность? Упомянутыя В. имена героевъ и людей могли бы, можетъ быть, обмануть насъ: потому что многія изъ нихъ даются, какъ мы прежде говорили, по фамиліямъ предковъ и къ инымъ вовсе не идутъ; а многія также прилагаются, какъ знаки желанія, —напримѣръ, Эвтихидъ (счастливый), Сосія (сохраненный), Теофилъ (боголюбезный), и подобныя. Такъ всѣ такія, мнѣ кажется, надобно оставить. Вѣроятно, найдемъ мы гораздо правильнѣе приложенными тѣ, которыя всегда существенны и согласны съ природою; потому что приложеніе именъ съ С. этой стороны, надобно думать, было предметомъ особенной заботливости. Нѣкоторыя же изъ нихъ, можетъ быть, приложены и божественною—больше нежели человѣческой силою.

Ерм. Ты, кажется, хорошо говоришь, Сократъ.

Сокр. Такъ не справедливо ли будетъ начать намъ изслѣдованіе отъ боговъ,—какимъ образомъ боги назвали правильнымъ это самое имя?

Ерм. И естественно.

Сокр. Тутъ я подозрѣваю слѣдующее. Первые изъ людей, населявшихъ Элладу, мнѣ кажется, чтили тѣхъ только боговъ, которыхъ чтутъ теперь многіе изъ варваровъ, то есть, солнце, луну, землю, звѣзды и небо. Видя, что всѣ они D. всегда идутъ своимъ путемъ, бѣгутъ, отъ этой природы ²

¹ Слово τύπος, когда говорится собственно объ впечатлѣніи образовъ, часто употребляется у философа въ значеніи общаго описанія рѣчи или разсужденія. Отсюда ἐν τύπῳ λέγειν нерѣдко значить—разсуждать о какомъ нибудь предметѣ вообще, не разсматривая съ точностію его частей. Platon. De Rep. VI, p. 491 C: εἴχεις ἄρ' τὸν τύπον ὧν λέγω, гдѣ потомъ противопоставляется этому слову τὸ ἀκριβέστερον πῶς εἶναι. Ibid. III, p. 414 A: ὡς ἐν τύπῳ, μὴ δὲ ἀκριβείας εἰρηῶσαι. Alib.

² Кто внимательно всмотрится здѣсь въ цѣль разсужденія, тотъ легко замѣтитъ, что это мнѣніе о производствѣ имени боговъ не принадлежитъ Платону.

бѣжанія (θεῖν) тѣ люди наименовали ихъ богами (θεοός); а впослѣдствіи, признавъ и всѣхъ другихъ, они уже и этимъ усвоили то же названіе. Походитъ ли нѣсколько на правду, что я говорю, или нѣтъ?

Ерм. Конечно, походитъ.

Сокр. Что же послѣ этого будемъ изслѣдывать? Или ужъ явно, что геніевъ, героевъ и людей?

Ерм. Геніевъ.

Е. *Сокр.* И въ самомъ дѣлѣ, Ермогенъ, что означаетъ имя геній? Наблюдай, покажется ли тебѣ, что я нѣчто говорю.

Ерм. Говори только.

Сокр. Знаешь ли, кого Исїодъ называетъ демонами?

Ерм. Не приведу на мысль.

Сокр. И того не приведешь на мысль, что сперва былъ золотой родъ людей?

Ерм. Это-то знаю.

Сокр. Такъ вотъ что Исїодъ говоритъ о немъ:

398. Потомъ, когда тотъ родъ судьбы велѣнемъ скрылся,
Земными чистые тѣ геніи зовутся;

Щиты они отъ золь, благіе стражи смертныхъ.

Ерм. Такъ что же?

Сокр. Думаю, то говоритъ онъ, что золотой родъ по природѣ былъ не золотой, а добрый и прекрасный. Доказательствомъ же служить мнѣ то, что и насъ называетъ онъ родомъ желѣзнымъ.

Ерм. Ты говоришь правду.

Сокр. Не думаешь ли, что и изъ нынѣшнихъ того, кто
В. добръ, относитъ онъ къ роду золотому?

Ерм. Естественно.

Такое же производство этого имени мы встрѣчаемъ и у Геродота, II, 52: Θεοός προσωνόμασάν σρεας από τοῦ τοιοῦτου, ὅτι κόσμῳ θέντες τὰ πάντα πρήγματα καὶ πάσας νομάς εἶχον. Къ этому см. примѣчаніе Весселинга, что такая этимологія могла нравиться гераклитянамъ, которые, представляя, что все находится въ непрестанномъ движеніи, полагали, что и самые боги суть не иное что, какъ скороходы.

Сокр. А добрые иное ли что, чѣмъ ¹ разумные?

Ерм. Разумные.

Сокр. Такъ вотъ такими-то болѣе всего, кажется мнѣ, называется онъ геніевъ: такъ какъ они были разумны и знающіи (*δαίμονες*), то Исіодъ и наименовалъ ихъ геніями (*δαίμονες*). Да на древнемъ-то нашемъ языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ именно такое значеніе. Хорошо говорить и онъ, говорятъ и многіе другіе поэты, что когда добрый человѣкъ умретъ, тогда получить важнѣйшій жребій и честь, и, по имени разумности, сдѣлается геніемъ. Поэтому и я полагаю, С. что человѣкъ знающій (*δαίμων*), который былъ бы добръ, есть существо геніальное (*δαίμονιον*), живъ онъ или умеръ, и правильно называется геніемъ.

Ерм. И я, какъ мнѣ кажется, Сократъ, въ этомъ совершенно схожусь съ твоимъ мнѣніемъ. Что же будетъ герой-то?

Сокр. Это не очень трудно понять. Имя героевъ нѣсколько уклонилось; но явно, что оно произошло отъ Эроса.

Ерм. Какъ ты говоришь?

Сокр. Развѣ не знаешь ты, что герои—полубоги?

Ерм. Такъ что жъ?

Сокр. То есть, всѣ они произошли отъ любви либо бога D. къ смертной, либо смертнаго къ богинѣ. Если будешь разсматривать такъ, и притомъ на основаніи аттического древняго языка, то узнаешь и больше. Тебѣ откроется, что отъ имени Эроса, отъ котораго произошли герои, слово герой немного отступило какъ названіе. Герои либо имѣютъ это происхожденіе, либо они были софисты, сильныя риторы и діалектики, способные предлагать вопросы; ибо *εἶρεν* значитъ говорить. Поэтому на аттическомъ языкѣ, какъ мы сейчасъ замѣтили, такъ называемые герои, нѣкоторые риторы и эротики сходятся въ своемъ значеніи, такъ что родъ раторовъ и софистовъ оказывается

¹ Вотъ это положеніе чисто сократическое, по которому добродѣтель—одно и то же съ знаніемъ.

племенемъ героевъ. Такъ не это трудно понять, а скорѣе имя людей,—почему называются они людьми. Ты можешь сказать?

Ерм. Куда мнѣ, добрякъ? Если бы я и былъ въ состоянїи найти это, то не настаивалъ бы, ибо думаю, что ты скорѣе найдешь, чѣмъ я.

399. *Сокр.* Видно же, ты вѣришь воодушевленію Эвтифрона.

Ерм. Очевидно.

Сокр. Да и правильно вѣришь. Вотъ я и теперь уже видимо настроенъ къ мышленію хитрому и, должно быть, если не поостерегусь, нынѣ же буду мудрѣе надлежащаго. Наблюдай, чтò я говорю. Во первыхъ, относительно именъ надобно замѣтить то, что мы часто однѣ буквы вносимъ въ нихъ, а другія изгоняемъ изъ нихъ, когда хотимъ отъ чего нибудь взять названіе, да переставляемъ и ударенія.

В. Напримѣръ, $\Delta\iota\ \phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ (Зевсу любезенъ): чтобы это, вмѣсто выраженія, было у насъ именемъ ($\Delta\iota\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$), вторую іоту въ немъ мы уничтожаемъ и, вмѣсто остраго ударенія на среднемъ слогѣ, произносимъ тяжелое; въ другія же имена, напротивъ, вносимъ буквы, и тяжелое удареніе произносимъ какъ острое.

Ерм. Ты правду говоришь.

Сокр. Такъ между прочими именами одно, подвергшееся подобной перемѣнѣ, есть, какъ мнѣ кажется, и имя людей; потому что изъ выраженія оно, по отнятїи отъ него одного α и по перенесенїи на конецъ тяжелаго ударенія, сдѣлалось именемъ.

Ерм. Какъ ты говоришь?

С. *Сокр.* Вотъ какъ. Это имя значитъ $\alpha\upsilon\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$ (человѣкъ)—потому, что прочія животныя того, чтò видятъ, не разсматриваютъ, не разсчитываютъ, не соображаютъ; напротивъ, человѣкъ, какъ только увидѣлъ,—а это то же, что $\delta\pi\omega\pi\epsilon$,—тотчасъ сообразилъ ($\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\rho\epsilon\iota\nu$) и разсчиталъ, что увидѣлъ. Отсюда-то изъ животныхъ только человѣкъ правильно названъ $\alpha\upsilon\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$,—соображающій, чтò увидѣлъ,— $\acute{\alpha}\nu\alpha\theta\rho\omega\nu\ \acute{\alpha}\ \delta\pi\omega\pi\epsilon\upsilon$.

Ерм. Что же? послѣ этого спросить ли тебя о томъ, что узналъ бы я съ удовольствіемъ?

Сокр. Конечно.

Ерм. Это дѣло, мнѣ кажется, какъ бы по порядку слѣ- D. дуетъ за прежнимъ. Мы называемъ нѣчто въ человѣкѣ душою и тѣломъ.

Сокр. Какъ не называть?

Ерм. Постараемся же и это разобрать, какъ прежнее.

Сокр. Ты говоришь объ изслѣдованіи души, что она прилично носить это имя, а потомъ опять объ изслѣдованіи тѣла?

Ерм. Да.

Сокр. Чтобы сказать объ этомъ сразу ¹,—назвавши душу имѣли, думаю, въ виду ту мысль, что душа (ψυχή), пока присуща она тѣлу, есть причина его жизни, такъ какъ даетъ ему способность дышать и охлаждаться (ἀναφύχειν), и **Б.** если охлажденія не достаесть, тѣло разрушается и кончается. Поэтому-то, кажется мнѣ, назвали ее душою. Но, если хочешь, потерпи; потому что я, слѣдуя Эвтифронамъ, кажется, усматриваю нѣчто убѣдительное этого. Такое мнѣніе, какъ мнѣ представляется, могутъ, конечно, презирать и почитать **400.** затѣйливымъ; однакожь разсматривай, не понравится ли оно и тебѣ?

Ерм. Только говори.

Сокр. Природу всего тѣла, чтобы оно и жило и ходило, что иное поддерживаетъ и водить, по твоему мнѣнію, какъ не душа?

Ерм. Не иное.

¹ Первое производство τῆς ψυχῆς, которое одно, безъ сомнѣнія, справедливо, приводится, говорить, мимоходомъ, безъ предварительнаго обсужденія. Но за нимъ слѣдуетъ тотчасъ другое, чрезвычайно нелѣпное, и полагается уже не мимоходомъ, а съ особенною увѣренностію, какъ производство, достойное Эвтифрона. Какая тонкая и остроумная шутка! Впрочемъ вотъ что говорить Аристотель (De anim. I, 2, 23): διὸ καὶ τοῖς ὀνόμασιν ἀκολουθοῦσιν, οἱ μὲν τὸ θερμὸν λέγουσιν, ὅτι διὰ τοῦτο καὶ τὸ ζῆν ὀνομάσται, οἱ δὲ τὸ ψυχρὸν διὰ τὴν ἀναπνοὴν καὶ τὴν κατάψοξιν καλεῖσθαι ψυχὴν (см. къ этому мѣсту Trendelenb. p. 242).

Сокр. Что жъ? а природу всѣхъ прочихъ вещей,—развѣ не вѣришь Анаксагору,—устраиваетъ и поддерживаетъ умъ ¹ и душа?

Ерм. Вѣрю.

Сокр. Стало быть, это имя хорошо бы прилагать къ той В. способности, которая водить и держитъ (ὄχει καὶ ἔχει) природу, и измѣнить его въ ψοσέχην (держашее природу). Впрочемъ изрядно говорить и ψυχῆ.

Ерм. Конечно; мнѣ даже кажется, что это искуснѣе того.

Сокр. Да такъ и есть; вѣдь смѣшно же въ самомъ дѣлѣ имя употреблять такъ, какъ оно положено.

Ерм. Но то, что послѣ сего,—что скажемъ о немъ?

Сокр. Разумѣешь тѣло?

Ерм. Да.

Сокр. Это-то представляется мнѣ различнымъ образомъ: отступи хоть нѣсколько,—и производствъ множество. Такъ, С. нѣкоторые тѣло (σῶμα) называютъ гробомъ ² (σῆμα) души, которая въ настоящее время какъ бы положена въ немъ. А какъ тѣломъ опять означается то, что означаетъ душа, то тѣло (σῶμα) правильно поѣтому называется и знакомъ (σῆμα). Но это имя особенно установили, мнѣ кажется, орфисты,—полагая, что душа несетъ здѣсь наказаніе за то, за что несетъ, и что она имѣетъ этотъ покровъ, чтобы могла

¹ Почему здѣсь соединяются оба эти имени—νοῦς τε καὶ ψυχῆ, показываетъ Аристотель (De anim. I, 2, 13): Ἀναξαγόρας δ' ἔοικε μὲν ἕτερον λέγειν ψυχῆν τε καὶ νοῦν, — χρεῖται δὲ ἀμφοῖν ὡς μὴ φύσει, πλὴν ἀρχὴν γε τὸν νοῦν τίθεται μάλιστα πάντων. Анаксагоръ училъ, что всѣ вещи и стихіи ихъ были нѣкогда смѣшаны между собою, но потомъ силою ума раздѣлились и распредѣлились. Для выраженія этого, формула его была такова: νοῦς πάντα χρεῖματα διῆρε καὶ διεκόσμησε. См. Phaedon. p. 72 С. И такъ, глаголъ διακοσμεῖν принадлежитъ самому Анаксагору, а причастіе καὶ ἔχουσαν прибавлено Платономъ для этимологіи.

² Слово σῶμα, по мнѣнію Сократа, имѣетъ тройное происхожденіе: во первыхъ, оно производится отъ σῆμα и значить какъ бы гробъ души; потомъ, во второмъ значеніи τοῦ σῆματος, оно есть знакъ, которымъ душа пользуется для показанія своихъ чувствованій, и, наконецъ, σῶμα можетъ быть понимаемо какъ σῶσ-μα, т е м н и ц а, въ которой душа живетъ какъ узница, подъ наказаніемъ, пока не будетъ изведена изъ ней. Первая этимологія, вѣроятно, принадлежала Гераклиту или Филолаю, а послѣднюю философъ самъ относитъ къ орфистамъ.

быть соблюдена (σώζεται) будто въ темницѣ. И такъ, это имя *сѡма*, какъ оно произносится, выражаетъ узилище души, пока душа не возрастъ должнаго, и тутъ не надобно измѣнять ни одной буквы.

Ерм. Объ этомъ, мнѣ кажется, довольно сказано, Со- D. кратъ; но нельзя ли бы намъ такимъ же образомъ сдѣлать изслѣдованіе объ именахъ боговъ, подобно тому, какъ ты говорилъ сейчасъ объ имени Зевса,—какая правильность заключается въ ихъ наименованіяхъ?

Сокр. Да, клянусь Зевсомъ, Ермогенъ, мы-то, если только есть въ насъ умъ, могли бы привести одно прекрасное основаніе, что о богахъ ничего ¹ не знаемъ,—ни о нихъ самихъ, ни объ именахъ, какими они называютъ себя; хотя явно, что они-то называютъ себя справедливо. Другое же опять основаніе правильности въ томъ, какъ въ молитвахъ ² Е. намъ велитъ законъ молиться, (ибо) какими которые боги лю- 401. бятъ называться именами, такъ, не зная другихъ наименованій, должны называть ихъ и мы; и это, мнѣ кажется, узаконено хорошо. Такъ, если хочешь, будемъ разсуждать, какъ бы предупреждая боговъ, что относительно ихъ мы не изслѣдуемъ ничего, ибо не считаемъ себя способными изслѣдывать, а обратимъ свои разсужденія къ людямъ, которые, составивъ себѣ нѣкогда понятіе о нихъ, прилагали къ нимъ имена: это—дѣло не укоризненное.

¹ По видимому, дѣлается намекъ на извѣстное положеніе Протагора (Diog. Laert. IX, 51): περί μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι εἶδ' ὡς εἰσίν, εἶδ' ὡς οὐκ εἰσίν; только оно весьма мягко примѣняется къ настоящему предмету. Затрогивается здѣсь и народный предразсудокъ, что будто бы богамъ нравятся именно нѣкоторые прилагаемыя къ нимъ имена.

² Извѣстно древнее языческое благочестіе въ употребленіи именъ божіихъ. См. Spanhem. ad Callim. Hymn. in Dian. v. 7. Stanlei. ad Aeschyl. Agam. v. 168. Этотъ обычай молящихся осмѣиваетъ Лукіанъ (Timon): ὦ Ζεῦ φίλιε, καὶ ξένιε, καὶ ἑταίρειε, καὶ ἐφέστιε, καὶ ἀστεροπητᾶ, καὶ ὄρκιε, καὶ ψεφελγερῆτα, καὶ ἐρίγδοικε, καὶ εἰ τί σε ἄλλο οἱ ἐμβρόντητοι ποιεῖται χαλοῦσιν, х. т. л. По этому Сократъ въ Филебѣ говоритъ (р. 12 С): «всегдашнее мое благоговѣніе предъ именами боговъ не таково, какъ предъ человѣческими, но выше величайшаго страха. Я и теперь Афродитѣ называю такъ, какъ ей нравится,—Афродитою».

Ерм. Ты говоришь, кажется, дѣльно, Сократъ; такъ и сдѣлаемъ.

В. *Сокр.* Такъ иначе ли начнемъ, чѣмъ съ Весты ¹, по закону?

Ерм. Въ самомъ дѣлѣ справедливо.

Сокр. Какая же, говорятъ, была мысль назвать Весту Вестою?

Ерм. Клянусь Зевсомъ,—и это, думаю, не легко.

Сокр. Первые прилагатели именъ, добрый Ермогенъ, должно быть, не худые въ самомъ дѣлѣ были люди, но какіе-то верхогляды ² и болтуны.

Ерм. Почему же?

С. *Сокр.* Приложение именъ мнѣ представляется дѣломъ какихъ-то такихъ людей. И кто сталъ бы разсматривать даже имена иностранныя, все-таки нашелъ бы, что значитъ каждое изъ нихъ. Напримѣръ, здѣсь,—что мы называемъ οὐσία (сущностію), то другіе зовутъ ἔστια, а еще другіе—ῶστια. И такъ сперва, примѣнительно къ второму изъ сихъ именъ, было основаніе сущность вещей назвать ἔστια (Вестою). А такъ какъ у насъ и то опять, что причастно сущности, называется также ἔστια (Вестою), то вотъ наша ἔστια (Веста) вышла и правильнымъ именемъ. Въ древности, видно, и мы οὐσία (сущность) называли ἔστια. Притомъ, и судя по жертвамъ, можно полагать,

¹ Начнемъ съ Весты. Schol. ad Euthyphr. § 2: «ἄρ' Ἐστίας ἀρχεσσαι.—Эта пословица прилагается къ тѣмъ, которые, будучи облечены силою, начинали дѣлать обиды съ домашнихъ,—ибо былъ обычай—изъ боговъ приносить первыя жертвы Вестѣ. Это перенесено было съ лицъ, занимающихся религиозными предметами, которыя приносили Вестѣ начатки, или первыя произведенія домашнего очага, произведенія изъ домашства, потому что очагъ (ἔστια) есть домъ». Слово «Веста» употребляется здѣсь Сократомъ двусмысленно.

² Разумѣются изслѣдователи вещей, вдававшіеся въ тонкости, каковы были философы, которыхъ толпа иначе почти и не называла. Посему Сократъ употребляетъ теперь эти названія, говоря языкомъ народа, и такимъ образомъ съ одной стороны обличаетъ недѣльность тѣхъ этимологовъ, а съ другой—насмѣшливо указываетъ на данныя имъ прозвища. Подобное сему см. Phaedr. p. 269 E; снес. Parm. p. 135 D; De Rep. VI, p. 488.

что прилагатели именъ имѣли такую мысль; потому что D. тѣ, которые Весту называли сущностію всего, находили приличнымъ приносить жертву первой Вестѣ, прежде чѣмъ всѣмъ богамъ. А у кого опять употреблялось *ᾠσία*, тѣ почти усвоили взглядъ Гераклита, полагая, что все сущее идетъ и ничто не стоитъ. Поэтому причиною и вождемъ у нихъ былъ толчокъ (*τὸ ᾠθεῖν*), и отсюда хорошо было назвать это *ᾠσίαν*. Такъ вотъ какъ мы, люди, ничего не знающіе, разсудили объ этомъ.—Послѣ Весты справедливо будетъ изслѣдовать Рею и Кроноса, хотя имя Кроноса-то мы уже и разсматривали. Впрочемъ, можетъ быть, это не отговорка.

Ерм. Почему же, Сократъ?

Сокр. Ахъ, добрякъ! Мнѣ пришелъ на мысль рой мудрости.

Ерм. Какой же это?

Сокр. Очень смѣшно сказать; между тѣмъ дѣло, думаю, правдоподобное. 402.

Ерм. Что это за дѣло?

Сокр. Я какъ будто вижу Гераклита, произносящаго нѣкоторыя древнія изреченія мудрецовъ, изъ временъ Кроноса и Реи, приводимыя также и Омиромъ.

Ерм. Какъ ты это говоришь?

Сокр. Гераклитъ говоритъ, что все идетъ и ничто не стоитъ, и уподобляя сущее теченію (*ῥοή*) рѣки, прибавляетъ, что дважды въ одну и ту же рѣку войти невозможно.

Ерм. Такъ.

Сокр. Что же? Кажется ли тебѣ, что чужда была Гераклита мысль, что прилагатель именъ предкамъ прочихъ боговъ далъ имена Реи (теченія) и Кроноса (времени)? Уже ли случайно, думаешь, съ обоими богами соединилъ онъ наименованія текучести? Такъ-то опять и Омиръ ¹ отцомъ

¹ См. *Iliad.* 14, 201: εἶμι γὰρ ὄφομένη πολυφόρβου παίρατα γαίης, Ὀκεανόν τε, θεῶν γένεσσι, καὶ μητέρα Τηθύν. *Ibid.* 302.

боговъ называетъ Океанъ, а матерію Тиѳису. То же, думаю, и Исіодъ ¹. Говоритъ негдѣ и Орфей ², что

Первый вступилъ тогда въ бракъ Океанъ красиво текущій,
Взялъ за себя сестру отъ матери общей—Тиѳису.

С. Такъ вотъ на что смотри, какъ они и между собою согласны, и все направляютъ къ Гераклитову взгляду.

Ерм. Видимо, въ твоихъ словахъ что-то есть, Сократъ; однакожъ я не знаю, что значить имя Тиѳисы.

Сокр. Да почти то же самое, что называется сокровеннымъ именовемъ ручья; потому что слова διαττόμενον (пропускаемое) и ἵδουμενον (вливаемое чрезъ лейку) указываютъ на ручей. Изъ этихъ-то обоихъ именъ и сложилось имя

Д. Тиѳиса.

Ерм. Это изысканно, Сократъ.

Сокр. Почему не такъ? Но что за этимъ?—О Зевсѣ мы уже сказали.

Ерм. Да.

Сокр. Такъ будемъ говорить о его братьяхъ, Посидонѣ и Плутонѣ, и о другомъ имени, которымъ называютъ его.

Ерм. Конечно.

Сокр. Первый, назвавшій Посидона Посидономъ, назвалъ Е. его, кажется, потому, что, когда онъ шелъ, природа моря удержала его и не позволила ему идти далѣе, но была для него какъ бы ножными узами (δεσμός τῶν ποδῶν). Такъ вотъ начальникъ этой силы, богъ, и названъ Посидономъ, какъ бы Посίδεσμον (скованнымъ по ногамъ); буква же ε внесена сюда, можетъ быть, для благоприличія. Впрочемъ, пожалуй, и не то здѣсь говорится, но вмѣсто сигмы сперва стояли

¹ Theog. 44 sq. Здѣсь родителями всѣхъ боговъ Исіодъ называетъ Γαῖαν и Οὐρανόν. А Ὠκεανόν и Τιφῖν (см. 337 sqq.) почитаетъ родоначальниками только рѣкъ и морей. Впрочемъ Сократъ говоритъ объ этомъ съ сомнѣніемъ.

² Подобно этому начало гимна Океану: ὠκεανόν καλέω, πατέρ' ἀφθιτον αἰὲν ἔοντα ἀθανάτων τε θεῶν γένεσιν θνητῶν τ' ἀνθρώπων. О приведенныхъ въ текстѣ стихахъ см. Orphica, p. 384, ed. Herm.

въ этомъ словѣ двѣ ламвды; такъ что оно было именемъ многознающаго (πολλὰ εἰδότης) бога. А можетъ быть, онъ на- 403.
званъ отъ глагола σειεῖν (трясти) σειῶν (потрясающимъ), и потомъ къ этому слову прибавлены π и δ. Что же касается до Плутона, то онъ получилъ это имя отъ даянія богатства (πλοῦτος), такъ какъ богатство достается глубоко изъ земли. А преисподнюю (ἄδης), кажется, многіе понимаютъ какъ невидимое (ἀειδές), прилагаютъ къ ней это имя и, боясь такого имени, называютъ ее Плутономъ.

Ерм. А тебѣ какъ представляется, Сократъ?

В.

Сокр. Мнѣ кажется, люди, относительно этого бога силы многообразнымъ образомъ ошибались и недостойно боялись его. Вѣдь боятся того, что, когда кто изъ насъ умретъ, навсегда тамъ останется; испугались и того, что душа отходить къ нему обнаженной отъ тѣла: а мнѣ кажется, что все стремится къ чему-то тому же,—и власть этого бога, и его имя.

Ерм. Какимъ же образомъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, что именно представляется мнѣ. Скажи, какое бы то ни было животное которыми узами сильнѣе понуждается оставаться гдѣ нибудь,—необходимо- с- стію, или пожеланіемъ?

Ерм. Пожеланіе гораздо выше, Сократъ.

Сокр. Такъ думаешь ли, что многіе не избавились бы отъ преисподней, если бы преисподняя не связывала ихъ сильнѣйшими тамошними узами?

Ерм. Явно.

Сокр. Стало быть, преисподняя связываетъ ихъ, какъ видно, какимъ-то пожеланіемъ, если связываетъ узами крѣчайшими,—а не необходимостію.

Ерм. Видимо.

Сокр. А пожеланій опять, не правда ли, много?

Емр. Да.

Сокр. Стало быть, преисподняя связываетъ ихъ пожеланіемъ, D. величайшимъ изъ пожеланій, если хочетъ удержать ихъ узами сильнѣйшими.

Ерм. Да.

Сокр. А есть ли какое пожеланіе больше, какъ, обращаясь съ кѣмъ нибудь, думать, что чрезъ него сдѣлаешься лучшимъ человѣкомъ?

Ерм. Клянусь Зевсомъ, никакого, Сократъ.

Сокр. Поэтому скажемъ, стало быть, Ермогенъ, что изъ тамошнихъ никто не захочетъ удалиться сюда, даже самыя
 Е. Сирены ¹, но и эти, и всѣ другіе тамъ очарованы: такъ хороши, какъ видно, рѣчи, которыя умѣетъ говорить имъ преисподняя. И надобно думать посему, что этотъ богъ— совершенный софистъ и великій благодѣтель находящихся у него душъ, если въ самомъ дѣлѣ подаетъ тамошнимъ столь великія блага; и такъ много у него тамъ избытковъ, что отъ этого получилъ онъ и имя Плутона. Да и то опять,— не хочетъ онъ обращаться съ людьми, имѣющими тѣла, но
 404. тогда только вступаетъ съ ними въ связь, когда душа бываетъ чиста отъ всѣхъ, относящихся къ тѣлу, золъ и пожеланій. Не дѣло ли философа, мужа благонастроеннаго, и то, что онъ такимъ образомъ связалъ и держитъ ихъ въ узахъ добродѣтели, тогда какъ, при порывахъ и неистовствѣ тѣла, не могъ бы и Кронось—отецъ—удержать ихъ, связавъ такъ называемыми своими узами ² ?

¹ Проклъ, объясняя это мѣсто, говоритъ о Сиренахъ слѣдующее: τρία γένη Σειρήνων οἶδεν ὁ μέγας Πλάτων· οὐράνιον, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὴν τοῦ Διὸς βασιλείαν· γυνεσιουρογόν, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὸν Ποσειδῶνα· καθαρτικόν, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὸν Ἄϊδην. Καὶ ἔστι κοινὸν αὐτῶν πασῶν τὸ διὰ τῆς ἐναρμονίου κινήσεως ὑποκατακλίβειν πάντα τοῖς ἑαυτῶν ἡγεμόσι θεοῖς· εἰσὸπερ ἐν οὐρανῷ μὲν τὴν ψυχὴν οὖσαν ἐνίξειν θέλει ταῖς ἐκεῖ διαγωγαῖς· ἐν δὲ τῇ γενεαί ζώσας παραπλέειν αὐτὰς προσέχει κατὰ τὸν ὀμηρικὸν Ὀδυσσεά (Od. XII, 165 sqq. Coll. 40 sqq.), εἴπερ καὶ ἡ θάλασσα γενέσεως εἰκὼν, ἵνα μὴ θέλωται ὑπὸ τῆς γενέσεως· ἐν δὲ τῷ ἄδῃ γενομένης συνάπτεισθαι διὰ τῶν νοήσεων πρὸς τὸν θεὸν τούτου· ὡς τε οἶδεν ὁ Πλάτων ἐν τῇ τοῦ Ἄϊδου βασιλείᾳ, γένη θεῶν καὶ δαιμόνων καὶ ψυχῶν, αἱ περιχορεύουσι τὸν θεόν, ὑπὸ τῶν ἐκεῖ Σειρήνων θελεγόμενα. Съ послѣдними словами Прокла сравн. мѣсто De Rep. X, p. 617.

² Объ узахъ Сатурна говоритъ Макробій (Saturnal. 1, 8): «Почему самъ Сатурнъ содержится въ оковахъ, причины этого, сознается Vergilius Flaccus, я не знаю. Но мнѣ помогаетъ чтеніе Аполлодора. Сатурнъ, по словамъ Аполлодора, весь годъ связанъ шерстяными узами, и разрѣшается только въ день своего праздника, то есть въ мѣсяцѣ декабрѣ. И отсюда-то произошла послови-

Ерм. Ты, должно быть, дѣло говоришь, Сократъ.

Сокр. Да и имя-то преисподней (ᾠδης), Ермогенъ, произошло далеко не отъ невидимаго (ἀειδοῦς), а гораздо скорѣе отъ того, что она знаетъ (εἰδέναι) все прекрасное. Примѣнительно къ этому-то слову законодатель назвалъ преисподнюю (ᾠδης).

Ерм. Пускай. Но отъ чего Димитру, Иру, Аполлона, Аѳину, Ифеста, Арея и прочихъ боговъ? Какъ скажемъ?

Сокр. Димитра (Διμήτηρ) названа, по видимому, отъ пищи, которую раздаетъ, какъ мать (μήτηρ); а Ира—какъ нѣкая любимица (ἐρατή), отчего и говорится, что Зевсъ былъ ея любовникомъ (ἐρασθεῖς). А можетъ быть, законодатель, смотря на явленія небесныя, Ирою прикровенно наименовалъ воздухъ (ἀέρα), то есть, положилъ начало въ концѣ: ты можешь это узнать, если будешь чаще произносить имя Иры. Что же касается до Ферефатты, то многіе, какъ видно, по неопытности относительно правильности именъ, боятся и этого имени, и Аполлона. Измѣнивши названіе, они представляютъ Ферсефону, и страшнымъ кажется имъ это имя; а между тѣмъ оно даетъ знать, что богиня мудра; ибо, когда производятся дѣла, прикасаться къ нимъ, братья за нихъ и мочь преслѣдовать ихъ было бы мудростью. И такъ, эта богиня, за мудрость и ухватливость въ производящихся дѣлахъ (τῆν ἐπαφῆν τοῦ φερομένου), могла бы быть правильно названа Ферепафою, или чѣмъ-то такимъ. Потому-то съ нею сопоставляется преисподняя, какъ мудрая, какова она и есть. А теперь, предпочитая благозвучіе истинѣ, уклоняютъ это имя отъ его значенія и богиню называютъ Ферефаттою. То же, какъ говорю, и объ Аполлонѣ: многіе боятся имени этого бога, какъ будто оно выражаетъ что страшное. Или ты не замѣчалъ?

ца: «боги имѣютъ шерстяныя ноги», означающая то, что въ десятый мѣсяцъ сѣмя, одушевленное въ утробѣ, возрастаетъ въ жизнь и, пока не выйдетъ на свѣтъ, удерживается мягкими связями природы».

Ерм. Конечно замѣчалъ, и ты правду говоришь.

Сокр. А между тѣмъ оно-то, какъ мнѣ кажется, для показанія силы этого бога, приложено къ нему прекрасно.

Ерм. Какъ же?

Сокр. Я постараюсь сказать, что именно мнѣ представ-
405. ляется. Вѣдь нѣтъ имени, которое бы, при своемъ единствѣ, болѣе принаровлено было къ выраженію четырехъ силъ этого бога; такъ что оно касается всѣхъ ихъ и нѣкоторымъ образомъ указываетъ на искусства—и музыкальное, и провѣщательное, и врачевательное, и стрѣлковое.

Ерм. Такъ говори; вѣдь, по твоимъ словамъ, это имя есть что-то странное.

Сокр. А между тѣмъ оно самое гармоничное, такъ какъ этотъ богъ—музыкантъ. Во первыхъ, умилованіе и очищенія ¹, предписываемыя какъ врачами, такъ и провѣщателями, священные обходы то съ лечебными, то съ провѣщательскими средствами, омыванья при этомъ и опрыскиванья, все это въ состояніи сдѣлать одно: представить человѣка чистымъ и по тѣлу и по душѣ. Или нѣтъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Но этотъ богъ не есть ли очиститель, омыватель и освободитель отъ такихъ золъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ по своимъ освобожденіямъ (ἀπολύσεις) и омы-

---

¹ Proclus, p. 106: ὅτι τὴν καθάρσιν μὴ μόνον ἐπὶ τῆς ἰατρικῆς ὄραϊν, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῆς μαγικῆς δείκνυσιν, ὅτι γενικῶς ἡ καθαρτικὴ τοῦ Ἀπόλλωνος δύναμις περιέχει τὰς δύο· καὶ γὰρ ταῖς τοῦ φωτός μαρμαρυγαῖς λαμπρύνει τὸν κόσμον, καὶ ταῖς παιωνικαῖς ἐνεργείαις πάσαν τὴν ὀλικὴν ἀμετρίαν ἐκκαθαίρει, ἃ δὲ καὶ οἱ ἐνταῦθα μιμούμενοι ἰατροὶ τε καὶ μάγιστροι οἱ μὲν τὰ σῶματα καθαίρουσιν, οἱ δὲ διὰ τῶν περιρράνσεων καὶ τῶν περιθειῶσεων ἀγνοοῦσι ἑαυτοὺς καὶ τοὺς συνόντας ἀποτελοῦσι. Подъ словомъ περιθειῶσεις разумѣются обливанье себя водою, осыпанье сѣрою и другими очистительными веществами: эти торжественные обряды древнихъ лустрацій всякому извѣстны. Tibull. I, 5, 8: illi ego, quum tristi morbo defessa iaceres, te dicor votis eripuisse meis; ipseque ter centum lustravi sulfure puro, carmine quum magico praecinuisset anus. Virgil. Aen. VI, 226: Idem ter socios pura circumtulit unda. Περιρράνσεις означало окачиваніе водою всего тѣла. Изъ Плутарха (Vit. Sull. c. 32, T. 1, p. 472) видно, что περιρράντηριον Аполлона было и въ Римѣ.

ваніямъ (ἀπολούσεις), какъ врачъ въ такихъ дѣлахъ, онъ правильно можетъ быть названъ Омывателемъ (Απολούων). С. Потомъ, по провѣщательности, весьма правильно было бы называть его, какъ называютъ ѳессалійцы, истиннымъ и простымъ (ἀπλοῦν), что—одно и то же; а всѣ ѳессалійцы произносятъ его имя «Аплонъ». Далѣе, по всегдашнему метапію, какъ сильный въ стрѣльбѣ, онъ можетъ быть названъ всегда метающимъ (ἀεὶ βάλων). Наконецъ, что касается до музыки,—должно замѣтить, что α, какъ въ словахъ ἀκόλουθος и ἄκοιτις, часто значить *вмѣстл*; такъ и здѣсь означаетъ совмѣстную полюсность (πόλησιν),—и на небѣ, котораго крайнія точки называются полюсами, и въ гармоніи пѣнія, гдѣ полюсы получаютъ имя симфоніи. И вотъ это, какъ говорятъ знатоки въ музыкѣ и астрономіи, связываетъ все вмѣстѣ (ἄμα πολεῖ) нѣкоторою гармоніею. И такъ, этотъ богъ владычествуетъ своею гармоніею, выражая ее въ совмѣстномъ вращаніи (ὁμοπολῶν) всего и у боговъ и у людей. Поэтому, какъ ὁμοκέλευθον (сопутника жизни) и ὁμόκοιτιν (раздѣлительницу ложа) мы, перемѣнивъ ο на α, назвали ἀκόλουθον и ἄκοιτιν; такъ назвали и Аполлона, который прежде былъ ὁμοπολῶν (вмѣстѣ вращающій), прибавили, то есть, другую λ, такъ какъ безъ этого ὁμοπολῶν соименно было ε. съ страшнымъ словомъ ἀπολῶν (имѣющій погубить). Неправильно разсматривая это имя, нѣкоторые и теперь подозрѣваютъ въ немъ такую силу и боятся его, какъ означающаго какую нибудь гибель. Между тѣмъ оно, какъ сей- 406. часъ говорено, приложено къ богу такъ, что касается всѣхъ его свойствъ,—простоты, всегдашняго стрѣлянія, омыванія, совмѣстнаго вращанія. А Музъ и вообще искусство музыкальное законодатель наименовалъ этимъ именемъ, какъ видно, отъ ощупыванія (μῶσθαί), или отъ изслѣдованія и философіи; Литу же—отъ кротости этой богини, такъ какъ она выражаетъ свое благожеланіе всякому, о чемъ кто проситъ ее. Можетъ быть, впрочемъ, вѣрно и то, какъ называютъ ее иностранцы; а изъ иностранцевъ многіе называютъ ее

Лиѳѳ. Видно, они не за суровость нрава, а за кротость и В. мягкость (λεΐον) нашли приличнымъ назвать ее Лиѳѳо, когда такъ называютъ. Артемида же получила имя, по видимому, отъ непорочности (ἀρτεμές) и скромности, за ея любовь къ дѣвственности. Впрочемъ, назвавшій эту богиню, можетъ быть, назвалъ ее за знаніе добродѣтели ¹ (ἀρετῆς), или за то, что она ненавидѣла женскую ниву (ἄροτον), осѣменяемую мужчиною. И такъ, прилагавшій имена далъ такое имя богинѣ или за что нибудь въ этомъ родѣ, или за все сказанное.

Ерм. Что же Діонисъ и Афродита?

Сокр. О великомъ дѣлѣ спрашиваешь ты, сынъ Ипповика. С. Но способъ изслѣдованія именъ, принадлежащихъ этимъ богамъ, есть и серьезный и шуточный: о серьезномъ спроси кого нибудь другаго; а шуточный ничто не мѣшаетъ рассмотреть и намъ, потому что шутку любятъ и боги. Если Діонисъ означаетъ дающаго вино (δίδους οἶνον), то Діонисомъ въ этомъ случаѣ онъ названъ былъ бы шуточно; а вино (οἶνος), располагающее многихъ пьяницъ, не имѣющихъ ума, думать (οἰεσθαι), будто у нихъ есть умъ (νοῦν ἔχειν), по всей справедливости, также въ шутку, могло бы быть названо виннымъ умомъ (οἰόνους). Что же касается до Афродиты, D. то не слѣдуетъ противорѣчить Исіоду, но согласиться, что Афродита названа по ея рожденію изъ морской пѣны (ἀφρός).

Ерм. Но ты, какъ аеинянинъ, Сократъ, конечно не забудешь ни объ Аеинѣ, ни объ Ифестѣ и Арѣ.

Сокр. Да и не естественно.

Ерм. Конечно нѣтъ.

Сокр. О другомъ-то ея имени не трудно сказать, почему оно приложено.

---

¹ За знаніе добродѣтели, ἀρετῆς ἱστορα. Шутка этой этимологіи такъ осязательна, что надобно быть слишкомъ тупоумнымъ, чтобы не замѣтить ея здѣсь, равно какъ и въ другихъ словопроизводствахъ. И однакожь добрые грамматикѣ всѣмъ этимъ этимологіямъ даютъ значеніе чистой правды, и, не задумываясь, вносятъ ихъ въ рядъ Платоновыхъ положеній.

Ерм. О какомъ?

Сокр. Мы называемъ же ее Палладою.

Ерм. Какъ не называть.

Сокр. Но полагая, что это имя взято отъ пляски въ во- Е. оруженіи, мы правильно, думаю, положили бы, потому что потрясать (πάλλειν) и потрястаться (πάλλεσθαι), прыгать (ὄρχεῖν) и кружиться (ὀρχεῖσθαι)—значитъ у насъ поднимать се- 407. бя, или что другое вверхъ, взять что съ земли, или держать въ рукахъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ Паллада поэтому.

Ерм. Да и правильно. Но какъ скажешь о другомъ?

Сокр. Объ имени Аѳины?

Ерм. Да.

Сокр. Это тяжелѣе, другъ мой. Объ Аѳинѣ и древніе думали, по видимому, такъ, какъ думаютъ нынѣшніе знатоки Омира. Вѣдь многіе изъ этихъ, истолковывая поэта, говорятъ, что Аѳина сотворила самый умъ и мысль, и со- В. ставитель именъ такое что-то представлялъ относительно ея; еще же величественнѣе говоритъ онъ, называя Аѳину какъ бы умомъ Бога (θεοῦ νόησιν), какъ бы она есть Θεοноя (θεονοία), и въ этомъ словѣ, по произношенію иностранному, употребивъ, вмѣсто η, α, и отнявъ буквы ι и σ. А можетъ быть, и не такъ; но составитель именъ, предпочтительно предъ прочими, назвалъ ее Θεοноею, поколику она мыслить божественное. Ничто не мѣшаетъ полагать и то, что онъ разумѣлъ помышленіе сердца (τῆν ἐν τῷ ἡθει νόησιν) и, олицетворяя его въ этой богинѣ, хотѣлъ назвать ее Иѳе- ноею. Впослѣдствіи же либо самъ онъ, либо другіе, направ- С. ляя это имя, какъ думали, къ лучшему, назвали ее Аѳи- ною.

Ерм. Но что объ Ифестѣ? Какъ скажешь?

Сокр. Ты спрашиваешь о благородномъ знатокѣ свѣта (φάεος ἱστορα)?

Ерм. Выходить.

Сокр. Да не онъ ли это всѣмъ извѣстный Фестъ, при-
тянувшій къ себѣ η?

Ерм. Должно быть, если только тебѣ, сколько видно, не
кажется какъ нибудь иначе.

Сокр. Но чтò бы ни казалось, спрашивай объ Арѣѣ.

Ерм. Спрашиваю.

D. *Сокр.* Арей, если угодно, могъ быть названъ по муже-
скому полу (ἄρρεν) и по мужеству (ἀνδρείον); да хотя бы
опять назывался онъ по жесткости и неуступчивости, чтò
выражается словомъ ἄρρατον (несокрушимое),— воинственно-
му богу и въ этомъ и во всякомъ смыслѣ прилично на-
зываться Ареемъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Теперь отъ боговъ отстанемъ, ради боговъ; пото-
му что я боюсь разсуждать о нихъ. Предлагай мнѣ вопро-
сы о чемъ хочешь другомъ, чтобы тебѣ видѣть, каковы
кони Эвтифроновы ¹.

E. *Ерм.* Конечно, сдѣлаю такъ; но по крайней мѣрѣ объ од-
номъ еще спрошу тебя, объ Эрміи; ибо Кратиль не со-
глашается, что я «Ермогенъ» ². Постараемся же разсмотрѣть
Эрмія, чтò значитъ это имя, чтобы видѣть, говоритъ ли
этотъ что нибудь.

Сокр. Да это-то имя, «Эрміи», по видимому, относится нѣ-
сколько и къ предмету, потому что означаетъ истолковате-
ля, вѣстника, хищника и обманщика на словахъ и дѣятеля на
408. торговой площади: всѣ эти занятія касаются содержанія нашей
рѣчи. И такъ, что говорили мы и прежде, глаголь εἶρεν ³
означаетъ употребленіе слова, а другой, часто встрѣчаю-
щійся у Омира ⁴ въ формѣ ἐμῆσατο, значитъ *измышлять*.

¹ Каковы кони Эвтифроновы. Принаровленіе къ стиху Омира,
Πiad. V, 221: ἀλλ' ἄγ' ἐμῶν οὐέων ἐπιβήσοο, ὄφρα ἰδῆαι, οἷοι Τρωῖοι ἴπποι.

² См. p. 383 B; 384 C.

³ См. p. 398 D.

⁴ Объ омирическомъ словѣ ἐμῆσατο снес. Πiad. ζ' 157; Odyss. γ' 119, 303, κ'
115, λ' 428, χ' 194.

Изъ обоихъ этихъ глаголовъ какъ бы повелѣваетъ намъ законодатель составлять имя бога, введшаго въ употребленіе рѣчь и выдумавшаго слово. Люди! кто выдумалъ употреб- В. лять рѣчь (τὸ εἶρεῖν), тотъ можетъ справедливо называться у васъ εἰρέμης. А мы теперь, заботясь, думаю, о прикрасахъ, измѣнили это имя въ Эрмія. Да и Ирида названа, видно, отъ εἶρεῖν, потому что она была вѣстницею.

Ерм. Клянусь Зевсомъ,—Кратиль, стало быть, какъ мнѣ кажется, хорошо говорить, что я не Ермогенъ; потому что вовсе не легко измышляю слово.

Сокр. Но вѣдь и Панъ-то, сынъ Эрмія, вѣроятно, имѣетъ двѣ природы ¹, другъ мой. С.

Ерм. Какъ же такъ?

Сокр. Ты знаешь, что это слово означаетъ все (τὸ πᾶν); оно всегда круговращаетъ и перевертываетъ; оно—двойное: истинное и ложное.

Ерм. Конечно.

Сокр. Истинная сторона его легка и божественна, она живетъ вверху между богами; а ложная—внизу, среди народной черни,—она жестка и трагична ² (козлиста). Отсюда-то въ трагичной (козливой) жизни множество басенъ и лжи.

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, все (τὸ πᾶν), показывающее и всегда вращающее (ἀεὶ ποτῶν), правильно называется Паномъ, пастухомъ козъ (αἰπόλος), двухприроднымъ сыномъ Эрмія, который вверху легокъ, а внизу жестокъ и козловиденъ. При-

¹ О Панѣ, сынѣ Ермія, см. Lucian. Dialogg. deog. XXII. Этемъ производствомъ имени Сократъ остроумно и шутивно указываетъ на способъ разсужденій эристиковъ, которые, не заботясь объ истинѣ, все колебали и расшатывали своими хитросплетеніями. Сюда относится διπλὸς λόγος, ἀληθής τε καὶ ψευδής, которое философъ шутивно сравниваетъ съ верхними и нижними частями Пана.

² Трагична или козлиста, τραγικόν. Это—прекрасная амфиболія, которою ловко затрогиваются трагическія басни поэтовъ. Мысли Платона о народной эллинской трагедіи ясно и опредѣленно высказаны въ его книгахъ о Государствѣ.

томъ Панъ есть или слово, или братъ слова, если только онъ—сынъ Эрмія; братъ же если походить на брата,—нѣтъ ничего удивительнаго. Но, какъ я уже говорилъ, отстанемъ отъ боговъ, почтеннѣйшій.

Ерм. Отъ такихъ-то, Сократъ, пожалуй, если хочешь; но о другихъ чтò мѣшаетъ тебѣ разсуждать,—напримѣръ, о солнцѣ, о лунѣ, о звѣздахъ, о землѣ, объ эфирѣ, о воздухахъ, объ огнѣ, о водѣ, о годовыхъ временахъ, о годѣ?

Е.

Сокр. Ты слишкомъ многое приказываешь мнѣ. Впрочемъ, если это будетъ тебѣ пріятно, я готовъ.

Ерм. Сдѣлай одолженіе.

Сокр. О чемъ же сперва хочешь слышать? Или, какъ сказалъ, будемъ разсуждать о солнцѣ?

Ерм. Конечно.

409. *Сокр.* Но рѣчь о солнцѣ, по видимому, сдѣлалась бы болѣе наглядною, если бы говорящій воспользовался дорійскимъ его именемъ; у Дорянъ же оно называется *ἄλιος*. Дорійское *ἄλιος*, примѣнительно къ глаголу *ἀλιζειν*, значить—собираться людямъ въ одно мѣсто, когда солнце восходитъ; могло быть оно названо и потому, что всегда (*ἀεὶ*) въ своемъ ходѣ вращается (*εἰλεῖ*) около земли, или и потому, что своимъ движеніемъ разнообразить (*ποικίλλει*) произведенія земли; а разнообразить и испещрять цвѣтами (*αἰολεῖν*)—одно и то же.

Ерм. Чтò же будетъ луна?

Сокр. Это имя—*σελήνη*,—видимо, дразнить Анаксагора.

Ерм. Отчего такъ?

Сокр. Выходить, что онъ открылъ только старое, сказавъ недавно, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца.

В.

Ерм. Какъ это?

Сокр. Такъ, что τὸ σέλας (блескъ) и τὸ φῶς (свѣтъ)—то же самое.

Ерм. Да.

Сокр. Но этотъ свѣтъ вокругъ луны всегда новъ и дре-

вень, если только анаксагорейцы ¹ говорят правду. Всегда ходя около нея, солнце постоянно обливаетъ ее новымъ свѣтомъ, старый же остается отъ прежняго мѣсяца.

Ерм. Конечно.

Сокр. А Селанею-то (Σελαναία) называютъ ее многіе.

Ерм. Конечно.

Сокр. Поколику же она всегда имѣетъ блескъ (σέλας) новый (νέον) и старый (ένον), то по всей справедливости могла бы быть названа составнымъ именемъ σελαενονεόαεια, которое въ слитномъ видѣ произносится σελαναία. С.

Ерм. Это имя по крайней мѣрѣ диопирамвическое, Сократъ. Но какъ ты говоришь о мѣсяцѣ и звѣздахъ?

Сокр. Мѣсяць (μείς) могъ бы, отъ уменьшаемости (μειοῦσθαι), правильно быть названъ μείης; а звѣзды (ἄστρα) получили имя, по видимому, отъ молніи (ἀστραπή); молнія же (ἀστραπή),—такъ какъ она заставляетъ отвращать глаза (ῶπα),—могла бы быть названа ἀναστροφή; между тѣмъ какъ теперь, для красоты, она называется ἀστραπή.

Ерм. Чтò же огонь и вода?

Сокр. Касательно огня я недоумѣваю: должно быть, либо D. муза Эвтифронова оставила меня, либо это очень трудно. Смотри же, какимъ пользуюсь я средствомъ въ отношеніи ко всему тому, въ чемъ недоумѣваю.

Ерм. Какимъ же?

Сокр. Я открою тебѣ. Отвѣчай-ка мнѣ: можешь ли сказать, какимъ образомъ получилъ имя огонь?

Ерм. Клянусь Зевсомъ, не могу.

Сокр. Наблюдай же, чтò я подозреваю въ отношеніи къ нему. Я замѣчаю, что эллины, и особенно тѣ изъ нихъ,

¹ Анаксагоръ, говорятъ, первый началъ опредѣленно учить, какъ это бываетъ, что свѣтъ луны то получаетъ приращеніе, то уцербляется. Plutarch. Vit. Nic. 23: ὁ γὰρ πρῶτος σαφέστατον τε πάντων καὶ θαρράλεωτατον περὶ σελήνης καταυασῶν καὶ σκιᾶς λόγον εἰς γραφὴν καταθέμενος Ἀναξαγόρας. Origen. Philosoph. 8: οὗτος ἀφώρισε πρῶτος τὰ περὶ τὰς ἐκλείψεις καὶ φωτισμοῦς.

Е. которые живутъ подъ властію варваровъ, многими именами обязаны варварамъ.

Ерм. Такъ что же?

Сокр. Кто изслѣдываетъ это имя по законамъ эллинскаго языка, естественно ли оно придано, а не по законамъ того, отъ котораго оно произошло, тотъ, знай, будетъ недоумѣвать.

Ерм. Естественно.

410. *Сокр.* Смотри же, и это имя,—огонь,—не есть ли что-то варварское; потому что не легко привить его къ языку эллинскому; и вотъ фригійцы, произнося это слово, очевидно уклоняются нѣсколько отъ эллинскаго его произношенія. Таковы же слова: вода, собака и многія другія.

Ерм. Такъ.

Сокр. Стало быть, тутъ не должно быть насилія; потому В. что могутъ вѣдь и вспомнить ихъ. Поэтому огонь и воду я устранию. Но воздухъ, Ермогенъ, не потому ли названъ воздухомъ ($\alpha\eta\rho$), что поднимаетъ ($\alpha\iota\rho\epsilon\iota$) наземное; или—что онъ всегда течетъ ($\rho\epsilon\iota$), или—что отъ его теченія происходитъ вѣтеръ? Потому что вѣтры у поэтовъ называются дуновеніями ($\alpha\eta\tau\alpha\iota$). Можетъ быть, смыслъ его такой, какъ бы кто говорилъ $\tau\upsilon\rho\epsilon\mu\alpha\tau\acute{o}\rho\rho\upsilon\sigma\upsilon$ (потокъ вѣтра), $\alpha\eta\tau\acute{o}\rho\rho\upsilon\sigma\upsilon$ (потокъ дуновеній). А эфиръ я понимаю какъ-то такъ, что онъ всегда бѣжитъ ($\alpha\epsilon\iota\ \theta\epsilon\iota$), обтекая воздухъ ($\alpha\epsilon\rho\alpha$), и потому справедливо могъ бы быть названъ $\alpha\epsilon\iota\theta\epsilon\eta\rho$ (непрестаннымъ обтекателемъ воздуха). Земля же ($\gamma\eta$) скорѣе имѣетъ С. то значеніе, какое соединяють съ нею, называя ее Геею ($\Gamma\alpha\iota\alpha$); потому что Гея правильно называется родительницею, какъ говоритъ Омиръ, у котораго $\gamma\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\alpha\sigma\iota$ значитъ *порождены*.

Ерм. Пускай.

Сокр. Что же было у насъ предположено послѣ этого?

Ерм. Годовыя времена, Сократъ, и самый годъ.

Сокр. Годовыя времена¹ ($\omega\rho\alpha\iota$), если хочешь знать это имя

¹ Годовыя времена, $\omega\rho\alpha\iota$. $\omega\rho\alpha\iota$ должно произносить на древнемъ аттическомъ нарѣчій; стало быть, надобно говорить $\delta\rho\alpha\iota$, потому что ω и τ въ Аѣнахъ въ древности не употреблялись. Но $\delta\rho\alpha\iota$ суть предѣлы зимы, лѣта и проч.

по надлежащему, надобно произносить аттически, какъ произносили его въ древности; ибо годовыя времена (*ὄρα*) названы такъ потому, что ими опредѣляются (*ὀρίζονται*) зимы, лѣта, вѣтры и произрастающіе изъ земли плоды. А какъ опредѣляющія, они справедливо называются *ὄρα*. Слова же *ἐνιαυτός* и *ἔτος* (годъ) должны составлять нѣчто одно. Вѣдь это—всякая вещь, преемственно выводящая на свѣтъ то, что рождается и бываетъ, и выводимое испытывающая (*ἐξετάζον*) въ себѣ (*ἐν ἑαυτῷ*): какъ прежде видѣли мы, что Зевса, раздѣливъ имя его надвое, люди стали называть то Зиномъ (*Ζήνα*), то Діемъ (*Δία*); такъ и теперь—годъ одни называютъ *ἐνιαυτόν*, потому что онъ въ себѣ (*ἐν ἑαυτῷ*), а другіе—*ἔτος*, потому что онъ испытываетъ. Цѣлое же выраженіе, которымъ означаетъ испытующее въ себѣ, показываетъ одно, раздѣленное надвое; **Е.** такъ что въ одномъ словѣ вышли два имени—*ἐνιαυτός* и *ἔτος*.

Ерм. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, ты оказалъ большіе успѣхи.

Сокр. Да, въ мудрости, думаю, я далеко ушелъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Вѣроятно, еще будешь говорить.

Ерм. Да, послѣ этого вида я охотно разсмотрѣлъ бы тѣ ^{411.} прекрасныя ¹ имена,—въ какой степени справедливо они приложены,—имена, относящіяся къ добродѣтели, какъ-то: разумность, смышленность, справедливость и всѣ подобныя этимъ.

Сокр. Ты поднимаешь, другъ, не маловажный родъ именъ: но такъ какъ теперь я одѣтъ въ кожу льва ², то не надобно робѣть; надобно, какъ видно, разсматривать и разум-

¹ Прекрасныя имена, τὰ καλὰ ὀνόματα, то есть слова, которыми означаются прекрасныя вещи (De Rep. 1, p. 344 В. Hipp. m. p. 288 D).

² Здѣсь указывается на басню Эзопа, въ которой разсказывается, что оселъ, одѣвшись въ кожу льва, хотѣлъ, чтобы его почитали львомъ, и потому издавалъ дикія и страшныя рычанія. Но наконецъ кто-то, видѣвшій и осла и льва, открылъ обманъ и глупое животное прогналъ палкою (Aesopi Fabul. 113).

ность, и смышленность, и думу, и знаніе, и прочія, всѣ тѣ, о которыхъ говоришь, прекрасныя имена.

В. *Ерм.* Конечно, не слѣдуетъ намъ отказываться.

Сокр. Однакожъ, клянусь собакою, мнѣ кажется, я не худо догадываюсь-то, какъ и сейчасъ думалъ, что самые древніе люди, занимавшіеся приложеніемъ именъ, какъ и теперь многіе изъ софистовъ, отъ частаго верченья, при поискахъ того, въ чемъ состоитъ существо дѣла, страдаютъ круженіемъ головы, и оттого имъ представляется, будто кружатся и всячески вращаются самыя вещи; причину, то есть, этого своего мнѣнія видятъ они не въ себѣ, не въ собственномъ своемъ состояніи, но таковы, говорятъ, самыя вещи, что ничто между нами не стоитъ, не бываетъ твердо, а все течетъ, несется и всегда бременѣетъ всякимъ движеніемъ и рожденіемъ. Такъ я говорю, имѣя въ виду всѣ упомянутыя теперь имена.

Ерм. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Можетъ быть, ты не понялъ сейчасъ сказаннаго, что имена прилагаются все какъ будто къ вещамъ несущимся, текущимъ и происходящимъ.

Ерм. Не очень вдумался.

Д. *Сокр.* Однакожъ первое это, что какъ первое высказано нами, непременно таково?

Ерм. Что такое?

Сокр. Разумность ($\varphi\rho\acute{o}\nu\eta\sigma\iota\varsigma$): вѣдь это есть мысль ($\nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma$) о движеніи ($\varphi\omicron\rho\acute{\alpha}\varsigma$) и теченіи ($\rho\omicron\upsilon$); а можно понимать и выгоду движенія ($\varphi\omicron\rho\acute{\alpha}\varsigma$ $\delta\upsilon\eta\sigma\iota\nu$); по крайней мѣрѣ здѣсь говорится о движеніи. Потомъ, дума ($\gamma\upsilon\acute{\omega}\mu\eta$), если угодно, всячески указываетъ на разсматриваніе и колебаніе ($\gamma\upsilon\acute{\omega}\mu\eta\sigma\iota\nu$) порожденія ($\gamma\omicron\upsilon\eta\varsigma$); ибо колебать ($\nu\omicron\mu\acute{\alpha}\nu$) и разсматривать—одно и то же. Далѣе, если хочешь, самая мысль ($\nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma$) есть желаніе новаго ($\nu\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\iota\sigma\iota\varsigma$), а новымъ означается то, что всегда происходитъ. Это-то расположеніе души хотѣлъ выразить Е. положившій имя $\nu\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\iota\sigma\iota\varsigma$; потому что въ древности говорили не $\nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma$, но вмѣсто η надлежало читать двойное ϵ ,— $\nu\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\iota\sigma\iota\varsigma$.

А разсудительность ¹ (σωφροσύνη), которую мы сейчас только разсматривали, есть сохранение разумности (σωτηρία φρονήσεως). Даже и знание-то ² (ἐπιστήμη) показываетъ какъ бы послѣд- 412. вание (ἐπομένης) замѣчательной души за ходомъ дѣлъ, причемъ она и не отстаётъ, и не забѣгаетъ впередъ. Поэтому въ слово ἐπιστήμη надобно внести ι и читать ἐπιστημη. И смысленность (σύνεσις) опять можетъ казаться чѣмъ-то такимъ, какъ соображеніе; когда говорятъ: ξυιέναι (ξὺν λέναι), тогда это говоримое совершенно соотвѣтствуетъ τῷ ἐπίστασθαι (знанію), ибо шествіе вмѣстѣ означаетъ душу, идущую рядомъ съ вещами. Такъ и мудрость (σοφία) значить — касаться В. движенія. Это, конечно, довольно темно и странно: но мы должны припомнить по мѣстамъ слова поэтовъ, которые, когда говорятъ о чемъ нибудь такомъ, что начинается идти быстро, употребляютъ слово ἐσῶθη (шелъ торопливо). А у одного изъ благородныхъ лаконцевъ было и имя Σοῦς, которымъ лакедемоняне называютъ быстрое стремленіе. Осязаніемъ (ἐπαφή) этого-то движенія, когда движутся вещи, означается ἡ σοφία. Что же касается слова τὸ ἀγαστόν (добро), то это имя естественно прилагается къ тому, что по всей своей природѣ ἀγαστόν (достойно удивленія); ибо такъ какъ С. вещи идутъ, то есть въ нихъ скорость, есть и медленность. Но таково не все, а нѣчто, достойное удивленія (ἀγαστόν),

¹ Штальбомъ удивляется, что Аристотель (Ethic. VI, 5) подтверждаетъ изложенную Сократомъ этимологию слова σωφροσύνη, ибо стагирскій философъ говоритъ такъ: ἔνθεν καὶ τὴν σωφροσύνην τοῦτω προσαγορεύομεν τῷ ὀνόματι, ὡς σῶζουσιν τὴν φρόνησιν. То же высказываетъ и Etymologia Magna (p. 744, 33): σωφροσύνη παρὰ τὸ σῶζειν τὸ φρονεῖν, ἢ παρὰ τὸ σῶμα φρουρεῖν ἀπὸ ρύπου, ἢ διὰ τὰ σῶα φρονεῖν. По нашему мнѣнію, это не только не удивительно, а напротивъ, весьма справедливо; потому что σωφροσύνη, по самой точной этимологіи, значить—здравомыслие. Вотъ почему, желая взять нѣсколько шире это слово, мы, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ, постоянно переводили σωφροσύνη словомъ разсудительность, соотвѣтствующимъ нѣмецкому Besonnenheit.

² Эта этимологія явно направлена къ опроверженію понятій гераклитовскихъ и протагоровскихъ. Такъ какъ философы сихъ школъ полагали, что все непрестанно движется, то необходимо должны были согласиться, что и умъ, если надобно ему что нибудь познать, принужденъ слѣдовать своимъ движеніемъ за идущею впередъ природою вещей.

быстрое (θόρον). Этому-то достойному удивленія (ἀγαστῶ) дано названіе—добро (ἀγαθόν). Справедливость, такъ какъ это имя прилагается къ разумѣнію праваго, легко понять, а самое правое—трудно: да и видно, что до нѣкоторой степени большинство соглашается въ этомъ, а потомъ начи-

D. наетъ разногласить. Вѣдь держащіеся той мысли, что все—въ ходу, представляютъ въ мірѣ, конечно, много такого, что есть не болѣе, какъ преходящее; однакожь во всемъ этомъ допускаютъ и нѣчто, чѣмъ проникается цѣлое, и что производить все бывающее. Это нѣчто есть быстрѣйшее и тончайшее, потому что не иначе можно проникать все преходящее, какъ будучи самымъ тонкимъ, чтобы ничѣмъ не задерживаться, и самымъ быстрымъ, чтобы пользоваться всѣмъ другимъ, какъ бы оно стояло. Но такъ какъ проникающее (διαίον) управляетъ

E. всѣмъ прочимъ, то это имя правильно дано справедливому (δίκαιον), принявъ для благозвучія звукъ κ.—И вотъ доселѣ,

413. какъ мы теперь говорили, большинство соглашается, что это есть справедливое. Но я, Ермогенъ, человекъ въ этомъ отношеніи докучливый, разузналъ все здѣсь тайно, будто справедливое (δίκαιον) тожественно съ причиною (αἴτιον),—ибо то, чрезъ что (δι' ὃ) нѣчто бываетъ, есть причина,—и иные собственно ради причины почитали это названіе правильнымъ. А когда, выслушавъ такое мнѣніе, я тѣмъ не менѣе снова потихоньку спрашиваю: что же такое будетъ справедливое, почтеннѣйшій, если это такъ?—тогда мой вопросъ, кажется, заходитъ уже далѣе надлежащаго, переска-

V. киваетъ ¹ чрезъ предметъ изслѣдуемый. Довольно, говорятъ, знать мнѣ и слышать; думая же удовлетворить меня, начинаютъ утверждать—одинъ то, другой—другое, и тутъ болѣе не сходятся между собою. Иной, на примѣръ, полагаетъ:

¹ О пословицѣ: ὁπὲρ τὰ σάμματα, или τὰ ἐσκαμμένα ἀλλεῖσαι, перескакивать чрезъ предметъ изслѣдуемый, говорятъ: Zenobius, Cent. VI, Prov. 23; Eustathius ad Hom. Odys. p. 302, 2. Употребленіе ся, по замѣчанію Leonard. (Emendatt. 1, c. 22), особенно нравилось церковнымъ писателямъ.

справедливое (*δίκαιον*) вотъ что,—солнце; потому что оно одно, все проникая (*διαίοντα*) и разгорячая (*καίνοντα*), управляетъ сущимъ. А какъ скоро, выслушавъ это, будто что-то прекрасное, я начинаю съ удовольствіемъ пересказывать кому нибудь то же самое,—этотъ слушатель смѣется надо мною и спрашиваетъ: неужели, думаешь, у людей не бываетъ ничего справедливаго, когда солнце зашло? Потомъ, склоняясь на мои догуки, онъ съ своей стороны заявляетъ, что справедливое есть самый огонь. Но въ этомъ не легко удосто- с. вѣриться. Другой разумѣетъ здѣсь не самый огонь, а скрывающуюся въ огнѣ теплоту. Третій смѣется надъ всѣми подобными мнѣніями и говоритъ: справедливое есть то, чѣмъ признаетъ его Анаксагоръ,—это умъ; потому что умъ, по мнѣнію Анаксагора, самодержавно и ни съ чѣмъ не смѣшиваясь, проходитъ всюду и устрояетъ всѣ вещи ¹. Такъ здѣсь, другъ мой, я прихожу гораздо въ большее недоумѣніе, чѣмъ въ какомъ находился, когда только что началъ изучать справедливое, что такое оно. Впрочемъ имя-то, ради котораго D. было у насъ изслѣдованіе, приложено къ справедливому, явно, поэтому.

Ерм. Мнѣ представляется, Сократъ, что ты слышалъ это отъ кого нибудь, а не самъ сочинилъ.

Сокр. А касательно другихъ-то именъ?

Ерм. Тѣ не такъ.

Сокр. Слушай же. Можетъ быть, я и въ остальномъ обману тебя, будто говорю, не слушавъ никого. Что еще остается у насъ послѣ справедливости? Думаю, мы не рассматривали еще мужества. Несправедливость-то (*ἀδίκη*) вѣдь, въ су-

¹ Тò *δίκαιον* опять принимается за одно и то же съ τὸ *αἴτιον*. Изъ этого видно, почему здѣсь могло быть упомянуто положеніе Анаксагора, о которомъ см. Phaedon. p. 98 В. Анаксагоръ понималъ умъ, какъ *αὐτοκράτορα*, не подчиненнаго никакой чуждой власти, или, какъ говорить *Aristot.* (*De anima*, I, 2, 22, III, 4, 3, 5), *ἀταδίῃ* (см. *Trendelenb. ad Arist. de anima* p. 467). Сюда же относится его выраженіе: *σὺ δὲ μὴ μεμιγμένον*, или *ἀμιγῆ*; ибо, смѣшавшись съ чужими частями, *ὁ νοῦς* не имѣлъ бы возможности упорядочивать и устроять природу вещей.

Е. ществѣ дѣла, очевидно, есть только помѣха тому, что про-
никаетъ (*διαϊόντος*), а мужество (*ἀνδρεία*) значить, что это имя
получило свое начало отъ борьбы; борьба же, когда
что течетъ (*ρεῖ*), существенно условливается не инымъ чѣмъ,
какъ противнымъ теченіемъ (*ἐναντίαν ῥοήν*). Поэтому если
изъ имени *ἀνδρεία* мы выкинемъ *δ*, то самое дѣло укажетъ
на имя *ἀνρεία*. Но явно, что не всякому теченію противное
414. теченіе есть *ἀνδρεία*, а только тому, которое направляется
противъ справедливаго; ибо иначе мужество не было бы
похваляемо. И мужескій полъ (*ἄρρεν*) и мужчина (*ἀντήρ*) близко
подходятъ къ сказанному значенію, то есть, къ теченію вверхъ
(*ἀνω ῥοή*). Напротивъ, женщина (*γυνή*), по моему представленію,
значить порожденіе (*γυνή*). Женскій же полъ (*θήλυ*) названъ, ка-
жется, отъ сосца (*θηλής*); а сосецъ-то (*θηλή*), Ермогенъ, не отъ
того ли, что орошаемое имъ онъ заставляетъ цвѣсти (*θηλεῖν*)?

Ерм. Видно, такъ, Сократъ.

Сокр. Даже самое слово ботѣть (*θάλλειν*), по моему мнѣ-
нію, выражаетъ возрастаніе юношей, такъ какъ возрастаніе
ихъ совершается скоро и вдругъ. Поддѣлывая это слово,
В. наименователь сложилъ его изъ глаголовъ *θειν* (бѣжать) и
ἄλλεσθαι (скакать). Но ты не замѣчаешь, что я несусь какъ
бы внѣ поприща, хватаясь за легкое: тогда какъ у насъ
остается еще много такого, что кажется серьезнымъ.

Ерм. Ты говоришь правду.

Сокр. И между серьезными-то вещами надобно взглянуть
на искусство, что значить оно.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но искусство-то (*τέχνη*) не означаетъ ли обладанія
С. умомъ (*ἐξεν νοῦ*), если отнимешь букву *τ*, а между *χ*, *ν* и *η*
внесешь *ο*.

Ерм. Это-то очень натянуто, Сократъ.

Сокр. Ты не знаешь, почтеннѣйшій, что первыя уста-
новленныя имена уже завалены тѣми, которые хотѣли при-
дать имъ трагическій характеръ, чрезъ прибавку и убавку
буквъ ради благозвучія и чрезъ различное перевертываніе

ихъ, въ видахъ украшенія и по вкусу времени. Вотъ и въ словѣ *χάτοπτρον* (зеркало) не кажется ли тебѣ странною вставка буквы ρ? Вѣдь это дѣлають, думаю, тѣ, которые нисколько не заботятся объ истинѣ, а только фигурничаютъ D. устами; такъ что, внесши многое въ первыя имена, они наконецъ производятъ то, что ни одинъ человекъ не понимаетъ, чтò значить извѣстное имя; напримѣръ, и сфинкса (*σφίγγα*), вмѣсто финкса (*φίγγος*), называютъ сфинксомъ, и многое другое.

Ерм. Это такъ, Сократъ.

Сокр. Съ другой стороны, кто позволитъ себѣ вносить въ имена и отнимать отъ нихъ, что заблагоразсудить, тотъ будетъ имѣть большое удобство прилаживать всякое имя ко всякой вещи.

Ерм. Ты правду говоришь.

Сокр. Конечно, правду. Поэтому тебѣ, мудрому вождю рѣчи, надобно, да и естественно, думаю, соблюдать мѣру.

Ерм. Желалъ бы.

Сокр. И я вмѣстѣ съ тобою желаю, Ермогенъ; только не слишкомъ гоняйся за точностію, любезнѣйшій, чтобы не надорвать моихъ силъ ¹. Вѣдь я приступаю къ главнѣйшему въ томъ, о чемъ говорилъ; такъ какъ послѣ имени *τέχνη* мы будемъ разсматривать слово *μηχανή*. *Μηχανή* (машина), мнѣ кажется, есть знакъ длиннаго пути къ совершенству (*ἀνεῖν*); потому что *μήχος* (долгота) означаетъ длинный путь. Такъ изъ обоихъ этихъ словъ—*μήχος* и *ἀνεῖν*,—сложено имя *μηχανή*. Но, какъ я и сейчасъ сказалъ, намъ надобно идти къ главнѣйшему въ томъ, о чемъ было говорено: теперь должно изслѣдовать, чтò значать имена: добродѣтель (*ἀρετή*) и порокъ (*καχία*). Одною изъ нихъ я еще не B. достигаю своимъ взглядомъ, а другое кажется мнѣ очевид-

¹ Чтобы не надорвать моихъ силъ, *μη μ' ἀπογνώσῃς μένος*,—слова Гектора, *Hom. Iliad. VI, 265: μη μ' ἀπογνώσῃς μένος δ' ἀλκῆς τε λάθωμαι*. Это—тонкая насмѣшка Сократа надъ строгостію и серьезностію Ермогена въ производствѣ именъ.

нымъ, потому что согласно со всёмъ прежнимъ. При всеобщемъ движеніи вещей, все идущее дурно (*κακῶς*) есть порокъ (*καχία*); а когда это совершается въ душѣ,—что она дурно направляется путемъ дѣла,—тогда оно, отъ имени цѣлаго, называется порокомъ по преимуществу. А что значить идти дурно, мнѣ кажется явно и изъ слова *δειλία* (робость), которое мы прошли не разсмотрѣвши, тогда какъ слѣдовало разсмотрѣть его вмѣстѣ съ *ἀνδρεία* (мужествомъ); должно быть, пропущено у насъ и многое другое. Слово *δειλία* (робость души) означаетъ крѣпкія узы; ибо *λίαν* (слишкомъ) есть нѣкоторая сила: поэтому *δειλία* должно выражать сильныя и величайшія узы души; равно какъ и словомъ *ἀπορία* (недоумѣніе) и всякимъ другимъ, которымъ, какъ видно, указывается на препятствіе въ хожденіи и движеніи, выражается зло. Такъ вотъ что, по видимому, значить дурно идти: значить задерживаться и встрѣчать препятствія въ хожденіи; и когда это бываетъ въ душѣ, тогда она становится полна порока. Если же въ этомъ имя D. «порокъ», то имя «добродѣтель» (*ἀρετή*) будетъ противно сему, означая сперва удобное хожденіе, а потомъ—разрѣшенное теченіе доброй души; такъ что это имя досталось, какъ видно, тому, что всегда течетъ (*ἀεὶ ῥέου*) неудержимо и безпрепятственно. Посему добродѣтель правильно было бы называть *ἀειρείτη* (всегда текущею). Впрочемъ, можетъ быть, разумѣютъ подъ нею и *ἀρετήν* (избранную), такъ какъ она есть состояніе самое избранное. Сокращенно же назвали ее *ἀρετή*. Теперь, можетъ быть, не станешь говорить, что я E. выдумываю. Полагаю, что если правильно сказанное мною передъ симъ, что такое порокъ, то правильно и это имя—добродѣтель.

Ерм. Но что будетъ значить имя *κακόν* (зло), о которомъ 416. прежде ты много говорилъ?

Сокр. Станнымъ, клянусь Зевсомъ, кажется мнѣ это имя, и труднымъ для объясненія. Такъ и къ нему я прилаживаю ту машину.

Ерм. Какую это?

Сокр. Ту, которую называли мы чѣмъ-то варварскимъ.

Ерм. Походить-таки, что говоришь правду. Впрочемъ, если хочешь, оставимъ это и постараемся разсмотрѣть прекрасное и постыдное, что въ нихъ скрывается основательнаго.

Сокр. Смысль слова αἰσχρόν (постыдное) представляется мнѣ даже явнымъ; ибо онъ согласенъ съ прежними изслѣдованіями. Мнѣ думается, что налагатель именъ всегда укоряетъ вещи, препятствующія теченію и задерживающія его; а потому и здѣсь всегда задерживающему теченію (ἀεὶ ἰσχυοῦσι τὸν ῥοῦν) далъ это имя ἀεἰσχροῦν, сокращенно произносимое теперь αἰσχρόν.

Ерм. Что же будетъ прекрасное?

Сокр. Это труднѣе понять, хотя смыслъ-то его зависитъ только отъ гармоніи и долготы слога οῦ.

Ерм. Какъ это?

Сокр. Это имя, по видимому, есть наименованіе разсудка.

Ерм. Какъ ты говоришь? С.

Сокр. Ну да по какой причинѣ, думаешь, названа каждая вещь? Не эта ли причина дала имена?

Ерм. Непремѣнно.

Сокр. И не въ разсудкѣ ли она или боговъ, или людей, или тѣхъ и другихъ?

Ерм. Да.

Сокр. Но τὸ καλέσαι (назвавшее) вещи и τὸ καλόν (прекрасное) не то же ли самое,—не разсудокъ ли это?

Ерм. Видимо.

Сокр. А все, что производится умомъ и разсудкомъ, не есть ли произведеніе похвальное? Напротивъ, что не ими,—достойно порицанія? D.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но врачевнымъ производится врачевное, плотническимъ—плотническое? Или какъ ты скажешь?

Ерм. Скажу такъ.

Сокр. Стало быть, прекраснымъ—прекрасное?

Ерм. По крайней мѣрѣ, надобно полагать.

Сокр. А это-то—не рассудокъ ли, какъ мы говоримъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, это наименованіе, τὸ καλόν (прекрасное), правильно прилагается къ разумности, когда она совершаетъ такія вещи, которыя мы съ удовольствіемъ называемъ прекрасными.

Ерм. Видимо.

Е. *Сокр.* Что же еще остается у насъ изъ этого?

Ерм. Остаются слова, относящіяся къ доброму и прекрасному: пригодное, выгодное, полезное, прибыльное и против-
417. ное всему этому.

Сокр. Εὐφέρων (пригодное), вѣроятно, найдешь и ты, если будешь соображать прежнее, ибо оно родственно съ знаніемъ: оно выражаетъ не иное что, какъ движеніе (φωρὰν) души вмѣстѣ съ вещами; поэтому происходящія отсюда дѣла, отъ совмѣстнаго движенія (εὐμπεριφέρεσθαι) названы пригодными (εὐφέρονα), или вмѣстѣ движущимися (σὺμφορα).

Ерм. Походитъ.

Сокр. А κερδάλεον (прибыльное) происходитъ отъ κέρδος
В. (прибыль). Κέρδος же обнаружить свое значеніе, если вмѣсто δ поставить въ немъ γ; потому что имъ иначе только именуется доброе. Проходя во все, оно смѣшивается (κεράνυται), и налагатель именъ, чтобы означить эту его силу, далъ ему такое и имя; а потомъ, вмѣсто γ, поставили δ и стали произносить κέρδος.

Ерм. Λοσιτελοῦν же (выгодное) что такое?

Сокр. По видимому, употреблять это слово, Ермогенъ, надобно не такъ, какъ употребляютъ его торговцы, разумѣя подъ нимъ вознагражденіе расхода; не этотъ, мнѣ кажется, смыслъ заключаетъ въ себѣ λοσιτελοῦν (выгодное), а тотъ,
С. что оно, будучи быстрѣе всего, не позволяетъ останавливаться дѣламъ и, когда движеніе пришло къ концу, не даетъ ему застаиваться и прекращаться, но всегда разрѣшаетъ остановку (λύει τέλος), если бы она хотѣла существоваться, и дѣ-

ласть движениѣ непрерывнымъ и безсмертнымъ. Поэтому-то, мнѣ кажется, добро почтили словомъ выгоды (λυσιτελοῦν), ибо выгоднымъ (λυσιτελοῦν) назвали движениѣ, разрѣшающее конецъ (λόγον τὸ τέλος). Ὠφέλιμον же (полезное)—слово иностранное, которымъ часто пользуется и Омиръ въ формѣ ὠφέλειν: это—названіе увеличенія и возрастанія.

Ерм. Но что будутъ у насъ имена, этимъ противныя? Д.

Сокр. Тѣ, которыми выражается отрицаніе ихъ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, не должны быть изслѣдывасмы.

Ерм. Какія это?

Сокр. Ἀεὶμόφορον (непригодное), ἀνωφελές (безполезное), ἀλυσιτελές (невыгодное), ἀκερδέс (неприбыльное).

Ерм. Правду говоришь.

Сокр. А βλαβερόν (гибельное) и ζημιώδες (вредное) достойны изслѣдованія.

Ерм. Да.

Сокр. И βλαβερόν-то (гибельное) есть вредящее теченію (βλάπτων τὸν ροῦν); а вредящее (βλάπτων) опять есть желающее связать (ἄπτειν); связывающее же и вяжущее (ἄπτειν καὶ δεῖν)—одно и то же: это имена порицанія. И такъ, что желаетъ связать теченіе (τὸ βουλόμενον ἄπτειν ροῦν), то правильно могло бы быть названо βουλαπτεροῦν, а для красоты, какъ мнѣ представляется, стали называть это βλαβερόν.

Ерм. Пестры выходятъ у тебя имена-то, Сократъ; ты какъ будто насвистываешь теперь прелюдію посвященной Аѳинѣ 418. пѣсни ¹, когда произносишь это имя—βουλαπτεροῦν.

Сокр. Не моя вина, Ермогенъ; виноваты полагаатели именъ.

Ерм. Правда. Но ζημιώδες (вредное) что же будетъ?

¹ Пѣсня, νόμος, или напѣвъ пѣсни, посвященной Минервѣ, весьма разнообразился. См. Pollux IV, 77; сн. IV, 66. Hesych. in v. Ἀθηνᾶ. И такъ, Ермогенъ въ шутку говоритъ Сократу, что онъ какъ бы пропѣлъ прелюдію къ пѣснѣ, посвященной Минервѣ, когда ими βουλαπτεροῦс представилъ въ такихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Если, то есть, самая тема пѣсни принимаетъ большое разнообразіе, то и прелюдія къ ней не можетъ быть проста и равна, потому что иначе не соответствовала бы разнообразію ея модуляцій.

Сокр. Что будетъ ζημιῶδες? Смотри, Ермогенъ, какъ я справедливо говорю, полагая, что чрезъ прибавку и отнятіе буквъ сильно переиначивается смыслъ именъ; такъ что иногда хоть чуть-чуть переверни имя,—тотчасъ выйдетъ противное значеніе. Таково, на примѣръ, и слово δέου (вяжущее): я привелъ его на мысль и вспомнилъ сейчасъ, по поводу того, о чемъ хотѣлъ тебѣ говорить,—что новый нашъ языкъ, такой прекрасный, скрывая свой смыслъ, такъ перевернулъ слова τὸ δέου и τὸ ζημιῶδες, что они показываютъ противное, тогда какъ древній тѣмъ и другимъ словомъ выражаетъ именно то, что они значать.

Ерм. Какъ ты говоришь?

Сокр. Я скажу тебѣ. Ты знаешь, что древніе наши все-ма часто употребляли ι и δ; не менѣе употребляютъ эти буквы и женщины, которыя особенно сохраняютъ древній языкъ. А теперь вмѣсто ι ввертываютъ въ слова или ει или η, вмѣсто же δ—ζ, такъ какъ эти буквы великолѣпнѣе.

Ерм. Какъ же это?

Сокр. На примѣръ, ἡμέραν (день) древнѣйшіе называли ἰμέραν, другіе—ἐμέραν, а нынѣшніе называютъ ἡμέραν.

Ерм. Такъ.

Сокр. А знаешь ли, что только этимъ древнимъ именемъ выражается мысль налагателя именъ? Вѣдь онъ назвалъ день ἰμέραν потому, что примѣнялся къ радующимся людямъ, которые желаютъ (ἰμείρουσιν) изъ тьмы перейти въ свѣтъ.

Ерм. Видимо.

Сокр. А теперь-то подняли это слово на ходули, такъ что и не поймешь, какой смыслъ имѣетъ ἡμέρα, хотя нѣкоторые думаютъ, будто день (ἡμέρα) дѣлаетъ людей кроткими (ἡμέρα), и потому такъ названъ.

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. И ζυῶν-то (ярмо), знаешь, древніе называли δουῶν.

Ерм. Конечно.

Сокр. И ζυῶν-то ничего не выражаетъ, между тѣмъ какъ двумъ (δουεῖν), связаннымъ для везенія (ἐς τὴν ἀγωγὴν), спра-

ведливо дано имя $\delta\sigma\upsilon\gamma\acute{o}\nu$. А теперь $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\nu$. Множество и дру- Е. гихъ именъ этого рода.

Ерм. Видимо.

Сокр. Такъ вотъ такимъ же образомъ, во первыхъ, такъ называемымъ $\delta\acute{\epsilon}\omicron\upsilon$ (вяжущее) означается противное всѣмъ именамъ, относящимся къ добру; потому что, по идеѣ добра, $\delta\acute{\epsilon}\omicron\upsilon$ есть $\delta\epsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ (узы) и препятствіе въ движеніи, сродное вредному.

Ерм. И очень такъ представляется, Сократъ.

Сокр. Но не то выйдетъ, если мы воспользуемся именемъ древнимъ, которое положено, вѣроятно, гораздо правильнѣе, чѣмъ нынѣшнее, и которое будетъ согласно съ прежними 419. именами добра, если, вмѣсто ϵ , мы внесемъ въ него ι , какъ произносили древніе; ибо не $\delta\acute{\epsilon}\omicron\upsilon$ значить оно, а $\delta\iota\omicron\upsilon$ —проницающее добро, и его-то налагатель именъ дѣйствительно хвалить. Да такимъ образомъ не будетъ онъ противорѣчить и самому себѣ, но тѣмъ же самымъ съ словомъ $\delta\acute{\epsilon}\omicron\upsilon$ будетъ представляться ему и полезное, и выгодное, и прибыльное, и доброе, и пригодное, и благоуспѣшное;—это слово выразится только различными именами и, проходя своимъ благоустроениемъ всюду, будетъ представлять достойное похвалы, тогда какъ задерживая и связывая, оно вызываетъ порицаніе. Даже и $\zeta\eta\mu\acute{\omega}\delta\epsilon\varsigma$ (вредное), если, по требованію древ- В. няго языка, вставить въ это имя дельту вмѣсто зиты, перемѣнившись въ $\delta\eta\mu\acute{\omega}\delta\epsilon\varsigma$, представится тебѣ именемъ, вяжущимъ идущее.

Ерм. Но что будутъ значить, Сократъ, слова: $\eta\delta\omicron\upsilon\eta$ (удовольствіе), $\lambda\upsilon\pi\eta$ (скорбь), $\acute{\epsilon}\pi\iota\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha$ (пожеланіе) и подобныя этимъ?

Сокр. Это, какъ мнѣ кажется, Ермогенъ, не очень трудныя. Вѣдь $\eta\delta\omicron\upsilon\eta$ (удовольствіе) получило это имя, какъ дѣйствіе, стремящееся, по видимому, къ полезному ($\delta\upsilon\eta\sigma\iota\nu$); а дельта вставлена въ него съ тою цѣлію, чтобы оно, вмѣсто $\eta\omicron\upsilon\eta\varsigma$, произносилось $\eta\delta\omicron\upsilon\eta$. А $\lambda\upsilon\pi\eta$ (скорбь) названо такъ, кажется, отъ разложенія ($\delta\iota\alpha\lambda\upsilon\sigma\epsilon\omega\varsigma$), которому въ этомъ со- с.

- стояніи подвергается тѣло. И *ἀνία* (печаль) тоже есть препятствіе къ шествию (*ἰέναι*). А *ἀλγηδών* (мученіе) представляется мнѣ словомъ иностраннымъ, происшедшимъ отъ *ἀλγεινόν* (мучительное). Потомъ, *ὀδύνη* (грусть) получило это имя, по видимому, отъ вхожденія (*ἐνδύσεως*) скорби. А *ἀχθηδών* (тоска), какъ явно для всякаго, есть имя, уподобляющееся тяжести движенія. Теперь *χαρά*¹ (веселье) обязано своимъ именемъ, по видимому, разливу (*διαχύσει*) и свободѣ теченія (*ῥοῆς*) души. *Τέρψις* (увеселеніе) произведено отъ *τερπνόν* (увеселительное);
- D. а *τερπνόν* (увеселительное) названо по подобію пресмыкающагося (*ἔρψεως*) въ душѣ дыханія (*πνοῆ*): по правдѣ произносили его *ἔρπνου*, но съ теченіемъ времени оно перешло въ *τέρπνου*. Что же касается до *εὐφροσύνη* (радость), то нѣтъ нужды говорить, почему она такъ названа; ибо для всякаго явно, что она получила это имя, *εὐφροσύνη*, отъ хорошаго (*εὐ*) сдруженія (*ξυμφέρεσθαι*) съ дѣлами, и это-то справедливо; не смотря однакожь на это, мы называемъ ее *εὐφροσύνη*. Не трудно и слово *ἐπιθυμία* (пожеланіе); ибо явно, что это имя получило свое начало отъ силы, идущей къ сердцу (*ἐπὶ τὸν θυμόν*); а
- Е. *θυμός* (сердце) ведетъ свое названіе отъ пыла (*θύσεως*) и горячности души. Но *ἔμερος*-то (приманка любви) придано особенно влекущему душу потоку (*ῥῶ*); ибо такъ какъ оно сильно течетъ (*ἰέμενος ῥεῖ*), жажда дѣлъ, и такимъ образомъ желаніемъ
420. течь могущественно привлекаетъ душу, то отъ этой всей силы и называется *ἔμερος*. "ἔμερος называется также и *πόθος*, означая этимъ стремленіе не къ настоящему, а къ находящемуся гдѣ-то и отсутствующему, отчего и наименовано *πόθος*. *Πόθος*, когда предметъ желанія былъ присущъ, называлось *ἔμερος*; а то же самое *ἔμερος*, когда предметъ въ
- В. отсутствіи, называется *πόθος*. "Ἔρως же (любовь), такъ какъ онъ втекаетъ (*ἔσρεῖ*) извнѣ, входитъ черезъ глаза, а не состав-

¹ Имя *χαράς* приложено къ разливу души, вѣроятно оттого, что, по взгляду древнихъ, душа отъ радости расширяется, а отъ печали сжимается; эту самую мысль Платонъ высказалъ также въ *Филебѣ* (р. 31 А) и *Симпосіонѣ* (р. 206 D).

ляетъ домашняго потока въ томъ, кто его имѣеть, по этой причинѣ, отъ втеченія (ἐςρεῖν), въ древности назывался ἐσρος; ибо тогда вмѣсто ω мы употребляли ¹ ο, а теперь, ο замѣнивъ ω, стали называть его ἔρωσ. Не укажешь ли еще чего нибудь, что должны мы рассмотретьъ?

Ерм. Какъ представляется тебѣ δόξα (мнѣніе) и подобное этому?

Сокр. Δόξα наименована или по преслѣдованію (διώξει),—когда душа идетъ преслѣдовать знаніе, каковы вещи, или по полету стрѣлы (τόξου); къ послѣдному подходитъ ближе: потому что съ этимъ согласуется мнимость (οἴσις). Полетомъ стрѣлы указывается, по видимому, на стремленіе души къ вещи, ка- С. кова каждая изъ нихъ, равно какъ и воля (βουλή) имѣеть значеніе въ отношеніи къ полету стрѣлы (βολή); имѣть же волю (βούλεσθαι) значитъ желать, а желать значитъ совѣтоваться (βουλεύεσθαι). Все это, взятое вмѣстѣ, изображается подобіемъ летящей стрѣлы; равно какъ и противное—ἀβουλία (необдуманность) есть, кажется, неудача, когда кто не добросиль (οὐ βάλοντος) и не попалъ въ то, во что бросалъ, чего хотѣлъ, къ чему стремился и о чемъ совѣтовался.

Ерм. Твой разборъ, Сократъ, кажется, пошелъ уже гуще. D.

Сокр. Потому что хочу кончить. Думаю только разобрать ἀνάγκη (необходимость), которая въ связи съ прежнимъ, и слово ἐκούσιον (добровольное). Ἐκούσιον есть уступающее, не противоборствующее, однакожъ, какъ говорю, уступающее тому, что идетъ (εἶχον τῷ ἰόντι): этимъ именемъ выражается уступка по желанію. А ἀναγκαῖον (необходимое) и ἀντίτυπον (противоборствующее), какъ происходящее противъ воли,

¹ Евстаθій (ad *Pliad.* p. 1001 s. p. 246 T. III, ed. Lips.) говоритъ: "Ὅτι δὲ τὸ ο στοιχεῖον οὐ ἐγράφετο, κατὰ καὶ τὸ ε εἰ, δηλοῦσιν οἱ παλαιοί. Καὶ ἡ ἀντία, ἵνα στοιχειακῶς περισπῶνται καὶ αὐτὰ ὡς μακρὰ βραχέα γὰρ ὄντα οὐκ εἶχον περιπαῖσθαι. Изъ этого мѣста и p. 426 ученые заключаютъ, что Кратиль написанъ послѣ ХСIV 2 олимп., такъ какъ въ этомъ году, подъ магистратурою Эвклида, іонійскія гласныя Η и Ω оффициально приняты были въ алфавитъ. См. Muret. Varr. Lectt. XVІІІ, с. 1. Wesseling. ad Petit. legg. Attic. p. 194 et al.

Е. есть то, что относится къ погрѣшности и невѣжеству; это слово принаровлено къ шествию по ущельямъ (*κατὰ τὰ ἄγχη*), гдѣ препятствія, скалы и поросты задерживаютъ движеніе. Оттого-то, можетъ быть, и вышло *ἀναγχαῖον*, что движеніе уподоблено шествию по ущельямъ (*διὰ τοῦ ἄγχους*). Но пока будетъ у насъ сила, не оставимъ ее праздною; не оставляй и ты, а спрашивай.

Ерм. Спрашиваю о важнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ,—
421. объ истинѣ и лжи, о сущемъ и о томъ самомъ, о чемъ у насъ теперь рѣчь,—объ имени: для чего бываетъ имя?

Сокр. Называешь ли ты что нибудь *μαίεσθαι*?

Ерм. Да, это-то значить искать.

Сокр. Такъ *δνομα* есть имя, выраженное словомъ, показывающимъ, что это есть сущее искомое. Въ этомъ ты еще болѣе можешь увѣриться изъ того, что называемъ мы именуемымъ; ибо здѣсь ясно высказывается, что сущее есть то, относительно чего бываетъ изысканіе (*μάσμα*). И слово *ἀλήθεια* (истина) также составлено, по видимому, изъ другихъ словъ; потому что этимъ словомъ—истиною—означается божественное движеніе сущаго, или какъ бы божіе хожденіе (*θεία ἀλή*). А *φεῦδος* (ложь) противоположно движенію; потому что, задерживаемое и принуждаемое молчать, становясь опять предметомъ порицаемымъ, оно взято по подобію спящихъ (*καθεύδουσι*), и только приданное ψ скрываетъ значеніе этого имени. Потомъ, *δν* (сущее) или *οὐσία* (сущность), принявъ ι, приходятъ къ согласію съ истиннымъ, такъ какъ оно въ этомъ случаѣ означаетъ идущее (*ἰόν*), а
С. *οὐχ δν* опять, какъ нѣкоторые и называютъ его, не идущее (*οὐχ ἰόν*).

Ерм. Это-то, кажется мнѣ, Сократъ, ты составилъ мужественно. Но если бы кто спросилъ объ этихъ именахъ: *τὸ ἰόν* (идущее), *τὸ ῥέον* (текущее), *τὸ δοῦν* (вяжущее),—какая заключается въ нихъ правильность?

Сокр. То что отвѣчали бы мы ему, говоришь? Не такъ ли?

Ерм. Конечно.

Сокр. Мы сейчас вывели одно, на чемъ основываясь, можемъ, кажется, отвѣчать дѣльно.

Ерм. Что именно?

Сокр. Можемъ то, чего не знаемъ, принимать за что-то варварское. Иногда, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ встрѣтится D. нѣчто такое, а иногда начала именъ надобно отыскивать у древнихъ: вѣдь если имена вездѣ извращаются, то не удивительно, что древній языкъ отъ нынѣшняго варварскаго ничѣмъ не отличается.

Ерм. Невѣроятнаго-то въ твоихъ словахъ ничего нѣтъ.

Сокр. Да, я говорю вещи обыкновенныя. Впрочемъ это не кажется мнѣ поводомъ уклоняться отъ борьбы: напротивъ, надобно старательно изслѣдовать дѣло. Вникнемъ же: кто будетъ всегда спрашивать о словахъ, изъ которыхъ состоитъ E. имя, а потомъ опять станетъ направлять свои вопросы къ тому, изъ чего составлены слова, и не захочетъ прекратить своихъ распросовъ; то отвѣчающій не будетъ ли наконецъ приведенъ къ необходимости отказаться?

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Но отказывающійся по усталости когда пересталъ 422. бы отвѣчать справедливо? Не тогда ли, какъ пришелъ бы къ тѣмъ именамъ, которыя оказывались бы стихіями другихъ словъ и именъ? Вѣдь эти стихіи уже несправедливо было бы почитать сложенными изъ другихъ именъ, если онѣ таковы. Напримѣръ, недавно τὸ ἀγαθόν (добро) мы признали сложеннымъ изъ словъ ἀγαστόν (удивительное) и θοόν (быстрое): но θοόν, можетъ быть, произошло изъ другихъ словъ, а ἀγαστόν опять изъ другихъ. Предположимъ однако, что эти имена не сложены уже изъ какихъ нибудь в. другихъ: тогда мы справедливо можемъ сказать, что пришли уже къ стихіямъ, и что этого больше не надобно относить къ другимъ именамъ.

Ерм. Ты, мнѣ кажется, правильно говоришь.

Сокр. Такъ не стихіи ли и тѣ имена, о которыхъ ты теперь спрашиваешь, и не должно ли уже какимъ нибудь инымъ

способомъ изслѣдывать ихъ правильность, въ чемъ она состоитъ?

Ерм. Вѣроятно.

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ вѣроятно, Ермогенъ: по видимому, С. и все прежнее-то приходитъ къ этому. Если же это такъ, какъ представляется мнѣ, то смотри сюда вмѣстѣ со мною, не съ ума ли я схожу, полагая, въ чемъ должна состоять правильность первыхъ именъ?

Ерм. Говори; лишь бы только достало у меня силы, — буду разсматривать вмѣстѣ съ тобою.

Сокр. Что одна-то нѣкоторая правильность у всякаго имени, перваго и послѣдняго, и что нѣкоторое изъ нихъ, какъ имя, ничѣмъ не отличается отъ другаго, — думаю, и тебѣ кажется.

Ерм. Конечно.

D. *Сокр.* Но правильность разсмотрѣнныхъ-то нами теперь именъ была у насъ такова, что ею показывалось, каково каждое сущее.

Ерм. Какъ не показывалось.

Сокр. А такими-то должны быть не менѣ первыя, какъ и послѣднія, если это будутъ имена.

Ерм. Конечно.

Сокр. Послѣднимъ же возможно было сдѣлаться такими, какъ видно, чрезъ прежнія.

Ерм. Видимо.

Сокр. Пускай. Но первыя-то, пока имъ еще не подлежатъ E. другія, какимъ образомъ съ надлежащею ясностію выразить намъ вещи, если надобно имъ быть именами? Отвѣчай мнѣ вотъ на что: представь, что у насъ не было бы ни голоса, ни языка, а хотѣлось бы дать знать другимъ о вещахъ; — не стали ли бы мы, какъ теперь глухонѣмые, дѣлать знаки руками, головою и прочими частями тѣла?

423. *Ерм.* Какъ же иначе, Сократъ?

Сокр. И вотъ если бы, думаю, захотѣли мы выразить верхнее и легкое, то, подражая самой природѣ вещи, под-

няли бы руку къ небу; а когда бы нижнее и тяжелое,— къ землѣ. Равнымъ образомъ, желая означить бѣгущаго коня, или иное животное, мы уподобляемъ имъ, знаешь, свое тѣло и его положенія.

Ерм. Необходимо бываетъ такъ, какъ говоришь.

Сокр. Стало быть, выраженіе чего нибудь совершается В. тѣломъ, поколику оно подражаетъ, какъ видно, другому тѣлу, которое хочетъ выразить.

Ерм. Да.

Сокр. А когда мы хотимъ выразить что нибудь голосомъ, языкомъ и устами, тогда выраженіе каждой вещи будетъ происходить у насъ не отъ этихъ ли орудій, поколику чрезъ нихъ дѣлается подражаніе чему либо?

Ерм. Мнѣ кажется, необходимо.

Сокр. Стало быть, имя есть, какъ видно, подражаніе посредствомъ голоса тому, чему подражаетъ и что называетъ подражающей голосомъ, когда подражаетъ.

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Но, клянусь Зевсомъ, другъ мой, это, по моему с. мнѣнію, что-то не такъ у насъ выходитъ.

Ерм. Почему же?

Сокр. Мы должны бы были согласиться, что подражающіе овцамъ, пѣтухамъ и другимъ животнымъ называютъ то, чему подражаютъ.

Ерм. Правда.

Сокр. Такъ это кажется тебѣ хорошо?

Ерм. Мнѣ не кажется. Но какое подражаніе, Сократъ, составляло бы имя?

Сокр. Во первыхъ, мнѣ кажется,—не такое, какъ если бы мы подражали вещамъ—какъ подражаемъ музыкой, Д. хотя бы въ то же время подражали имъ и голосомъ; во вторыхъ, и не такое, чтобы подражать тому же, чему подражаетъ музыка, не означая подражаемаго именемъ. Я говорю вотъ что: каждой вещи приличенъ свой голосъ и образъ, а многимъ и цвѣтъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ имя—не тамъ, гдѣ есть это подражаніе, и не такими подражаніями занимается искусство наименовательное; ибо эти-то подражанія свойственны во первыхъ музыкѣ, во вторыхъ живописи. Не такъ ли?

Ерм. Да.

Сокр. А что будетъ вотъ это? Не кажется ли тебѣ, что во всякой вещи есть сущность, какъ есть цвѣтъ и все, что мы разсмотрѣли? Во первыхъ, самому цвѣту и голосу, тому и другому порознь, равно какъ и всѣмъ прочимъ свойствамъ, стоящимъ быть наименованіями чего нибудь, не принадлежитъ ли какая нибудь сущность?

Е. *Ерм.* Мнѣ кажется.

Сокр. Что же? Если бы кто могъ этому самому,—сущности каждой вещи,—подражать буквами и слогами, то выразилъ ли бы, что значитъ каждая вещь? Или нѣтъ?

424. *Ерм.* Конечно, выразилъ бы.

Сокр. А чѣмъ признать могущаго сдѣлать это? Изъ прежнихъ одного назвалъ ты музыкантомъ, другаго живописцемъ,—а этого кѣмъ?

Ерм. Мнѣ кажется, Сократъ, что это тотъ, кого мы давно ищемъ,—это наименователь.

Сокр. Но если ты говоришь правду, то, видно, надобно уже изслѣдовать тѣ имена, о которыхъ спрашивалъ, то есть слова: ῥοή (теченіе), ἕναи (шествіе) и στήσις (удержаніе),—выражаюгъ ли они буквами и слогами вещи, къ которымъ в. прилагаются, такъ, чтобы подражали сущности, или не выражаютъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Давай же посмотримъ, одни ли только эти имена принадлежать къ числу первыхъ, или есть и многія иныя.

Ерм. Я думаю, есть иныя.

Сокр. Вѣроятно. Но какой возможенъ способъ различенія ихъ, чтобы подражателю начать подражаніе? Такъ какъ подражаютъ сущности обыкновенно слогами и бук-

вами, то не всего ли правильнѣе сперва различать стихій, подобно тѣмъ, которые, приступая къ ритмамъ, сперва различаютъ силы стихій, потомъ силы слоговъ, и такимъ С. образомъ переходятъ уже своимъ изслѣдованіемъ къ ритмамъ, —прежде же не переходятъ?

Ерм. Да.

Сокр. Не такъ ли и мы должны сперва различить гласныя, а потомъ и другія, по видамъ ихъ, то есть согласныя и безгласныя: вѣдь такъ говорятъ люди, въ этомъ отношеніи сильные. За тѣмъ опять, которыя буквы не гласныя, хотя впрочемъ и не безгласныя? Да и между самыми гласными сколько есть разныхъ видовъ! И когда мы хорошо разберемъ все это, надобно будетъ снова взять имена и D. смотрѣть, есть ли что такое, къ чему всѣ они относятся, какъ стихій, изъ которыхъ можно узнавать вещи, и есть ли у нихъ виды такимъ же образомъ, какъ въ стихіяхъ. Хорошо разсмотрѣвши все это, надобно умѣть каждое имя приложить по подобію, —нужно ли будетъ одной вещи приписать одно, или съ однимъ смѣшать многія, —какъ дѣлаютъ живописцы, которые, стараясь о сходствѣ, употребляютъ то одну пурпуровую краску, то какое нибудь иное снадобье, E. а иногда смѣшиваютъ многіе цвѣта, когда, напримѣръ, готовятъ цвѣтъ человѣческаго тѣла, или что другое въ этомъ родѣ, такъ какъ всякое изображеніе требуетъ, думаю, особаго состава. Подобно этому будемъ и мы примѣнять стихіи къ вещамъ, и, то одну соединяя съ одной, гдѣ покажется это нужнымъ, то взявши многія, станемъ образовывать такъ называемые слоги, а потомъ опять устанавливать соединеніе слоговъ, изъ чего составятся ¹ имена 425.

¹ Изъ чего составятся имена и глаголы, ἔξ ὧν τὰ τε ὀνόματα καὶ ῥήματα συντίθενται. Здѣсь, не смотря на подлежащія средняго рода, глаголь стоять во множественномъ числѣ. Гейндорфу до того не нравится это, что онъ совѣтуетъ множественное число перемѣнить въ единственное. Но есть много причинъ, почему аттики имена средняго рода соединяли иногда съ множественнымъ числомъ. Примѣры такихъ соединеній собраны A с т о м ъ, Ad legg. p. 46, 1, p.

и глаголы; изъ именъ же и глаголовъ наконецъ разовьемъ уже что нибудь большое, прекрасное и цѣлое, — разовьемъ, какъ тамъ, на примѣръ, животное — живописью, такъ здѣсь рѣчь — именованіемъ, или риторикою, или какое оно ни будь, это искусство. Или, лучше сказать, будемъ дѣлать это не мы, — я увлекся словомъ; имена, какъ сложены они, сложили ихъ такъ древніе: намъ же надобно, если только

В. положимъ изслѣдывать все это научно, такъ различивъ ихъ, разсматривать съ той стороны, — правильно ли приложены первыя и послѣднія, или нѣтъ; а соединять ихъ иначе — какъ бы не было худо и неметодично, любезный Ермогенъ.

Ерм. Можетъ быть, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Что же? Надѣешься ли на себя, что можешь такимъ образомъ различить ихъ? Вѣдь я-то не могу.

Ерм. А мнѣ далеко до того.

Сокр. Такъ оставимъ это; или, не хочешь ли, сдѣлаемъ,

С. что можемъ, — возьмемся хоть немного разсмотрѣть это, по силамъ, сказавъ напередъ, какъ недавно говорили богамъ, что, нисколько не зная истины, мы гадаемъ о ней по человѣческимъ мнѣніямъ: позволимъ себѣ такимъ же образомъ сказать и теперь, что если полезно должно быть кому другому или намъ различеніе именъ, то такъ надобно различать ихъ; а потому въ настоящее время мы и обязаны, какъ говорится, по силамъ заняться этимъ. Кажется это? Или какъ ты скажешь?

Д *Ерм.* Конечно, мнѣ-то и очень кажется.

Сокр. Смѣшными, по видимому, окажутся вещи, Ермогенъ, выраженные подражательно буквами и слогами; одна

---

634 E, Ad Rempubl. p. 386; Поппомъ, Prolegg. ad Thucydid. 1, p. 97 A; Ad Xenoph. Anab. I, 2, 23 et al. Разсмотрѣвши эти примѣры внимательно, всякій замѣтитъ, что множественнымъ числомъ означается или множество частей, или какое нибудь подразумеваемое имя мужескаго рода, имѣющее то же значеніе съ именемъ средняго рода. Послѣдній случай особенно возможенъ при означеніи животныхъ. А Бернарди (Syntax. p. 418) полагаетъ, что аттики въ ежедневномъ разговорѣ послѣ именъ средняго рода употребляли глаголъ во множественномъ числѣ, водясь просто правиломъ вѣжливости.

коже это необходимо. Для насъ нѣтъ ничего лучше, какъ отнести къ чемунибудь истинность первыхъ именъ, подражая сочинителямъ трагедій, которые, когда въ чемъ недоумѣваютъ, тотчасъ бѣгутъ къ машинамъ, чтобы поднять боговъ: такъ отдѣлаемся и мы, если скажемъ, что первые имена наложены богами, и оттого они правильны. Не Е. будетъ ли и для насъ это сильнѣйшимъ изъ основаній? Или — то, что мы приняли ихъ отъ какихънибудь варваровъ, такъ какъ варвары древнѣе насъ? Или со стороны древности 426. нельзя разсматривать ихъ и какъ варварскія? Потому что всѣ они легко могли быть отклонительными уловками того, кто не хотѣлъ давать отчета въ первыхъ именахъ, правильно ли они наложены. Между тѣмъ, кто какимънибудь образомъ не узналъ правильности первыхъ именъ, тому нельзя знать правильность и послѣднихъ; потому что эти необходимо объясняются тѣми, о которыхъ онъ ничего не знаетъ. Стало быть, явно, что называющій себя искусникомъ въ от- в. ношеніи этихъ, долженъ имѣть готовность особенно и яснѣйшимъ образомъ показать свое искусство относительно къ именамъ первымъ, а не то — быть увѣреннымъ, что о послѣднихъ-то онъ будетъ только пустословить. Или тебѣ кажется иначе?

Ерм. Нисколько не иначе, Сократъ.

Сокр. Но то, что я знаю объ именахъ первыхъ, кажется мнѣ очень надутымъ и смѣшнымъ. Я передамъ тебѣ это, если хочешь; а ты, какъ скоро можешь откуда взять чтонибудь лучшее, постарайся передать мнѣ.

Ерм. Сдѣлай это. Говори же смѣло.

Сокр. Во первыхъ, буква ρ (р) представляется мнѣ какъ бы С. орудіемъ всякаго движенія; но мы и не сказали, откуда происходитъ это имя—*κίνησις* (движеніе). Впрочемъ явно, что имъ означается *ἕξις* (шествіе), ибо въ древности мы употребляли не η, а ε. Начало же его отъ *κίειν*; а *κίειν* имя иностранное, и значить идти. И такъ, кто открылъ бы соотвѣтственное нашему языку древнее его наименованіе, тотъ сталъ

- бы правильно называть его *ἔσις*. А теперь отъ иностраннаго *κίειν*, отъ замѣны въ немъ гласной итою (*η*) и отъ внесенія въ него *υ* оно названо *κίησις*, хотя слѣдовало бы произносить *κίειησις*, или *ἔσις*. Но *στάσις* (стояніе) означаетъ отрицаніе *τοῦ ἴέναι* (шествія) и для красоты названо *στάσις*.—Такъ стихія *ρ*, какъ говорю, есть, кажется, прекрасное орудіе движенія въ устахъ устанавливателя именъ, желающаго выразить движущееся (*φορά*),—и онъ въ самомъ дѣлѣ часто пользуется этимъ орудіемъ для сказанной цѣли: буква *ρ* есть явное подражаніе движенію, во первыхъ, уже въ глаголѣ
- Д. *ῥεῖν* (течь) и въ словѣ *ῥοή* (теченіе), потомъ въ словѣ *τρόμος* (трепетъ), далѣе въ имени *τραχύς* (страшный), а сверхъ сего и въ такихъ глаголахъ, каковы *χρούειν* (ударять), *θραύειν* (ломать), *ἐρείχειν* (раскалывать), *θρύπτειν* (тереть), *κερματίζειν* (раздроблять), *ῥομβεῖν* (вертѣть); все это выражается по большей части буквою *ρ*. Вѣдь налагатель именъ видѣлъ, думаю, что языкъ, произнося ея, не бываетъ неподвиженъ, но сотрясается; потому-то, представляется мнѣ, и пользовался ею для этого. А *ι* опять употреблялъ онъ для выраженія всего тонкаго, что особенно идетъ чрезъ все; потому-то *ἴέναι* (идти)
427. и *ἔσθαι* (поспѣшать) выговариваетъ чрезъ *ι*; тогда какъ чрезъ *φ*, *ψ*, *σ* и *ζ*, имѣющія характеръ буквъ дышущихъ, подражаетъ всему такому, и въ именахъ говорить, напримѣръ: *ψυχρόν* (холодное), *ζέον* (кипящее), *σειεσθαι* (сотрясаться) и вообще *σεισμός* (сотрясеніе). Отсюда наименователь, подражая чему нибудь дующему, вездѣ въ такихъ случаяхъ вносить въ рѣчь большею частію такія, по видимому, и буквы. Буквы же: *δ*, выражающая сжатіе языка, и *τ*—твердость его, каждая,
- В. имѣютъ, думалъ онъ, силу подражать вязанію (*δεσμός*) и стоянію (*στάσις*). Или опять, состояніе паденія (*ὀλισθάνειν*) языка замѣчая въ буквѣ *λ*, по подобію характеризовалъ онъ ею *τὰ λεῖα* (легкое), самый глаголь *ὀλισθάνειν*, также слова: *λίπαρόν* (тучное), *κολλῶδες* (клейкое), и всѣ такія. А сила буквы *γ* противодѣйствуетъ паденію языка, и отсюда, по подражанію, вышли слова: *τὸ γλισχρόν* (скользящее), *γλυχόν* (сладкое),

γλοιῶδες (вязкое). Замѣтивъ опять, что буква υ издаетъ звукъ внутри, и буквами выражая вещи, наименователь обозначалъ С. ею внутреннее, сокрытое. Равнымъ образомъ α придавалъ онъ большому (μεγάλη), а η—длинному (μήκει), такъ какъ это буквы долгія. А требуя знака для выраженія круглоты (γρογγύλον), онъ большею частію вносилъ въ имя букву ο. Такъ, кажется, поступалъ налагатель именъ, образуя знаки и имена для каждой вещи по буквамъ и слогамъ, а изъ этихъ уже подражательно составляя и прочее, имъ соотвѣтствующее. И вотъ что, Ермогенъ, по моему мнѣнію, означается правильностію именъ, если не иное что нибудь говорить объ этомъ Кратиль.

Ерм. Да и въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, много-таки доуки, какъ я и по началу говорилъ, дѣлаетъ мнѣ Кратиль, толкуя о правильности именъ, но не говоря ясно, въ чемъ она состоитъ; такъ что я не могу понять, добровольно или поневолѣ онъ столь темно разсуждаетъ объ этомъ. Скажи-ка Е. вотъ теперь, Кратиль, лично Сократу: нравится ли тебѣ, какъ Сократъ говоритъ объ именахъ, или ты можешь разсуждать объ этомъ инымъ, лучшимъ образомъ? Если можешь, говори, чтобы или научиться у Сократа, или научить обоихъ насъ.

Крат. Что ты это, Ермогенъ? Развѣ легко, кажется тебѣ, такъ скоро научиться и научить всякому дѣлу, не то что этому, которое принадлежитъ, по видимому, къ дѣламъ величайшимъ?

Ерм. Мнѣ-то, клянусь Зевсомъ, не кажется. Но я нахожу ^{428.} весьма хорошими вотъ эти слова Исіода: кто къ малому прибавитъ хоть небольшое,—дѣло подвинется ¹. Поэтому, если малое нѣчто ты въ состояніи сдѣлать бѣльшимъ, не отказывайся отъ труда, но облагодѣтельствуй и этого Сократа и, по справедливости, меня.

¹ См. Орр. et DD. 359: εἰ γὰρ κεν καὶ μικρὸν ἐπὶ μικρὸν καταθεῖο, καὶ θαμὰ τοῦτ' ἔρδαις, τάχα κεν μέγα καὶ τὸ γένοιτο.

Сокр. Да вѣдь и самъ-то я, Кратиль, ничего не утверждалъ, о чемъ говорилъ, а разсматривалъ дѣло съ Ермогеномъ, В. какъ мнѣ представлялось; такъ и поѣтому-то смѣло говори, если знаешь что лучшее, въ той мысли, что слова твои будутъ приняты. Вѣдь я и не удивился бы, когда бы ты могъ говорить что нибудь лучшее; потому что, кажется, и самъ изслѣдывалъ это, и учился у другихъ. Такъ если думаешь сказать нѣчто лучшее, относительно правильности имени, то по этому вопросу запиши и меня въ число твоихъ учениковъ.

Крат. Пусть бы, Сократъ, какъ говоришь ты, я и въ самомъ дѣлѣ занимался этимъ предметомъ и, можетъ быть, С. сдѣлалъ бы тебя своимъ ученикомъ; но я боюсь, какъ бы не вышло совершенно противнаго, и мнѣ приходится въ голову повторить тебѣ слова Ахиллеса, которыя сказалъ онъ въ молитвахъ ¹ Аяксу:

Сынъ Теламоновъ, Аяксъ Зевсородный, властитель народа!

Все, что ты мнѣ говорилъ, какъ будто изъ сердца лилося. Подобнымъ образомъ и ты, Сократъ, изливалъ мнѣ свои вѣщанія отъ души, подъ вліяніемъ ли Эвтифрона было твое воодушевленіе, или давно тайлась въ тебѣ другая какая-то не сознаваемая тобою муза.

D. *Сокр.* Ахъ, добрый Кратиль! я и самъ давно дивлюсь своей мудрости и не вѣрю ей. Поѣтому, кажется, надобно изслѣдовать, говорю ли я что. Вѣдь быть обманываемымъ самому отъ себя всего хуже; потому что если обманщикъ ни на шагъ не отступаетъ, но всегда присущъ, то какъ это ужасно! Такъ видно, надобно чаще оглядываться на то, что сказано было прежде, и стараться, по словамъ того поэта ², смотрѣть взадъ и впередъ. Вотъ и E. теперь мы видимъ, что у насъ сказано. Правильность име-

¹ Въ молитвахъ, ἐν Λιταῖς, Πλάτ. і, 640 sq. Извѣстно, что послѣднюю часть рапсодіи древніе означали именемъ Λιτωῶν. См. Hipp. Min. p. 364 E.

² Того же поэта Πλάτ. α' 341, γ' 109. Cicero. Epist. famil. XIII, 15.

ни, говоришь, состоитъ въ томъ, что оно показываетъ, какова самая вещь. Достаточно ли, скажемъ, это положеніе?

Крат. Мнѣ кажется, Сократъ, очень достаточно.

Сокр. Стало быть, имена говорятся для наученія?

Крат. Конечно.

Сокр. Такъ не скажемъ ли, что есть такое искусство, есть и мастера въ немъ?

Крат. Конечно.

Сокр. Кто же они?

Крат. Тѣ, о которыхъ ты говорилъ по началу,—законодатели слова. 429.

Сокр. Скажемъ ли, опять, что и это искусство живетъ между людьми, какъ прочія, или не скажемъ? Я хочу выразить вотъ что: между живописцами есть ли одни лучшіе, другіе худшіе?

Крат. Конечно.

Сокр. Лучшіе же не лучшими ли представляютъ намъ свои работы, изображенія, а другіе худшими? И не такимъ же ли образомъ домостроители,—одни строятъ лучшіе дома, а другіе—худшіе?

Крат. Да.

Сокр. Не тоже ли и законодатели,—одни представляютъ в. намъ свои дѣла лучшими, а другіе—худшими?

Крат. Это мнѣ еще не кажется.

Сокр. Стало быть, тебѣ не кажется, что одни законы бываютъ лучше, другіе хуже?

Крат. Конечно нѣтъ.

Сокр. Такъ и имя, какъ видно, по твоему мнѣнію, въ приложеніи своемъ не бываетъ одно хуже, другое лучше?

Крат. Конечно нѣтъ.

Сокр. Стало быть, всѣ имена прилагаются правильно?

Крат. По крайней мѣрѣ всѣ имена.

Сокр. Что же? Этому Ермогену (Ἐρμογένει), какъ мы недавно говорили, и не приложено, значить, такое имя, если с. оно не сближаетъ его съ родомъ Ермія (ἐρμῶ ἕνεσις), или хотя и приложено, да только неправильно?

Крат. И не приложено, мнѣ кажется, Сократъ, а только представляется приложеннымъ: это имя другаго, котораго именемъ выражается самая природа ¹.

Сокр. Такъ не лжетъ ли тотъ, кто называетъ его Ермогеномъ? Вѣдь и того опять не было бы, чтобы его называли Ермогеномъ, если онъ не Ермогенъ.

Крат. Какъ ты говоришь?

D. *Сокр.* Не та ли сила твоего слова, что вовсе нельзя говорить ложно? Вѣдь много людей есть и теперь, было и прежде, любезный Кратиль, которые утверждали это.

Крат. Какъ же бы, Сократъ, ктонибудь, говоря то, что говорить, могъ говорить о не существующемъ? Не то ли значить говорить ложь, когда говоришь о томъ, чего нѣтъ?

Сокр. Хитро твое слово,—не по мнѣ, не по моему возрасту, другъ мой; однакожь скажи мнѣ вотъ что: говорить ли только, думаешь, нельзя ложно, а полагать можно?

E. *Крат.* Мнѣ кажется, и полагать ложно нельзя.

Сокр. Ни сказать, ни примолвить? Напримѣръ, пусть бы ктонибудь, встрѣтившись съ тобою на чужой сторонѣ, взявъ тебя за руку и сказалъ: здравствуй аѳинскій иностранецъ, сынъ Смикріона, Ермогенъ!—этотъ,—говорилъ ли бы онъ, полагалъ ли бы это, сказалъ ли бы, или примолвилъ,—назвалъ бы не тебя, а этого Ермогена? Или никого?

Крат. Мнѣ кажется, Сократъ, что онъ напрасно издавалъ бы такіе звуки.

430. *Сокр.* Мило и это. Но вѣрные ли издавалъ бы звуки издающій ихъ, или ложные? Или, опять, одни изъ звуковъ были бы вѣрны, а другіе ложны? Вѣдь и этого достаточно.

Крат. Я сказалъ бы, что такой человѣкъ шумить, напрасно самъ себя приводитъ въ движеніе, какъ будто бы ударомъ двигалъ что мѣдное.

Сокр. А ну-ка не перемѣнимся ли, Кратиль: не полагаешь

¹ Не природа проявляетъ имя, а имя—природу. Поэтому справедливо выразилъ мысль Фидинъ: cui natura inest, quae nomine continetur.

ли ты, что иное дѣло имя, и иное—то, чему принадлежитъ имя?

Крат. Полагаю.

Сокр. А не соглашаешься ли, что имя есть подражаніе вещи? В.

Крат. Всего болѣе.

Сокр. Не говоришь ли также, что живописныя изображенія какимъ-то инымъ образомъ суть подражанія нѣкоторыхъ вещей?

Крат. Да.

Сокр. Хорошо. Можетъ быть, я не понимаю, что за смыслъ твоихъ словъ, хотя ты говоришь, пожалуй, и правильно. Можно ли распредѣлять и сопоставлять оба эти подражанія, то есть живописныя изображенія и имена, примѣнительно къ вещамъ, которыхъ онѣ подражаніе, или нельзя?

Крат. Можно. С.

Сокр. Такъ, во первыхъ, смотри вотъ на что: изображеніе мужчины не отнесетъ ли кто либо къ мужчинѣ, а изображеніе женщины—къ женщинѣ, и прочее такимъ же образомъ?

Крат. Конечно.

Сокр. И противное этому—изображеніе мужчины къ женщинѣ, а женщины къ мужчинѣ?

Крат. Можно и это.

Сокр. Но оба ли такія распредѣленія будутъ правильны, или одно которое нибудь?

Крат. Одно.

Сокр. Думаю, то, которое къ каждому предмету относитъ приличное ему и подобное.

Крат. Мнѣ кажется.

Сокр. И такъ, чтобы намъ не сражаться словами, тебѣ и мнѣ, такъ какъ мы друзья,—прими то, что я говорю. Въдъ такое-то распредѣленіе въ обоихъ подражаніяхъ, другъ мой, въ изображеніяхъ и именахъ, называю я правильнымъ, и въ именахъ не только правильнымъ, но и истиннымъ;

другое же, которымъ приписывается и усвоется вещи не подобное, называю неправильнымъ, а когда это въ именахъ, то и ложнымъ.

Е. *Крат.* Но какъ бы не было этого,—неправильнаго распредѣленія, Сократъ,—только въ живописныхъ изображеніяхъ; а въ именахъ—не такъ: тамъ оно всегда по необходимости правильно.

Сокр. Какъ ты говоришь? Что за различіе между этимъ и тѣмъ? Развѣ нельзя, подошедши къ мужчинѣ, сказать ему: вотъ твой портретъ, а указать—на что случится, на его ли изображеніе, или на изображеніе его жены? Указать же значить поставить предметъ предъ чувство зрѣнія.

Крат. Конечно.

Сокр. Что же? Развѣ нельзя опять, подошедши къ нему, сказать: вотъ твое имя? Вѣдь и имя есть подражаніе, какъ живописное изображеніе. Такъ вотъ я и говорю: развѣ нельзя
431. было бы сказать ему: вотъ твое имя,—и послѣ того предъ чувство его слуха поставить что случится, его ли подражаніе, говорящее, что онъ мужчина, или подражаніе женскому полу человѣческаго рода, говорящее, что онъ женщина? Не кажется ли тебѣ, что это возможно, и иногда бываетъ?

Крат. Готовъ согласиться съ тобою, Сократъ; пусть будетъ такъ.

Сокр. Да и хорошо дѣлаешь, что соглашаешься, другъ мой, если такъ: теперь объ этомъ слишкомъ спорить не надобно. Если же таково распредѣленіе и здѣсь, то одно изъ
В. нихъ мы хотимъ называть говорящимъ правду, другое—ложь. А когда такъ, то распредѣлять имена неправильно и приписывать вещи не то, что ей прилично, но иногда то, что не прилично, значило бы такіе составлять и глаголы. А какъ скоро такъ составлены глаголы и имена,—таковы по необходимости будутъ и рѣчи; потому что рѣчь, какъ
С. я думаю, есть составъ изъ этого. Или какъ ты говоришь, Кратиль?

Крат. Такъ; ты, мнѣ кажется, хорошо судишь.

Сокр. Если первыя имена мы уподобимъ опять начертаніямъ живописи, то, какъ въ живописныя изображенія, можно вносить въ нихъ всё приличныя имъ цвѣта и формы, и не всё, но нѣкоторыя оставлять, а другія прибавлять, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Или нельзя?

Крат. Можно.

Сокр. Вносящій же въ нихъ всё прекрасныя черты не дѣлаетъ ли прекрасными и изображеній, а прибавляющій или отнимающій черты, хотя тоже производитъ образы, но не худые ли?

D.

Крат. Да.

Сокр. Что же сказать о томъ, кто подражаетъ сущности вещей посредствомъ слоговъ и буквъ? Не такимъ же ли способомъ и у него,—если будетъ отнесено къ нимъ все, имъ приличное, выйдетъ образъ прекрасный, и это есть имя; а когда онъ немного пропуститъ или иногда прибавитъ,—хотя и выйдетъ образъ, но не прекрасный,—такъ что одни имена будутъ составлены хорошо, а другія—худо?

Крат. Можетъ быть.

Сокр. Слѣдовательно, можетъ быть одинъ хорошимъ ма-Е. стеромъ именъ, а другой—худымъ?

Крат. Да.

Сокр. И имя ему было законодатель?

Крат. Да.

Сокр. Слѣдовательно, можетъ быть, клянусь Зевсомъ, какъ въ другихъ искусствахъ, такъ и между законодателями, что будетъ одинъ хорошій, другой—худой, если въ прежнемъ мы уже согласились.

Крат. Такъ. Но видишь, Сократъ,—когда эти буквы, α , β , и каждую изъ стихій мы будемъ грамматически придавать именамъ, когда станемъ что нибудь отнимать, присоединять, 432. или переставлять,—имя хотя и напишется, однакожь неправильно, какъ будто бы оно вовсе не было написано, даже выйдетъ прямо другое, если подвергнется такимъ перемѣнамъ.

Сокр. Чтобы, рассматривая дѣло такъ, не рассматривать намъ худо, Кратиль!

Крат. Какъ же?

Сокр. Можетъ быть, все, что ты говоришь, испытываетъ то же, что необходимо испытывать вещи, зависящей отъ бытія или небытія какого нибудь числа. Вотъ, напримѣръ, десять, или какое хочешь иное число: если отнимешь отъ него, или прибавишь къ нему что нибудь,—тотчасъ выйдетъ в. другое. Но не такова правильность какого либо предмета качественного и всякаго подобія: напротивъ, вполне даже и невозможно выразить, каковъ предметъ, которому выраженіе уподобляется, если имѣетъ быть подобіе. Смотри, дѣло ли я говорю. Два ли будутъ такіе предмета, каковы Кратиль и его изображеніе, если кто изъ боговъ изобразитъ не только твой цвѣтъ и видъ, какъ дѣлаютъ живописцы, но и все внутреннее,—такое, какое именно твое,—выразить ту самую и мягкость, и теплоту, вложить въ нихъ и движеніе, и душу, и разумность, какая у тебя,—однимъ словомъ, все, что ты имѣешь, представить такимъ особо и поставить возлѣ тебя? Будутъ ли эти предметы—Кратиль и его изображеніе, или два Кратила?

Крат. Мнѣ кажется, это будутъ два Кратила, Сократъ.

Сокр. Такъ видишь ли, другъ мой, что должно искать иной правильности изображенія и того, о чемъ мы теперь рассуждали, а не настаивать, будто, когда что убываетъ, д. или присоединяется, изображенія уже не бываетъ? Развѣ не замѣчаешь, сколько недостаетъ изображеніямъ, чтобы сдѣлаться имъ тѣми, кого они изображаютъ?

Крат. Замѣчаю.

Сокр. Смѣшныя вещи, Кратиль, происходили бы отъ именъ для тѣхъ, по отношенію къ которымъ эти имена суть имена, если бы всѣ они во всемъ были похожи на самые предметы. Тогда каждый предметъ былъ бы двойнымъ, и ни о чемъ нельзя было бы сказать, что тутъ самый предметъ, и что его имя.

Крат. Правда.

Сокр. И такъ, смѣло допускай, почтеннѣйшій, что одно имя прилагается хорошо, другое нѣтъ, и не требуй всѣхъ буквъ такихъ, чтобы непременно выходило имя, точь въ точь соотвѣтствующее предмету, но давай мѣсто и буквѣ несоотвѣтственной; если же внесешь не соотвѣтствующую вещи букву, то внесешь и имя въ выраженіе, а когда имя, то и выраженіе въ рѣчь,—и вещь тѣмъ не менѣе будетъ означаться именемъ и высказываться, пока сохранится типъ вещи, о которой идетъ дѣло,—какъ мы, я и Ермогенъ, помнишь ли, недавно говорили о стихіяхъ на- 433. именованій.

Крат. Помню.

Сокр. Хорошо же. Когда въ имени это есть,—пусть и не все приличное,—вещь по крайней мѣрѣ наименована; и наименована хорошо, если прилично все,—худо, если не многое. Оставимъ же ее, почтеннѣйшій, называться, чтобы не сдѣлаться намъ смѣшными, подобно эгинянамъ, бродящимъ позднею ночью по дорогамъ,—чтобы не показалось, будто и мы къ вещамъ на самомъ дѣлѣ какъ-то такъ вышли позднѣе надлежащаго. Либо ищи какойнибудь иной правильности имени, и не соглашайся, что имя вещи заявляется слогами и буквами; потому что, принимая оба эти положенія, ты не можешь быть въ согласіи съ самимъ собою.

Крат. Мнѣ кажется, ты, Сократъ, говоришь ладно, и я подтверждаю слова твои.

Сокр. Но если въ этомъ мы согласились, то послѣ сего рассмотримъ вотъ что: какъ скоро имя будетъ приложено хорошо,—скажемъ ли, что оно должно имѣть приличныя буквы?

Крат. Да.

Сокр. Прилично же то, что подобно вещамъ?

с.

Крат. Конечно.

Сокр. Стало быть, хорошо приложенное бываетъ приложено такъ, а что нехорошо приложилось, то, можетъ быть, состоитъ большею частію изъ приличныхъ и подобныхъ буквъ,

если это будетъ изображеніе, но имѣеть и нѣчто не личное, отчего имя выйдетъ не хорошимъ и нехорошо составленнымъ. Такъ ли скажемъ, или иначе?

Крат. Не надобно, думаю, спорить, Сократъ, хотя и не нравится мнѣ положеніе, что имя есть, а между тѣмъ оно D. приложено нехорошо.

Сокр. То ли не нравится тебѣ, что имя есть заявленіе вещи?

Крат. То самое.

Сокр. А не хорошо ли, по твоему мнѣнію, говорится, что одни имена сложены изъ первоначальныхъ, другія—первыя?

Крат. Мнѣ кажется.

Сокр. Но если заявленіями нѣкоторыхъ вещей должны сдѣлаться первыя, то имѣешь ли ты какой иной, лучшій способъ сообщить имъ значеніе заявленій, чѣмъ представить ихъ сколько можно болѣе такими, каковы самыя вещи, которыя надобно выразить ими? Или больше нравится тебѣ способъ, о которомъ говорить Ермогенъ и многіе другіе, что, то есть, имена суть условные знаки, что они служатъ знаками для условившихся, которые напередъ знаютъ вещи, и что въ этомъ состоитъ правильность имени,—въ условіи; разницы же въ томъ нѣтъ, такъ ли кто условливается, какъ нынѣ принято, или, напротивъ, нынѣшнее малое называетъ великимъ, а нынѣшнее великое—малымъ? Какой способъ нравится тебѣ?

434. *Крат.* Полное и совершенное различіе, Сократъ,—выражать подобіемъ, что выражаешь, а не случайностію.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Поэтому, если имя будетъ подобно вещи, то по природѣ необходимо, чтобы вещамъ подобны были стихіи, изъ которыхъ кто либо захочетъ слагать первыя имена. Я говорю такъ: составилъ ли бы когда кто нибудь, какъ мы сейчасъ разсуждали, живописное изображеніе, похожее на какую либо вещь, если бы матеріаловъ, изъ которыхъ составляются живописныя изображенія, природа не представляла подобными вещамъ, служащими

предметами подражанія для живописи? Или это невозможно? В.

Крат. Невозможно.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и имена никогда и ничему не уподоблялись бы, если бы то, изъ чего они слагаются, не заключало въ себѣ нѣкотораго подобія вещамъ, относительно которыхъ имена суть подражанія? Не стихии ли это, изъ чего надобно слагать ихъ?

Крат. Да.

Сокр. И такъ, приставь же и ты къ нашему слову, какъ недавно принялъ его Ермогенъ. Ну-ка, хорошо ли мы, С. кажется тебѣ, говоримъ, что ρ подходит къ стремленію, движенію и жесткости, или нехорошо?

Крат. Мнѣ кажется, хорошо.

Сокр. А λ—къ легкому, мягкому и къ тому, о чемъ недавно говорили?

Крат. Да.

Сокр. Но знаешь ли, что въ отношеніи къ одному и тому же мы произносимъ σκληρότης (жесткость), а эретрійцы σκληρότηρ?

Крат. Конечно.

Сокр. Такъ обѣ эти буквы, ρ и σ, то же ли значать, и то же ли выражается у нихъ, когда приведенное слово они оканчиваютъ на ρ, чтò у насъ, оканчивающихъ его на σ, или для однихъ изъ насъ не выражается того, чтò для другихъ?

Крат. Выражается для обоихъ. D.

Сокр. Потому ли, что буквы ρ и σ подобны, или потому, что нѣтъ?

Крат. Потому, что подобны.

Сокр. Во всемъ ли подобны онѣ?

Крат. По крайней мѣрѣ въ томъ, что выражаютъ стремленіе.

Сокр. А внесенная λ не выражаетъ ли противнаго жесткости?

Крат. Можетъ быть, она внесена неправильно, Сократъ.

Какъ недавно, разговаривая съ Ермогеномъ, ты отнималъ и прибавлялъ буквы, гдѣ слѣдовало, и мнѣ казалось это правильнымъ,—такъ, можетъ быть, и теперь вмѣсто λ надобно говорить ρ.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Что же? Говоря, какъ гово-
Е. римъ теперь, мы не понимаемъ другъ друга, когда кто про-
износить σκληρόν (жесткое), и ты не знаешь, что я теперь
говорю?

Крат. Понимаю,—по крайней мѣрѣ по обыкновенію, любез-
нѣйшій.

Сокр. Но, говоря объ обыкновеніи, думаешь ли, что оно
есть нѣчто отличное отъ условія? Иное ли что называешь
ты обыкновеніемъ, чѣмъ я,—что, то есть, произнося это, я
мыслю то, а ты знаешь, что я то мыслю? Не это ли гово-
435. ришь ты?

Крат. Да.

Сокр. Поэтому, если ты знаешь, когда я произношу, то
не заявленіе ли дѣлается тебѣ отъ меня?

Крат. Да.

Сокр. Но заявленіе-то—посредствомъ неподобнаго тому,
что, произнося, я думаю,—если только λ не подобна понимае-
мой тобою жесткости (σκληρότητι). Если же такъ, то что
иное значить это, какъ не соглашеніе твое съ самимъ со-
бою, и правильность имени основывается у тебя на условіи,
поколикую для выраженія-то назначаются и подобныя и не-
подобныя буквы, по случайному обыкновенію и условію. А
В. какъ обыкновеніе есть всего менѣе условіе, то не хорошо было
бы сказать, что подобіе есть заявленіе; скажемъ,—обыкно-
веніе; потому что оно заявляетъ, какъ видно, подобнымъ и
неподобнымъ. Сошедшись же въ этомъ, Кратиль,—ибо твое
молчаніе я буду принимать за согласіе,—необходимо намъ,
для заявленія своихъ мыслей словомъ, привнестъ и условіе
и обыкновеніе. Вѣдь если захочешь ты, любезнѣйшій, обра-
титься къ числу, то откуда думаешь взять имена и прило-
жить, какъ подобныя, къ каждому изъ чиселъ, пока не дашь

сколько нибудь своего согласія, что и условіе имѣть силу С. относительно правильности именъ? Такъ мнѣ хотя и самому нравится, что имена, по возможности, подобны вещамъ, но чтобы это изыскиваніе подобія, какъ говоритъ Ермогенъ ¹, не было въ самомъ дѣлѣ слишкомъ привязчиво, необходимо сверхъ того, для правильности именъ, пользоваться и этимъ грубымъ способомъ,—условіемъ. Впрочемъ, по возможности, была бы рѣчь прекраснѣйшею, когда бы или вся она, или большею частію выражалась именами подобными, то есть приличными; противное же тому дѣлало бы негоднѣйшею. Послѣ этого, отвѣчай мнѣ еще вотъ на что: какую силу имѣютъ у насъ имена, и что дѣлаютъ они, D. скажемъ, хорошаго?

Крат. Мнѣ кажется, они учатъ, Сократъ; да и то очень просто, что кто знаетъ имена, тотъ знаетъ и вещи.

Сокр. Можетъ быть, ты разумѣешь то, Кратилъ, что кто знаетъ имя, каково оно,—а оно есть какъ бы вещь,—тотъ будетъ знать и вещь, такъ какъ существующее—подобно имени; для всего же взаимно подобнаго—одно искусство. E. Это-то, кажется, разумѣешь ты, когда говоришь: кто знаетъ имена, тотъ будетъ знать и вещи.

Крат. Весьма справедливо.

Сокр. Давай же посмотримъ, что это за способъ изученія вещей, о которомъ ты теперь говоришь, и есть ли какой нибудь иной,—только этотъ лучше того,—или инаго вовсе нѣтъ, кромѣ этого. Какъ ты думаешь?

Крат. Я думаю такъ, что иной-то едва ли есть,—что 436. этотъ—единственный и наилучшій.

Сокр. Этотъ самый способъ не есть ли и изысканіе вещей, и изыскавшій имена не изыскалъ ли и то, чему они принадлежать? Или искать и находить—долженъ быть другой способъ, а учиться—этотъ?

¹ См. р. 414, гдѣ онъ сказалъ: καὶ μάλα γε ὑλιστικῶς. А это стараніе Кратила все приводить къ подобію ловко названо было εἰλητή.

Крат. Всего вѣрнѣе то, что искать и находить—тотъ же способъ, этотъ самый.

В. *Сокр.* А ну-ка размыслимъ, Кратиль, точно ли кто нибудь, при исканіи вещей, слѣдуетъ именамъ: рассматривая, что значить каждое имя, не думаешь ли, что настойтъ не малая опасность обмануться?

Крат. Какъ?

Сокр. Явно, скажемъ мы, что первый установитель именъ, какими почиталъ вещи, такія положилъ и имена. Не такъ ли?

Крат. Да.

Сокр. И если онъ понималъ вещи неправильно, а давалъ имъ имена соотвѣтственно своему понятію, то слѣдующіе ему въ чемъ, думаешь, увѣрятся? Не въ томъ ли, что будутъ введены въ обманъ?

Крат. Смотри, чтобъ не было иначе, Сократъ: установитель именъ необходимо зналъ, почему даетъ ихъ; а не то,—какъ я и прежде говорилъ,—они не были бы и именами. Что установитель именъ не погрѣшалъ противъ истины, вотъ тебѣ важнѣйшее доказательство: у него никогда не было бы все такъ согласно. Развѣ не замѣчаешь этого самъ, когда говоришь, что всѣ имена происходили такимъ же образомъ и потому же?

Сокр. Но эта-то защита, добрый Кратиль, ничего не значить. Вѣдь если установитель именъ ошибся вначалѣ, то не удивительно, что принужденъ былъ ошибаться и потомъ, D. и поставлялся въ необходимость согласоваться съ самимъ собою,—подобно тому, какъ у начертывателя геометрическихъ фигуръ, когда допущена первая малая и незамѣтная неправильность, прочее, сколь бы ни было многосложно, приходитъ уже во взаимное согласіе. Такъ начало всякой вещи каждый человѣкъ долженъ много обдумывать и рассматривать, правильно ли оно полагается, или неправильно. E. но. Когда же начало достаточно испытано,—прочее явно будетъ за нимъ слѣдовать. Я даже и не удивился бы, если бы имена согласовались одни съ другими. Присмотримся-ка

опять къ тому, о чемъ разсуждали прежде. Имена, говоримъ мы, означаютъ у насъ сущность идущаго, движущагося, текущаго. Иное ли что выражаютъ они, по твоему мнѣнію?

Крат. Совершенно такъ, и значеніе-то ихъ правильно. 437.

Сокр. Начнемъ же свое разсмотрѣніе, взявъ изъ нихъ сперва вотъ это имя—ἐπιστήμη (знаніе): оно довольно обоудно и какъ бы означаетъ больше то, что останавливаетъ (ἵστησιν) нашу душу на (ἐπί) вещахъ, нежели то, что движется съ ними; и правильнѣе производить его начало не чрезъ прибавленіе къ нему буквы ε, какъ говорили мы нынѣ, а чрезъ внесеніе въ него, вмѣсто ει, гласной ι. Потомъ и слово βέβαιον (постоянное) есть также подражаніе какой-то неподвижности (βάσεως) и стоянія, а не движенія. Затѣмъ самое ἱστορία (преслѣдованіе) означаетъ B. то, что удерживаетъ теченіе (ἵστησι τὸν ῥοῦν). И πιστὸν (надежное), безъ сомнѣнія, значитъ останавливать (ἵσταν). Далѣе, и μνήμη (память) всякому, вѣроятно, показываетъ, что въ душѣ есть пребываніе (μονή), а не движеніе. Если угодно, то и ἀμαρτία (грѣхъ) и ξυμφορά (опасность), какъ скоро захочешь слѣдовать имени, выражаютъ одно и то же съ понятіемъ (ζύνεσις), знаніемъ (ἐπιστήμη) и со всѣми прочими именами, принимаемыми въ хорошую сторону. Близки къ с. нимъ, по видимому, и ἀμαθία (невѣжество) и ἀκολασία (неумѣренность); потому что ἀμαθία выражаетъ шествіе вмѣстѣ съ Богомъ (ἀμα θεῷ), а ἀκολασία непремѣнно есть слѣдованіе (ἀκολουθία) за дѣлами. Такимъ образомъ, что почитаемъ мы именами въ самомъ дурномъ, то можетъ очень походить на имена въ самомъ хорошемъ. Думаю, что, если потрудишься, откроешь много и другаго, чѣмъ опять приведенъ будешь къ мысли, что устанавливатель именъ означаетъ ими вещи не идущія или движущіяся, а неподвижныя.

Крат. Однако ты видишь, Сократъ, что многое означаютъ оныя и съ той стороны.

Сокр. Такъ что же, Кратиль? Будемъ ли считать имена

будто подаваемые голоса, и въ этомъ поставимъ ихъ правильность? то есть, въ какомъ значеніи именъ окажется больше, тѣ имена будутъ и вѣрны?

Крат. Выходить такъ.

Сокр. Совсѣмъ нѣтъ, другъ мой; оставимъ и эту сторону Е. дѣла, а рассмотримъ другое,—согласимся ли мы и въ этомъ, или не согласимся. Ну-ка, согласимся ли мы совершенно, что постановители именъ въ городахъ эллинскихъ и варварскихъ суть законодатели, а могущее дѣлать это искусство есть законодательство?

Крат. Конечно.

Сокр. Говори-ка,—первые законодатели, устанавливая первыя имена, знали ли вещи, къ которымъ прилагали ихъ, или не знали?

Крат. Я думаю, Сократъ, что знали.

438. *Сокр.* Невѣроятно, другъ мой, Кратиль; скорѣе, не знали.

Крат. Мнѣ не кажется.

Сокр. Возвратимся же опять къ тому, съ чего мы начали и пришли сюда. Ты, если помнишь, недавно сказалъ, что установитель именъ необходимо зналъ, говоришь, то, къ чему прилагалъ ихъ. Такъ ли и теперь кажется тебѣ, или нѣтъ?

Крат. И теперь.

Сокр. Значить, и первый установитель ихъ устанавливалъ, зная дѣло?

Крат. Зная.

В. *Сокр.* Изъ какихъ же именъ изучалъ онъ или открывалъ вещи, пока еще первыя-то имена не были приложены, а между тѣмъ изучать вещи и открывать, говоримъ, иначе невозможно, какъ изучивъ и открывъ имена, каковы они?

Крат. Мнѣ кажется, ты дѣльно говоришь, Сократъ.

Сокр. Такъ какимъ образомъ они, эти законодатели установленія именъ, могли бы знать вещи, прежде чѣмъ приложили хоть одно имя и уразумѣли его, если только изучать вещи возможно не иначе, какъ изъ именъ?

Крат. Я думаю, весьма справедливо говорить объ этомъ, Сократъ, что приложеніе первыхъ именъ къ вещамъ относится къ какой-то высшей силѣ, нежели человѣческая, дабы они были необходимо правильны.

Сокр. Такъ установившій имена,—геній ли это какой, или богъ устанавливалъ ихъ,—думаешь, противорѣчилъ самъ себѣ? Или тебѣ кажется, что недавнія наши слова ничего не значать?

Крат. Но чтобы другія изъ нихъ не были имена.

Сокр. Которыя, почтеннѣйшій,—къ стоянію ли ведущія, или къ движенію? Вѣдь они, какъ сейчасъ сказано, различаются не многочисленностію.

Крат. Да и несправедливо было бы, Сократъ. D.

Сокр. Но когда имена возстаютъ другъ противъ друга, и одни утверждаютъ, что *они* подобны истинѣ, а другія—что *они*,—чѣмъ мы различимъ ихъ и на какомъ основаніи? Вѣдь, конечно, не на иныхъ же именахъ, которыя отличны отъ этихъ,—что невозможно;—но кромѣ сихъ именъ надобно искать, очевидно, чего-то другаго, что и безъ именъ открываетъ намъ, которыя изъ нихъ истинны, то есть, по-Е. казываютъ истину вещей.

Крат. Мнѣ кажется, такъ.

Сокр. А если такъ, то можно намъ, какъ видно, Кратиль, изучить вещи и безъ именъ.

Крат. Видимо.

Сокр. Черезъ что же еще иное надѣешься ты изучить ихъ? Не черезъ то ли, черезъ что было бы естественно и совершенно справедливо,—то есть, однѣ черезъ другія, если онѣ взаимно сродны, и самихъ черезъ себя? Потому что отличнымъ отъ нихъ и чуждымъ означалось бы нѣчто отличное и чуждое, а не сами онѣ.

Крат. Ты говоришь, кажется, правду.

Сокр. Смотри же, ради Зевса: не соглашались ли мы много разъ, что имена, хорошо приложенныя, подходятъ къ тому, чего они имена, и бываютъ изображеніями вещей?

Крат. Да.

- Сокр.* Такъ если вещи можно изучать особенно чрезъ имена, можно и чрезъ самыя вещи: то которое изученіе ихъ будетъ наилучшее и яснѣйшее? Изъ образа ли узнавать вещь самую въ себѣ, сколь хорошо она отображена, и истину
- В. изъ ея изображенія, или изъ истины—какъ самую истину вещи, такъ и образъ ея, прилично ли онъ сдѣланъ?

Крат. Мнѣ кажется, необходимо изъ истины.

Сокр. Какимъ образомъ надобно изучать и открывать вещи,—узнать это, можетъ быть, выше силъ моихъ и твоихъ; для насъ довольно и обоюднаго согласія, что онѣ должны быть изучаемы и изслѣдываемы не изъ именъ, а гораздо скорѣе сами изъ себя, чѣмъ изъ именъ.

Крат. Видимо, Сократъ.

- С. *Сокр.* Разсмотримъ еще и то, какъ бы не обмануло насъ множество этихъ къ одному и тому же направляющихся именъ. Въ самомъ дѣлѣ, устанавливавшіе имена устанавливали ихъ въ той мысли, что все идетъ и течетъ,—ибо они, мнѣ кажется, дѣйствительно такъ мыслили; а между тѣмъ случилось не такъ: эти установители, какъ бы попавъ въ какой-то круговоротъ, и сами вертятся, и насъ тянутъ за собою и бросаютъ въ тотъ же вихрь. Смотри-ка, почтеннѣйшій Кратиль, что мнѣ часто представляется какъ бы во снѣ ¹: называемъ ли мы нѣчто прекраснымъ и добрымъ
- Д. самимъ въ себѣ, и относительно всякой отдѣльной вещи такимъ же образомъ, или не называемъ?

Крат. Мнѣ кажется, называемъ, Сократъ.

Сокр. Разсмотримъ же это самое,—не то, что извѣстное

¹ Такъ говоритъ Сократъ, давая замѣтить, что самая сила вещей, постоянная и неизмѣнная въ себѣ, представляется ему болѣе гадательно, чѣмъ въ выводахъ умозаключенія. Платонъ приведенъ былъ къ учению объ идеяхъ, по видимому, тогда, когда положеніе о общихъ понятіяхъ Сократа соединилъ съ философемами влейцевъ о сущемъ. Послѣ того онъ уже обдуманно отступилъ отъ мнѣнія гераклитянъ, которые не допускали ничего постояннаго, но все представляли въ непрестанномъ движеніи.

лицо прекрасно, или нѣчто такое,—все это, по видимому, течетъ,—а самое, скажемъ, прекрасное: не таково ли оно всегда, каково есть?

Крат. Необходимо.

Сокр. Можно ли выразить правильно то, что всегда уходитъ,—выразить, во первыхъ, что это—то же, во вторыхъ, что это—такое? Или необходимо, что, тогда какъ мы говоримъ, оно тотчасъ становится уже инымъ, ускользаетъ и не остается тѣмъ же?

Крат. Необходимо.

Сокр. Какимъ же образомъ могло бы быть чѣмъ нибудь Е. то, что никогда не то же? Вѣдь если бы оно было то же, то въ это самое время, очевидно, не измѣнялось бы. А что всегда одинаково и тождественно, то какъ могло бы измѣняться или приходить въ движеніе, не выступая изъ своей идеи?

Крат. Никакъ.

Сокр. Да оно не было бы никѣмъ и познано; ибо только что приступилъ бы ты съ намѣреніемъ познать его,—оно 440. сдѣлалось бы инымъ и чуждымъ, а потому не было бы еще узнано, каково оно дѣйствительно и въ какомъ состояніи находится. Вѣдь никакое знаніе не познаетъ, познавая никакъ не существующее.

Крат. Именно такъ.

Сокр. Тамъ, по справедливости, нельзя указать и на знаніе, Кратиль, гдѣ всѣ вещи измѣняются и ничто не стоитъ. Вѣдь если это самое знаніе есть знаніе того, что не измѣняется, то знаніе всегда пребываетъ и всегда есть знаніе: а когда измѣняется и самый видъ знанія, то, какъ скоро В. видъ знанія измѣняется въ иной, знанія уже нѣтъ, и гдѣ всегда происходитъ измѣняемость, тамъ никогда не бываетъ знанія; а отсюда слѣдуетъ, что тамъ не бываетъ ни познаваемаго, ни имѣющаго быть познаннымъ. Если же, напротивъ, всегда есть познающее, то есть и познаваемое, есть и прекрасное, есть и доброе, есть и бытіе каждой отдѣльной

вещи; и это уже не походить на то, что мы недавно говорили, — на теченіе и движеніе. Этимъ ли образомъ все существуетъ, или тѣмъ, о которомъ говорятъ послѣдователи Гераклита и многіе другіе, — рѣшить, можетъ быть, не легко: не слишкомъ умному человѣку свойственно, пускаясь въ имена, занимать ими себя и свою душу, вѣря имъ и ихъ установителямъ, — утверждать, будто что-то знаешь; а между тѣмъ произносить судъ противъ себя и вещей, — что ни въ чемъ нѣтъ ничего здраваго, но что все течетъ, будто скудель, — что всѣ вещи, точно будто люди, страдающіе разстройствомъ желудка, подвержены разнымъ теченіямъ и изліяніямъ. Можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ такъ, Кратиль, а можетъ быть и нѣтъ. Такъ тебѣ надобно мужественно и хорошо изслѣдовать, а не вдругъ принимать, — вѣдь ты еще молодъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ; когда же изслѣдуешь и найдешь, сообщишь и мнѣ.

Крат. Такъ и сдѣлаю. Впрочемъ хорошо знай, Сократъ, что я и теперь слушаю тебя не безъ изслѣдованія; а изслѣдывая этотъ предметъ, и озабочиваясь имъ, я нахожу, что гораздо скорѣе бываетъ такъ, какъ говоритъ Гераклитъ.

Сокр. Такъ ты, другъ мой, научишь меня въ другой разъ, когда придешь; а теперь ступай въ деревню, куда собирался; сопутствовать тебѣ будетъ и этотъ Ермогенъ.

Крат. Такъ и будетъ, Сократъ; но постарайся и ты подумать еще объ этомъ.

